DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/tipyaksakova01nosk

ТИПЫ

АКСАКОВА

Редакція Н. Д. НОСКОВА.

Издательство „Словарь Лит. Типовъ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

Изданіе второе. Томъ IV.

СЛОВАРЬ
литературныхъ
ТИПОВЪ

Аксаковъ

891.73
A31 S2 11

Отъ редакціи.

Въ настоящемъ пятомъ выпускѣ „Словаря“, посвященномъ литературнымъ типамъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія во внѣшнемъ планѣ. Эти измѣненія, нисколько не нарушающія внутренняго единства всего изданія, вызваны тѣми характерными чертами, которыми отличаются произведенія писателя.

Во всѣхъ четырехъ произведеніяхъ („Семейная хроника“, „Дѣтскіе годы Багрова-внука“, „Воспоминанія“ и неоконченная повѣсть „Наташа“) проходитъ подъ различными именами и фамиліями портретная галлерея однихъ и тѣхъ лицъ и образовъ. Предъувѣдомленіе со стороны автора читателей о томъ, что „Отрывки изъ хроники семейства Багровыхъ“ не имѣютъ ничего общаго съ его собственными „Воспоминаніями“, теряетъ силу послѣ раскрытія псевдонимовъ, сдѣланнаго Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, сыномъ С. Т. и издателемъ его сочиненій. На этомъ основаніи мы соединили въ „Словарѣ“ въ одно цѣлое характеристики типовъ и лицъ аксаковской трилогіи, но оставили „прежнія вымышленныя названія“, такъ какъ они давно уже получили не только извѣстность, но и право гражданства въ русской литературѣ. Въ отдѣлѣ „Перечень произведеній С. Т. Аксакова“, подъ рубрикой: „лица“—читатель найдетъ сравнительную таблицу дѣйствительныхъ и вымышленныхъ фамилій аксаковскихъ героевъ, литературные образы которыхъ имѣютъ немаловажное значеніе для характеристики русскаго общества конца XVIII и начала XIX вѣка, т. е. для той главной цѣли, съ которой предпринято изданіе „Словаря литературныхъ типовъ“.

Въ настоящемъ выпускѣ всѣ типы, образы и лица сведены вмѣстѣ въ „Словарѣ“, безъ выдѣленія второстепеннаго матеріала въ особый „Указатель“.

Къ многочисленнымъ литературнымъ и театральнымъ воспоминаніямъ Аксакова приложенъ особый алфавитный „перечень“ лицъ въ нихъ упоминаемыхъ, и на основаніи воспоминаній и ряда другихъ источниковъ, указанныхъ въ текстѣ, даны въ особомъ „спискѣ“ краткія характеристики лицъ и предметовъ, теперь уже въ большинствѣ случаевъ забытыхъ. Въ тотъ же списокъ внесены всѣ, встрѣчающіяся въ „Словарѣ“, понятія и названія, требующіяся разъясненія. Всѣ такія слова отмѣчены въ текстѣ *, обозначающей, что отмѣченное слѣдуетъ искать въ „спискѣ“,

Во всемъ прочемъ планъ изданія пятаго выпуска остался безъ перемѣнъ и намъ остается здѣсь лишь повторить лицамъ незнакомымъ съ предъидущими выпусками то, что говорилось въ предисловіи къ первымъ четыремъ выпускамъ:

„Большинство характеристикъ распадается на три самостоятельныхъ отдѣла: а) характеристика типа въ освѣщеніи автора, б) сводъ критическихъ мнѣній и в) библіографія предмета. Не столько ради полноты изданія, сколько въ прямомъ соотвѣтствіи съ главной цѣлью изданія, въ „Словарь“ введены всѣ типы и образы изъ произведеній разсматриваемаго писателя.

Въ характеристики вносились, по возможности, подлинныя опредѣленія самого автора. Изъ критическихъ отзывовъ бралось лишь то, что, такъ или иначе, обрисовываетъ и освѣщаетъ данный типъ. Приложенныя библіографическія указанія должны помочь лицамъ, пользующимся книгой, самимъ, ближе и въ болѣе полномъ объемѣ, ознакомиться съ отмѣченными произведеніями критической литературы (См. Приложеніе 2-ое).

Въ концѣ книги прилагается „Перечень произведеній“ и всѣхъ, входящихъ въ нихъ, дѣйствующихъ и упоминаемыхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ „Перечень“ служитъ алфавитнымъ index'омъ произведеній, „Словарь“ является такимъ же алфавитнымъ index'омъ типовъ и, своего рода, ключомъ для изученія писателя, которому посвященъ выпускъ.

Исходя изъ той мысли, что художественныя произведенія не могутъ разсматриваться внѣ фона и времени, въ „Перечень“ введены краткія историко-литературныя примѣчанія. Эти послѣднія, вмѣстѣ съ біографической канвой, приложенной въ началѣ выпуска, дадутъ возможность пользующемуся „Словаремъ“ легко навести ту или другую справку, касающуюся жизни писателя, условій его творчества и самаго творчества.

Весь матеріалъ во всѣхъ отдѣлахъ „Словаря“ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ алфавитъ же введенъ и приложенный къ изданію (см. Приложеніе 3-ье) сводъ „нарицательныхъ именъ“. И здѣсь мы стремились, по возможности, не сузить, а расширить рамки понятія „нарицательное имя“. Въ рубрику ихъ введены всѣ яркія, мѣткія т. н. „крылатыя слова“, которыя не только характеризуетъ стиль и манеру писателя, но и составляютъ его индивидуальное отличіе“.

Ник. Носковъ.

С. Т. Аксаковъ.

(*Біографическая канва*).

1791 г. 20 Сентября въ г. Уфѣ родился Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. Отецъ писателя, Тимофей Степанычъ, прокуроръ Уфимскаго Верхняго Земскаго Суда и помѣщикъ Белебеевскаго уѣзда, мать Марья Николаевна, урожденная Зубова.

1792 г.—1798 г. Особая привязанность ребенка къ матери. Болѣзненный ростъ. Сказки ключницы Пелагеи. Любовь къ чтенію («Дѣтское Чтеніе», «Иппокрена».—Дядька Евсеичъ.

1799 г. Пріѣздъ въ Казань.—Новое Аксаково. Заботы матери объ ученіи сына. Отсутствіе учителей.

1800 г. Казанскія впечатлѣнія. Вступительный экзаменъ. Казенно-коштный воспитанникъ гимназіи. Болѣзнь. Хлопоты матери объ увольненіи сына изъ гимназіи и отказъ на основаніи того, что «увольнять казенныхъ воспитанниковъ по нездоровью—дѣло неслыханное». Докторскій консиліумъ и засѣданіе гимназическаго совѣта «по поводу возвращенія казеннаго воспитанника А. на попеченіе родителей»; обязательство матери подпиской «представить въ гимназію сына по выздоровленію». Отъѣздъ изъ Казани. Снова на родинѣ.

1801 г. Въ деревнѣ. Болѣзненное состояніе: припадки и обмороки. Продолженіе ученія. Казань. Своекоштный воспитанникъ гимназіи. На квартирѣ у старшаго учителя Ив. Ипат. Запольскаго.

1802 г. Переходъ «въ средніе классы» съ похвальнымъ листомъ и книгой «за прилежаніе и успѣхи». На вакаціяхъ въ Аксаковѣ.—Н. М. Ибрагимовъ—учитель россійской словесности и математики и старшій учитель Григорій Ивановичъ Карташевскій.

1803 г. Жизнь въ качествѣ «молодого товарища» у Карташевскаго. Неуспѣхъ въ математикѣ.

1804 г. Планъ образованія: «общаго, легкаго, преимущественно литературнаго». Знакомство съ литературой русской и французской. Занятія французскимъ языкомъ. Чтеніе Шехеразады и Донъ-Кихота. Любовь къ поэзіи. Классныя сочиненія. Высшіе классы. — Первая охота съ ружьемъ и увлеченіе ею.—Любовь къ театру.—Дружба съ Александромъ Панаевымъ и его журналъ «Аркадскіе Пастушки».

1805 г. Гимназическіе спектакли. Участіе въ гимназическомъ журналѣ. Первые опыты, не показывающіе «ни малѣйшаго признака стихотворнаго дарованія». Зачисленіе въ студенты. Открытіе Казанскаго университета.—Старое Аксаково. Собираніе бабочекъ.

1806 г. — Пріѣздъ въ Казань Плавильщикова. Открытіе «новаго міра въ театральномъ искусствѣ». Университетскіе спектакли. «Директоръ» университетской труппы. Огорченія и неудачи.—Увлеченіе натураль-

ной исторіей. «Журналъ нашихъ занятій». Литературное общество, (впослѣдствіи изъ него образовалось «Общество любителей русской словесности въ Казани»). Смерть тетушки (см. Куролесова).

1807 г. Просьба объ увольненіи изъ университета «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ».

1808 г.—1810 г. Петербургъ. Карташевскій. Я. Е. Шушеринъ. Служба переводчикомъ въ «Коммиссіи составленія Законовъ». Знакомство съ А. С. Шишковымъ.

1811 г. Выходъ въ отставку. Деревня.

1812 г. Зачисленіе въ милицію и пребываніе въ деревнѣ. Пожаръ Москвы. Пріѣздъ въ Москву уже очищенную отъ непріятеля. Литературныя знакомства: С. Н. Глинка, Н. М. Шатровъ, Н. И. Николинъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. — Переводъ «Филоктета» Софокла. — С.-П-бургъ. Г. Р. Державинъ.

1816 г. Выходъ отдѣльнаго изданія «Филоктета». Женитьба на дочери екатерининскаго генерала Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной. Отъѣздъ въ деревню.

1817 г. Жизнь въ Новомъ-Аксаковѣ. Рожденіе первенца (Константина Сергѣевича—29 марта).

1819 г. Представленіе на петербургской сценѣ перевода «Школы мужей». Переложеніе на русскіе нравы сатиръ Буало.

1821 г. Пріѣздъ въ Москву. Возобновленіе старыхъ литературныхъ и театральныхъ знакомствъ. А. И. Писаревъ. Загоскинъ. Увлеченіе театромъ и участіе въ «благородныхъ спектакляхъ».

1822 г. Семейный раздѣлъ. Село Надеждино, близъ Белебея.

1823 г. Рожденіе Ивана Сергѣевича (26 сентября).

1826 г. Переселеніе въ Москву. Поиски службы. Цензоръ «особаго московскаго Комитета».

1827 г. М. П. Погодинъ и Н. А. Полевой. — Участіе въ «Московскомъ Вѣстникѣ».

1832 г. Гауптвахта за пропускъ статьи Кирѣевскаго въ «Европейцѣ» и лишеніе службы за пропускъ баллады «Двѣнадцать будочниковъ». Знакомство съ Гоголемъ. Убѣжденіе, что у насъ писать нечего», что «въ свѣтѣ все такъ однообразно, прилично и пусто».

1833 г. Смерть матери.

1834 г. Инспекторъ Константиновскаго Межевого Института. Очеркъ «Буранъ».

1837 г. Смерть отца. Полученіе наслѣдства и выходъ въ отставку.

1839 г. Начало близкихъ отношеній къ Гоголю.—Преклоненіе предъ «величайшею славой Россіи». Поѣздка вмѣстѣ съ Гоголемъ въ Петербургъ. «Рубежъ, перейдя который С. Т. растерялъ всѣхъ своихъ литературныхъ друзей прежняго псевдо-классическаго періода.

1840 г. 9 мая. Обѣдъ у Погодина въ честь Гоголя въ присутствіи Лермонтова, Тургенева, Загоскина, кн. Вяземскаго и др. Чтеніе «Мертвыхъ Душъ» въ домѣ Аксаковыхъ.

1843 г. Пріобрѣтеніе подмосковной (сельцо Абрамцево, въ десяти верстахъ отъ Троицко-Сергіевскаго посада).

1845 г. Потеря лѣваго глаза. Диктовка. «Записки объ уженіи».

1846 г. Приступы мучительной болѣзни. Первый отрывокъ «Семейной Хроники» появляется въ «Московскомъ Сборникѣ».

1847 г. Выходъ «Записокъ объ уженіи рыбы» отд. изданіемъ. Начало литературной извѣстности. Письмо Гоголя съ просьбой написать «Записки своей жизни».

1849 г. Гоголь—гость Абрамцева. Чтеніе первыхъ главъ первой части «Мертвыхъ Душъ». Письма по этому поводу къ оффиціальнымъ лицамъ.

1850 г. Знакомство съ Тургеневымъ и начало переписки съ нимъ.
1852 г. Смерть Гоголя—«Письмо къ друзьямъ Гоголя». Отдѣльное изданіе «Записокъ ружейнаго охотника». Отзывы И. С. Тургенева и А. С. Хомякова.
1854 г. Начата работа надъ рукописью «Знакомство съ Гоголемъ».
1855 г. Хлопоты объ устройствѣ празднованія юбилея М. С. Щепкина.
1855 г. Болѣзнь. Работа надъ «Семейной хроникой» и «Воспоминаніями».
1856 г. Отдѣльное изданіе «Семейной хроники» и «Воспоминаній». Появленіе въ журналахъ двухъ послѣднихъ отрывковъ изъ «Семейной хроники».
1858 г. Привѣтъ обновляющейся Россіи (стихотвореніе «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ»).—Повѣсть «Наташа». «Собираніе бабочекъ». «Очеркъ зимняго дня», продиктованный уже умирающимъ.
1859 г. Въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля въ Москвѣ скончался Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ.—Могила его на кладбищѣ московскаго Симонова монастыря.

Словарь литературныхъ типовъ.

А.

Авенаріусъ, Андрей Юрьевичъ («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—«Докторъ»; «добрый другъ» Багровыхъ. «Человѣкъ очень умный, образованный и любезный», «ежедневный гость» Багровыхъ въ Уфѣ. Отправивъ Софью Николаевну на кумысъ, «имѣлъ полное право торжествовать и радоваться: онъ первый предложилъ питье кумыса и управлялъ ходомъ лѣченія». Онъ и прежде любилъ свою паціентку (Софью Николаевну), а теперь, такъ счастливо возвратя ей здоровье, привязался къ ней, какъ къ дочери».—Когда Багровъ внукъ заболѣлъ, А. щупалъ его голову и пульсъ, затѣмъ «приказалъ отнести» больного «въ дѣтскую и положить въ постель, и выгналъ всѣхъ, чтобы оставить больного» «въ совершенномъ покоѣ».

Агафья («Дѣтскіе годы»). — Няня Багровыхъ. Когда Софья Николаевна разбранила А., за небрежное отношеніе къ дѣтямъ во время своего отсутствія, А. «плакала, и въ то же время все говорила неправду, клялась и божилась, что отъ дѣтей и денно и нощно не отходила».

Акимъ («Дѣтскіе годы»).—«Молодой столяръ».

Аксинья («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»). — См. *Аксютка.*

Аксинья Степановна («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—См. *Ногаткина.*

Аксютка («Семейная хроника»).—«Чайница и кофейница» Степана Михайловича. «Круглая крестьянская сирота», взятая во дворъ, на сѣни, съ семилѣтняго возраста, единственно потому, что ее некому было кормить». «Была очень дурна лицомъ: рыжая въ веснушкахъ, съ глазами неизвѣстнаго цвѣта, и сверхъ того отвратительно неопрятна и зла». Степанъ Михайловичъ «очень любилъ съ ней разговаривать цѣлые часы; послѣ «радостной вѣсти изъ Уфы» (о рожденіи внука), Аксютку, которой «было уже далеко за тридцать лѣтъ», рѣшили выдать замужъ за Ивана Малыша. Для смотринъ Аксютка «пригладила и примазала свои рыжіе волосы коровьимъ масломъ, напялила праздничную кофту съ юбкой, обулась въ башмаки,—и не похорошѣла. Она не могла удерживаться, и ротъ безпрестанно кривился отъ радостной улыбки; ей было стыдно отъ того, и она закрывала лицо рукою».—«Безъ памяти влюбилась въ своего красавца-мужа» и «ревновала съ утра до вечера», «хотя мужъ колотилъ ее съ утра до вечера», «потому что одно только полѣно, и то не надолго, могло зажимать ей ротъ, унимать ея злой языкъ».

Акулина Борисовна («Дѣтскіе годы»). — Любимая горничная Прасковьи Ивановны. «Очень скромная и заботливая».

Алакаева, Мавра Павловна («Семейная хроника»).—Старая помѣщица, дальняя родственница Багровыхъ. Ей Алексѣй Степановичъ «открылся въ своей любви» къ Софьѣ Николаевнѣ и Алакаева вызвались ему помогать; дала совѣтъ ѣхать къ отцу, чтобы получить его согласіе на бракъ съ Зубиной; позднѣе отъ имени Алексѣя Степановича сдѣлала предложеніе его невѣстѣ, «съ родственнымъ умиленіемъ правдиво и точно разсказала ей о прекрасномъ характерѣ жениха и про его семейство и «съ точностью передала Алексѣю Степановичу отвѣтъ невѣсты».

Александра Петровна Зубина («Семейная хроника»).—Урожденная Рычкова, вторая жена Ник. Оед. Зубина, мачеха Софьи Николаевны. «Страшное слово мачеха» «шло какъ нельзя лучше къ Александрѣ Петровнѣ». «Умная, гордая и красивая, овладѣла совершенно нѣжнымъ сердцемъ вдовца и возненавидѣла» падчерицу; подвергала ее «жестокостямъ и мученіямъ», «самымъ унизительнымъ наказаніямъ, даже побоямъ «за небывалыя вины»; взводила на нее клеветы и выдумки; «поклялась», что «падчерица будетъ жить въ дѣвичьей, ходить въ бойчатомъ платьѣ и выносить нечистоту изъ-подъ ея дѣтей». «Буквально сдержала клятву свою», но, умирая «во цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и красоты», («на десятый день послѣ родовъ»), «поспѣшила примириться со своею совѣстью»; «при свидѣтеляхъ поклялась въ своихъ винахъ передъ падчерицею, просила у нея прощенья и заклинала именемъ Божіимъ не оставить ея дѣтей», «призналась такъ-же своему мужу, что всѣ обвиненія, взводимыя на его дочь,—была выдумка и клевета».

Александра Степановна («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—См. *Каратаева.*

Алексѣй Степановичъ Багровъ («Семейная хроника», «Дѣтскіе годы» и «Воспоминанія»).—Съ молоду «былъ красавчикъ, кровь съ молокомъ: «кофту, да юбку, такъ больше бы походилъ на барышню, чѣмъ всѣ сестры», говорилъ про него отецъ. Съ шестнадцати лѣтъ Степанъ Михайловичъ опредѣлилъ его въ военную службу; «почти годъ находился безсмѣннымъ ординарцемъ при Суворовѣ»; послѣ того, какъ нѣмецъ генералъ (см. Трейблутъ) «жестоко отколотилъ его палками», вышелъ въ отставку съ чиномъ 14 класса «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ»; былъ опредѣленъ отцомъ въ Верхній Земскій Судъ, гдѣ Алексѣй Степановичъ «усердно и долго служилъ и былъ впослѣдствіи прокуроромъ». Человѣкъ смиренный, застѣнчивый и стыдливый, какъ деревенская дѣвушка, «съ роду» не пивалъ ничего, кромѣ «воды». По словамъ Алакаевой, «человѣкъ не отшлифованный, деревенскій, ничему не ученый, и больно ужъ смиренъ въ публикѣ». У старика Зубина объ Алексѣѣ Степановичѣ «какъ-то составилось понятіе, какъ о человѣкѣ самомъ ничтожномъ». «Простенькій, не дальній, по мнѣнію всѣхъ, деревенскій дворянчикъ». «Совершенный невѣжда, ничего не читавшій, кромѣ «двухъ-трехъ глупѣйшихъ романовъ», до которыхъ былъ охотникъ»; интересы Алексѣя Степановича «не простирались далѣе ловли перепеловъ на дудки и соколиной охоты». Сочинять письма совершенно не умѣлъ и когда старался, писалъ «витіевато», заимствуя фразы изъ «тогдашнихъ романовъ». Отцу, прося согласіе на бракъ, писалъ: «не могу преступить воли вашей и покоряюсь ей: но не могу долго влачить бремя моей жизни, безъ обожаемой мной Софьи Николаевны, а потому въ непродолжительномъ времени смертоносная пуля скоро просверлитъ голову вашего несчастнаго сына». Отъ письма, написаннаго, по просьбѣ невѣсты, къ ея родственнику, у послѣдней «кровь бросилась ей въ голову, и потомъ слезы хлынули изъ глазъ»; невѣста сама «написала черновое» и попросила Алексѣя Степаныча переписать, на что онъ «охотно согласился».

Въ обществѣ съ перваго взгляда казался «дурачкомъ», не умѣлъ ни наблюдать, ни «сказать двухъ словъ», свѣтскихъ приличій не зналъ и не понималъ»; былъ «неловокъ, застѣнчивъ, смѣшонъ, жалокъ», умѣлъ только краснѣть, кланяться и жаться въ уголъ, или къ дверямъ, далѣе отъ свѣтскихъ говоруновъ, ко-

торыхъ просто боялся, хотя поистинѣ многихъ изъ нихъ былъ гораздо умнѣе», но его «умъ и чувства были погружены «въ непробудный сонъ»; понятія Алексѣя Степановича были ограничены, интересы мелочны», но у него были «природный, здравый смыслъ», «честность» и «мягкая доброта». Онъ не умѣлъ притворяться», былъ скроменъ, чистосердеченъ и неиспорченъ свѣтомъ», и совершенно не самолюбивъ». Сдѣлавъ черезъ Алакаеву предложеніе Софьѣ Николаевнѣ, испугался, какъ взглянетъ на это товарищъ намѣстника (отецъ Софьи Николаевны). «Ну, если ему не понравилось намѣреніе чиновника Верхняго Земскаго Суда, 14-го класса, жениться на его дочкѣ? Если онъ сочтетъ дерзостью такое предложеніе, да крикнетъ:—Какъ ты осмѣлился подумать о моей дочери? По тебѣ ли она невѣста? Посадить его подъ караулъ, отдать подъ судъ»... Отца онъ больше боялся, чѣмъ любилъ «и не привыкъ открыто говорить съ отцомъ. «Самостоятельности» не имѣлъ вовсе. «Человѣкъ самаго слабаго и кроткаго нрава». «Дерзкая мечта» о женитьбѣ на Софьѣ Николаевнѣ испугала его самого, но любовь возмутила ему голову». Сдѣлать предложеніе самъ не рѣшился и, во время отсутствія Алакаевой, которая поѣхала за него къ Софьѣ Николаевнѣ, «на влюбленнаго напалъ такой страхъ, такая тоска, что онъ принялся плакать и, наконецъ, утомленный слезами, заснулъ». На приглашеніе Зубина явиться къ нему, вошелъ «едва переводя духъ отъ робости», «отвѣсилъ низкій поклонъ и сталъ у дверного косяка». Получивъ согласіе отца Софьи Николаевны, «онъ бросился въ ноги Николаю Ѳедоровичу, цѣловалъ его руки, плакалъ, рыдалъ какъ дитя, едва не упалъ въ обморокъ отъ избытка счастья, которое до послѣдней минуты казалось ему недостижимымъ». Невѣстѣ отвѣчалъ съ подобострастіемъ, что всѣ желанія Софьи Николаевны для него законъ, и что его счастье будетъ состоять въ исполненіи ея воли». Послѣ смерти отца отвѣчаетъ матери, что «изъ ея воли не выйдетъ». «Былъ очень озабоченъ своимъ вступленіемъ въ должность полнаго хозяина», однако, скоро «занялся хозяйствомъ съ утра до вечера», хотя сначала въ хозяйствѣ немного понималъ, не отличая «ржанныя клади» отъ «яровыхъ», но всегда «любилъ деревню». Осматривая, по приказанію тетушки ея имѣніе, «не бралъ на себя никакой власти» и только пріѣхалъ «осмотрѣть хозяйство и обо всемъ донести».—Я, братецъ, говорилъ Алексѣй Степановичъ старостѣ, тебѣ ничего не приказываю, а говорю только, не разсудишь ли ты самъ такъ поступить? Я и тетушкѣ допесу. что никакихъ приказаній тебѣ не давалъ, и ты на меня не ссылайся». Съ крестьянами добръ и ласковъ. Привѣтствовалъ жнецовъ, говоря «Богъ на помощь!» разспросилъ людей не тяжело ли имъ?» На предложеніе старосты сдѣлать «лишній сгонъ», сказалъ, что «крестьянамъ вѣдь также нужно убираться, и что отнять у нихъ лишній день въ такую страдную пору, дѣло не хорошее». Увидя «стараго и хвораго «засыпку» Василія Терентьева на работѣ, сказалъ старостѣ, что его «надо было бы оставить отъ старичьихъ работъ и не наряжать въ засыпки» и, когда староста сталъ возражать, «съ сердцемъ» заступился за «больного дѣдушку», но прогнать старосту не рѣшился и даже на просьбы Софьи Николаевны отвѣтилъ: «не вмѣшивайся не въ свое дѣло, ты все дѣло испортишь, ты все семейство (Тереньтьева) погубишь»...

«Житейская мудрость» говорила Алексѣю Степановичу, что «добрыхъ людей на свѣтѣ мало», а «свой своему поневолѣ братъ»; онъ самъ больше всего любилъ свое Багрово», свой домъ, своихъ родныхъ, и искренно удивлялся какъ его жена можетъ не раздѣлять его чувствъ.

Сильная радость и горе у Алексѣя Степановича всегда «выливалась въ слезахъ», — тогда онъ «всегда плакалъ какъ ребенокъ». Получивъ извѣстіе о смерти государыни (Екатерины II) «даже заплакалъ», но вечеромъ поѣхалъ на балъ къ губернатору (см. В.) «такъ какъ всѣ рѣшили, что нельзя не ѣхать». — «Не стало вашего дѣдушки!» сказалъ Алексѣй Степановичъ дѣтямъ, послѣ кончины отца и «горько заплакалъ», но легъ и въ ту же минуту заснулъ». Узнавъ о кончинѣ матери, «поблѣднѣлъ, весь задрожалъ» и «плакалъ навзрыдъ

болѣе часа, какъ маленькое дитя» и въ слезахъ заснулъ на груди жены; на могилѣ матери, какъ изступленный, обнялъ руками сырую землю, да такъ и замеръ», но безпричинной тоски жены не понималъ и «убѣдился на той мысли», «что это одно воображеніе».

Мужество и энергія его прорывались рѣдко, но тогда онъ былъ способенъ на всякое самоотверженіе, на всякій отчаянный поступокъ, пожалуй, на геройство». «Тихій и терпѣливый — Алексѣй Степановичъ, «во гнѣвѣ былъ страшенъ». «Природа и охота» навѣвали на Алексѣя Степановича сладкія впечатлѣнія». «Зеленая, цвѣтущая, душистая стень приводила его въ восхищенье», «поглощала все его вниманье». Объ охотѣ онъ могъ вести «безконечные разговоры», «людямъ вѣрялся слѣпо», но «не могъ доискаться видимой, понятной для него причины въ ихъ поступкахъ»; поступки ясные долго не могъ себѣ объяснить: «больныхъ безъ болѣзни, огорченныхъ безъ горя, или наоборотъ, заболѣвающихъ отъ безпричинной грусти и грустныхъ отъ небывалой или незамѣтной болѣзни— онъ не встрѣчалъ во всю свою жизнь».

Алена Максимовна («Дѣтскіе годы»).—Бабушка-повитушка.

Андрюша Чепруновъ («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—«Единственный», «обожаемый сынокъ» Катерины Алексѣевны. Товарищъ Багрова внука по классу; «кривой, одинъ глазъ выпятился отъ бѣльма и похожъ на какую-то бѣлую пуговицу. Учитель ариѳметики поступалъ съ А. несправедливо»: ставилъ отмѣтки не по достоинству и «обращался» худо.

Алкинъ («Семейная хроника»).—Помѣщикъ-мусульманинъ. Гостепріимно принялъ Софью Николаевну, пріѣхавшую въ его деревню на кумысное лѣченіе (см. *Тевкелевы*).

Аничковъ, Сергѣй Ивановичъ («Дѣтскіе годы»).—Бывшій депутатъ отъ Оренбургскаго края: языкъ рѣзкій; гордится своимъ депутатствомъ и смѣло поговариваль о своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, не принесшихъ, по его собственному признанію, никакой пользы. Богатый, старый холостякъ. Слыветъ «очень умнымъ и даже ученымъ человѣкомъ». «Покровитель всякой любознательности». Слѣдитъ за развитіемъ Багрова-внука, даря книжки, соотвѣтствующія его возрасту. Не могъ простить покойной государынѣ (Екатеринѣ II), зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ и говорилъ: «пора мужской рукѣ взять скипетръ власти».

Аннушка («Семейная хроника»).—«Молоденькая прачка Софьи Николаевны», которую выдали замужъ за Ефрема Евсеича.

Архиповъ («Дѣтскіе годы»).—Десятникъ; у самого нѣтъ «ни шерстинки, а ребятъ куча».

Аристова («Воспоминанія»).—Капитанша. Уп. л. «Имѣетъ маленькій домъ въ Казани», «сдаетъ комнаты».

Ардальонъ Семенычъ Шатовъ («Наташа»).—«Сосѣдъ» по имѣнію и женихъ Наташи Болдухиной. «Красавецъ собой», глаза большіе», но «лишенные живости выраженія». «Кровь съ молокомъ», первый женихъ въ нашей губерніи, хозяинъ, даромъ, что молодъ», говорила Варвара Михайловна. Но этотъ «румяный, полный, пышущій здоровьемъ» молодой человѣкъ за нѣсколько мѣсяцевъ вытерпѣлъ жестокую нервную горячку и боялся простуды отъ вечерняго воздуха». Поэтому, когда дѣлалось сыро, онъ «ходилъ въ своемъ толстомъ сюртукѣ и толстыхъ калошахъ, потѣлъ и пыхтѣлъ, походилъ на какого-то медвѣдя, у котораго, въ добавокъ ко всему, торчали изъ ушей клочья хлопчатой бумаги... и былъ «смѣшонъ не смѣша». Человѣкъ «степенный не по лѣтамъ, разсуждающій обо всемъ скромно, разумно, говорящій плавно и складно, съ уваженіемъ относящійся къ старинным обычаямъ, нравамъ, вѣрованіямъ и даже предразсудкамъ». «Имѣлъ нѣсколько апатичный умъ и медлительную рѣчь»; «былъ весьма недюжинный молодой человѣкъ. Пробылъ въ губернской гимназіи только одинъ годъ, но счи-

тался тамъ лучшимъ ученикомъ въ среднихъ классахъ, но получилъ хорошее домашнее образованіе подъ руководствомъ умнаго учителя-друга.

«Скрытный» по характеру А. С. обладалъ большой силой воли, выработанной въ немъ его воспитателемъ. Съ 19-ти лѣтъ онъ началъ проявлять силу воли, не всегда слушаясь своего наставника и поступая иногда умышленно ему наперекоръ, хотя былъ очень къ нему привязанъ».

«Будучи страстнымъ стрѣлкомъ, завелъ огромную псарню и наполнилъ домъ долгорылыми псами», которыхъ ненавидѣлъ его воспитатель. Подобныхъ доказательствъ воли было много. Когда же воспитатель, думая попугать А. С., рѣшилъ съ нимъ разстаться, А. С. равнодушно принялъ такое намѣреніе «и, позвавъ человѣка, приказалъ готовить экипажъ для своего ментора», несмотря на то, что «разлука была для обоихъ слишкомъ тяжела». Несмотря на искреннюю любовь къ Наташѣ, ему было досадно на себя, стыдно другихъ; «къ общему удивленію онъ сказалъ, что завтра рано поутру онъ ѣдетъ въ свою деревню. На просьбу Болдухиныхъ провести съ ними еще день, Ш. утвердительно отвѣчалъ, что «онъ никогда намѣреній своихъ не перемѣняетъ и никогда не измѣняетъ своему обѣщанію» «и что это непремѣнно такъ и будетъ». Какъ будто утѣшенный проявленіемъ своей самостоятельности, повеселѣлъ и оживился».

А. С., по словамъ Винскаго, имѣетъ благородную душу, доброе сердце и превосходныя правила. Всѣ его недостатки, какъ-то: высокое о себѣ мнѣніе, упрямство, тщеславіе, охота умничать и учить другихъ—ничего не значатъ передъ его достоинствами. «Изъ молодыхъ да ранній», говоритъ о немъ Василій Петровичъ. А. С. «проповѣдывалъ, что терпѣть не можетъ порывовъ, что человѣкъ долженъ дѣйствовать разумно, вслѣдствіе своего убѣжденія, а не по внушенію внезапнаго чувства, въ которомъ черезъ часъ онъ будетъ раскаиваться, что такое состояніе равняется опьяненію, что человѣкъ тогда не хозяинъ самого себя (любимое его выраженіе)....» Онъ привыкъ подчинять свои «поступки разуму» и не довѣрялъ прочности минутнаго увлеченія. Послѣ встрѣчи съ Наташей, «не довѣряя прочности минутнаго увлеченія», «со всею силою воли, слишкомъ два мѣсяца предавался усиленнымъ занятіямъ, и хозяйственнымъ и умственнымъ, стараясь затмить очаровательный образъ» Наташи, «наконецъ убѣдился, что это невозможно, что судьба» его «рѣшена». Рѣшилъ «приступить къ дѣлу безъ околичностей», и «письменно разъяснилъ дѣло», говоря: «позвольте мнѣ, милостивые государи, явиться въ вашъ домъ, не только какъ сыну вашихъ старыхъ знакомыхъ, но и какъ человѣку, который ищетъ у васъ счастія своей жизни, руки вашей дочери. Вы знали меня еще мальчикомъ; Наталья Васильевна не знаетъ меня вовсе: вамъ всѣмъ нужно познакомиться со мною ближе. Тогда уже отъ моихъ личныхъ качествъ будетъ зависѣть, признаете ли вы меня достойнымъ назваться вашимъ преданнымъ сыномъ, изберетъ ли Наталья Васильевна меня вѣчнымъ себѣ другомъ, который страстно полюбилъ ее съ перваго взгляда».

«Проникнутый и разогрѣтый чувствомъ искренней любви, оживившей его нѣсколько апатичный умъ и медленную рѣчь, онъ говорилъ живо, увлекательно, даже тепло, и совершенно плѣнилъ Болдухиныхъ, особенно Варвару Михайловну». Онъ «занималъ всѣхъ своими разговорами и сосредоточивалъ на себя общее вниманіе».

Арина Васильевна («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—Жена Степана Михайловича, «изъ небогатаго, но стариннаго дворянскаго дома Неклюдовыхъ». Женщина «старая», «тучная и неуклюжая», «самая простая и добрая». Маленькіе каштановые глазки ея заплыли жиромъ. Ходила въ шушунѣ, повязанная платкомъ.—«Мы люди деревенскіе» и вашихъ городскихъ порядковъ не знаемъ, говорила Арина Васильевна. «Любила жирную и не свѣжую птицу» (отъ которой и умерла), «вороньи ягоды и жаренные въ сметанѣ шампиньоны. «Во время грозы затепливала свѣчки у образовъ и молилась»; во время гнѣва мужа, «падши къ его ногамъ», молила о прощеніи за себя и другихъ. Когда

Степанъ Михайловичъ былъ веселъ и «въ знакъ милости давалъ Аринѣ Васильевнѣ цѣловать свою руку», «отъ ласки мужа» «она расцвѣтала и молодѣла». Мужу «во всемъ покорная жена». «Твоя воля, Степанъ Михайловичъ, что тебѣ угодно, того и я желаю», говорила Арина Степановна мужу». Если иногда ты и «осмѣливалась хитрить съ нимъ, то единственно по наущенію дочерей, но вообще «старалась подлаживаться къ его рѣчамъ» и «разгадать мысли своего супруга». Когда Степанъ Михайловичъ находился въ недобромъ расположеніи духа, сама «охала и стонала» и «не смѣла» подойти къ мужу.

Не разъ во гнѣвѣ Степанъ Михайловичъ «таскалъ за волосы свою тучную, старую Арину Васильевну»; послѣ свадьбы Куролесова, только «черезъ годъ зажила голова у Арины Васильевны; но избитая мужемъ, на его «веселый» зовъ она бѣжала съ самымъ «радостнымъ лицомъ». «Не разъ битая за толстое бѣлье, все-таки продолжала подавать его мужу и, наконецъ пріучила старика», не давая тонкаго ткацкаго полотна» на рубашки Степану Михайловичу. Когда же старикъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье изъ оборочной «льняной холстины», Арина Васильевна, вопила и «умоляла, чтобы Степанъ Михайловичъ «билъ ее, да своего добра не рубилъ». Сама держала подъ подушкой «ременную плеть» и хлестала ею нерадивыхъ дворовыхъ.

Послѣ смерти мужа «безпрестанно со слезами вспоминала покойника:—Пора къ Степану Михайловичу», говорила она и начинала плакать». По словамъ Софьи Николаевны, «она даже ростомъ стала какъ будто меньше» и ничѣмъ отъ души не занимается, все ей стало, словно чуждо». Признала сына «полнымъ хозяиномъ и господиномъ въ домѣ». На возраженіе невѣстки отвѣчала:—«Нѣтъ нѣтъ невѣстынька: по нашему не такъ, а всякій сверчокъ знай свой шестокъ». Сыну говорила, прося бросить службу и переѣхать въ деревню: «Гдѣ мнѣ управлять мужскимъ хозяйствомъ: мое дѣло вдовье и старушечье», «да мы ничего и не смыслимъ», насъ никто и слушать не станетъ».

«Единственнаго сынка» своего любила «безъ памяти», но считала его за «малое дитя». Признаніе сына въ сильномъ чувствѣ (къ невѣстѣ) встрѣтила «такими словами, какими встрѣчаютъ желаніе ребенка, просящаго дать ему въ руки раскаленное желѣзо». Находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; и боялась ихъ. Подъ вліяніемъ дочерей, сына, который старался опровергнуть клеветы на невѣсту, «не слушала, или слушала безъ всякаго вниманія». Когда же онъ, послѣ разговора съ отцомъ, «впалъ въ совершенное уныніе и измѣнился въ лицѣ», «испугалась» и «стала приставать съ вопросами: «что съ нимъ сдѣлалось, здоровъ ли онъ?» При видѣ смертельно больного сына «ревѣла и рвала на себѣ волосы», но причины его болѣзни не понимала. Однако, когда Степанъ Михайловичъ «поколебался» не дать ли своего согласія на женитьбу сына и призвалъ на совѣтъ жену, Арина Васильевна «уже настроенная дочерьми, какъ то не испугалась за своего сынка и схитрила, расшевеливъ самолюбіе старика («какое же будетъ отъ нихъ тебѣ уваженіе, если они поставятъ на своемъ, послѣ твоего родительскаго запрещенія»). При полученіи письма отъ Алексѣя Степановича съ обѣщаніемъ, что «въ непродолжительномъ времени смертельная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына», Арина Васильевна «ничего подобнаго не ожидавшая, поблѣднѣла, всплеснула руками и повалилась безъ памяти на полъ», а потомъ «забывъ, что сама подстрекнула старика не согласиться на женитьбу сына, громко завопила:—Батюшка, Степанъ Михайловичъ! сжалься не губи родного своего дѣтища: вѣдь онъ у насъ одинъ и есть; позволь жениться Алешѣ! Часу не проживу, если съ нимъ что-случится!» Передъ смертью особенно печалилась, что нѣтъ подлѣ нея сына. «Не видать мнѣ Алеши!» говорила Арина Васильевна, но невѣстку не любила и только умирая «приказала сказать ей», что «она передъ ней виновата и проситъ у ней прощенія».

Ах—въ («Воспоминанія»). — Гимназистъ; «занималъ маленькую особую комнату у Запольскаго»; «единственный сынъ у своей матери», очень бо-

татой вдовы. «Не смотря на богатство, которое видно было въ его платьѣ, постели и во всемъ, онъ жилъ очень скупо»; въ комнатѣ у него стоялъ огромный сундукъ, «набитый биткомъ картинками». Товарищи «не одинъ разъ, поглядывая въ дверныя щели, видѣли, какъ Ах—въ, запершись на крючекъ, раскладывалъ свои картинки по постели, по столамъ, по стульямъ и даже по полу. Онъ разглядывалъ ихъ, обтиралъ и любовался ими, какъ «Скупой рыцарь» у Пушкина, своими сокровищами; почти каждый день, по большей части ночью, предавался онъ этому наслажденію цѣлые часы». «Чуждался всѣхъ въ гимназіи»; «лакомства ѣлъ потихоньку отъ всѣхъ», ключъ отъ сундука, окованнаго желѣзомъ, носилъ постоянно съ собою. Скоро вышелъ изъ гимназіи, «навсегда остался большимъ чудакомъ; но это не мѣшало ему имѣть репутацію очень дѣльнаго хозяина».

Афросинья Андреевна («Семейная хроника»).—По фамиліи ее никто не называлъ». Сосѣдка Степана Михайловича. «Маленькая, худенькая, говорливая старушонка», «знаменитая лгунья». Предавалась съ какимъ-то увлеченіемъ, съ какой-то наивностью, даже съ вѣрою небылицамъ своего воображенія». Жила нѣкогда по тяжебному дѣлу десять лѣтъ въ Петербургѣ; наконецъ выиграла тяжбу и переѣхала въ свою деревушку. Она вывезла изъ Питера множество такихъ диковинныхъ разсказовъ, что, слушая ихъ, Степанъ Михайловичъ смѣялся до слезъ. Между прочимъ она разсказывала, что была знакома на короткой ногѣ съ императрицей Екатериной Алексѣевной и прибавляла въ поясненіе, что, живя десять лѣтъ въ одномъ городѣ, нельзя же было не познакомиться. — Стою я одинъ разъ въ церкви, говорила вдохновенная разсказчица,—обѣдня отошла; государыня проходитъ мимо меня, я низко поклонилась и осмѣлилась поздравить съ праздникомъ; а она, матушка ея величество, и изволила проговорить: «Здравствуй, Афросинья Андреевна! что твое дѣло? Что ты не ходишь ко мнѣ по вечерамъ съ чулкомъ? Мы бы съ тобой отъ скуки поговорили». Съ тѣхъ поръ я и ну ходить всякій день. Познакомилась съ придворными. Всѣ во дворцѣ до единаго человѣка меня знали и любили. Куда бывало ни пошлютъ, за какими-нибудь покупками что-ли, придворный лакей ужъ непремѣнно ко мнѣ заѣдетъ и обо всемъ разскажетъ. Ну, разумѣется, ужъ всегда поднесешь ему рюмку вина: нарочно для этого всегда штофикъ держала. Одинъ разъ сижу я у окошка, эдакъ подъ вечеръ, вижу, скачетъ верховой придворный лакей, весь въ красномъ съ гербами; немного погодя другой, а тамъ и третій,—я ужъ не вытерпѣла, подняла окошко, да и кричу: «Филиппъ Петровичъ, Филиппъ Петровичъ! что это вы разскакались, да и ко мнѣ не заѣдете?»—«Некогда, матушка Афросинья Андреевна, отвѣчаетъ лакей, такая бѣда случилась, свѣчъ во дворцѣ не достало, а скоро понадобятся».—«Постойте, кричу, да заѣзжайте ко мнѣ, у меня есть въ запасѣ пять фунтиковъ, возьмите»... Обрадовался мой Филиппъ Петровичъ... Сама къ нему и свѣчки вынесла и выручила ихъ изъ бѣды. Ну такъ какъ же было, батюшка, Степанъ Михайловичъ, имъ не любить меня?»

Она же разсказала Степану Михайловичу (безпокоившемуся, «что невѣстка опять родитъ дочь»), какъ «проѣзжая черезъ Москву, ѣздила она молиться Богу къ Троицѣ, къ великому угоднику Сергію, и слышала тамъ, что какая-то одна знатная госпожа, у которой все родились дочери, дала обѣщаніе назвать перваго своего ребенка, если онъ будетъ мальчикъ, Сергіемъ, и что точно черезъ годъ у нея родился сынъ Сергій».

Ашенбреннеръ («Воспоминанія»).—«Сосланный на жительство въ Сибирь преступникъ». «Человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, красивой наружности», «умный, ловкій и бойкій», «всѣхъ очаровываетъ», «говоритъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, владѣетъ всѣми искусствами», «сочинитель и въ стихахъ и въ прозѣ». Называетъ себя «шведскимъ графомъ», «посланнымъ правительствомъ для какихъ-то ученыхъ изслѣдованій въ Сибирь». ѣдетъ «въ сопровожденіи чиновника-переводчика, потому что не понимаетъ ни одного слова по русски»; подъ видомъ графа женится (см. Кермикъ) и «самъ сознается въ своемъ обманѣ, къ

которому заставила его прибѣгнуть в е с е н н я я л ю б о в ь», «называетъ себя жертвой клеветы враговъ», на самомъ же дѣлѣ «отъявленный плутъ и негодяй, весьма извѣстный своими похожденіями въ Германіи, бѣжавшій отъ полицейскихъ преслѣдованій въ Россію, принявшій русское подданство» и здѣсь «попавшійся во многихъ мошенничествахъ и ссылаемый на жительство въ Сибирь» «съ полицейскимъ чиновникомъ, который везъ его въ Иркутскъ», «подъ строжайшій надзоръ губернатору». «Похожденія мнимаго графа, написанныя имъ самимъ на нѣмецкомъ языкѣ», занимали цѣлыхъ два тома. «Это былъ настоящій Видокъ того времени».

Аѳанасій Флегонтовичъ Солобуевъ («Н а т а ш а).—Сынъ Флегонта Аѳанасьевича, «25-ти лѣтъ; «небольшого роста, блѣдный, худой, съ какимъ-то стариковскимъ выраженіемъ въ чертахъ лица, впрочемъ, весьма пріятнаго, съ какой-то лихорадочной живостью въ глазахъ и быстротой въ движеніяхъ; «говорилъ принужденно и скоро». По мнѣнію Болдухиной, долженъ быть «хворымъ и невнимательнымъ вертопрахомъ», «какой-то сморчокъ». На Наташу почти не взглянулъ», несмотря на то, что отецъ прочилъ его въ женихи Наташѣ. Къ Болдухинымъ пріѣзжалъ четверкой въ коляскѣ.

Б.

Багрова, Аксинья Степановна, см. *Нагаткина А. С.*
Багрова, Александра Степановна, см. *Каратаева.*
Багрова, Арина Васильевна, см. *Арина Васильевна Б.*
Багрова, Елизавета Степановна см. *Ерлыкина Е. С.*
Багрова, Софья Николаевна, см. *Софья Николаевна Б.*
Багрова, Татьяна Степановна, см. *Угличанинова Т. С.*
Багрово, см. ниже: «Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Аксакова».
Багровъ-внукъ, см. *Сергѣй Багровъ.*
Багровъ, Алексѣй Степановичъ, см. *Алексѣй Степановичъ Б.*
Багровъ, Степанъ Михайловичъ, см. *Степанъ Мих. Б.*
Багровы, см. ниже «Перечень», рубрика: Лица.
Бактеева (урожденная) («С е м е й н а я х р о н и к а»). — Ум. л. Жена Ивана Петровича Багрова, мать Прасковьи Ивановны. Оставила дочери 900 душъ крестьянъ, много денегъ и еще болѣе драгоцѣнныхъ вещей и серебра».
Бактеева («С е м е й н а я х р о н и к а»).—Бабушка Прасковьи Ивановны. Когда Б. выдала внучку замужъ за Куролесова противъ воли Степана Михайловича, и послѣдній «учинилъ» съ ней схватку, вытерпѣвъ первый потокъ самыхъ крѣпкихъ ругательствъ, пріосанилась и, разгорячившись въ свою очередь, сама напала на Степана Михайловича:—«Да что же это ты развоевался, какъ надъ своей крѣпостной рабой, сказала она,—развѣ ты забылъ, что я такая же столбовая дворянка, какъ и ты, и что мой покойный мужъ былъ гораздо выше тебя чиномъ. Я поближе тебя къ Парашенькѣ, я родная бабушка ей и такая же опекунша, какъ ты. Я устроила ея счастіе, не дожидаясь твоего согласія, потому что была больна при смерти и не хотѣла ее оставить на всю твою волю; вѣдь я знаю, что ты бѣшенный и сумасшедшій; живя у тебя, пожалуй, въ иной часъ, она бы и палки отвѣдала». Однако, «выйдя изъ себя, «въ запальчивости выдала, что и Арина Васильевна и его (Степ. Мих.) дочери были съ нею за одно».
Баляскиковъ, Петръ («В о с п о м и н а н і я»).—Студентъ. Членъ театральнаго кружка, а затѣмъ директоръ его. «Дерзокъ», «насмѣшливъ и наглъ», но «по своему характеру и дарованіямъ имѣлъ сильное вліяніе на студентовъ».
Башкирцы («С е м е й н а я х р о н и к а»).—Отчинники-родичи Картобын-

ской или Кармалинской тюбы (волости). Ходили слухи, что у этихъ Б. можно легко пріобрѣсти «цѣлыя области за самыя ничтожныя деньги»; говорили, что стоило только позвать къ себѣ въ гости десятокъ родичей отчинниковъ, дать имъ два-три жирныхъ барана, которыхъ они по-своему зарѣжутъ и приготовятъ, поставить ведро вина да нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду, да лагунъ корчажнаго крестьянскаго пива, такъ и дѣло въ шляпѣ». Говорили, правда, что такое угощеніе продолжалось иногда недѣлю и двѣ; да съ башкирцами и нельзя вдругъ толковать о дѣлѣ, и надо всякій день спрашивать: «А что, знакомъ, добрый человѣкъ, давай говорить объ мой дѣла». Если гости, ѣвшіе и пившіе буквально день и ночь, еще не вполнѣ довольны угощеніемъ, не вполнѣ напѣлись своихъ монотонныхъ пѣсенъ, наигрались на чебызгахъ (дудки), наплясались, стоя и присѣдая на одномъ мѣстѣ въ самыхъ каррикатурныхъ положеніяхъ, то старшій изъ родичей, пощелкавши языкомъ, покачавъ головой и не смотря въ лицо спрашивающему, съ важностью скажетъ въ отвѣтъ: «Пора не пришелъ—еще баранъ тащи». Барана, разумѣется, притащатъ, вина, меду нальютъ, и вновь пьяные башкирцы поютъ, пляшутъ и спятъ гдѣ ни попало... Но всему въ мірѣ есть конецъ; придетъ день, въ который родичъ скажетъ, уже прямо смотря въ глаза спрашивающему: «Ай, бачка, спасибо, больно спасибо! Ну что, какой твой нужда?» Тутъ, какъ водится, съ природною русскому человѣку ловкостью и плутовствомъ, покупщикъ начнетъ увѣрять башкирца, что нужды у него никакой нѣтъ, а наслышался онъ, что башкирцы больно добрые люди, а потому и пріѣхалъ въ Уфимское намѣстничество и захотѣлъ съ ними дружбу завести и проч. и проч.; потомъ рѣчь дойдетъ нечаянно до необъятнаго количества башкирскихъ земель, до неблагонадежности припущенниковъ, которые годъ-другой заплатятъ деньги, а тамъ и платить перестанутъ да и останутся даромъ жить на ихъ земляхъ, какъ настоящіе хозяева; а тамъ и согнать ихъ не смѣешь и надо съ ними судиться. За такими рѣчами (сбывшимися съ поразительною точностью) послѣдуетъ обязательное предложеніе избавить добрыхъ башкирцевъ отъ нѣкоторой части обременяющихъ ихъ земель... и за самую пичтожную сумму покупаются цѣлыя области и заключаютъ договоръ судебнымъ порядкомъ, въ которомъ, разумѣется, и не можетъ быть количества земли: ибо кто же ее мѣрилъ? Обыкновенно границы обозначаются урочищами, напримѣръ вотъ такъ: «отъ устья рѣчки Конлыелга до сухой березы на волчьей тропѣ, а отъ сухой березы прямо на Общій Сыртъ, а отъ Общаго Сырта до лисьихъ норъ, отъ лисьихъ норъ до Солтамраткиной борти» и прочее. И въ такихъ точныхъ и неизмѣнныхъ межахъ и урочищахъ заключалось иногда десять, двадцать и тридцать тысячъ десятинъ земли! И за все это платилось какихъ-нибудь сто рублей (разумѣется цѣлковыми), да на сто рублей подарками, не считая частныхъ угощеній».

Бедринъ («Дѣтскіе годы»).—«Помѣщикъ». Прасковья Ивановна бранила его, и въ глаза смѣялась надъ нимъ.

Бенисъ, Христіанъ Карлычъ («Воспоминанія»).—Старый докторъ. Внимательный врачъ. «Будучи весьма почтеннымъ человѣкомъ, не отличался нѣжностью и мягкостью характера». Спокойный, корректный, учтивый. Не упускалъ своего, за что и пользовался въ городѣ репутаціей «интересана».

Бенисъ («Воспоминанія»).—Жена доктора, «понимавшая материнскія чувства»; приняла живое участіе во время болѣзни Багрова-внука. Вмѣстѣ съ мужемъ «какъ друзья, какъ родные» ухаживали за мальчикомъ.

Болтуненокъ («Семейная хроника» и «Воспоминанья»).—Мельникъ. Въ пьяномъ видѣ, «распѣвая громко пѣсни» и желая «избѣжать длиннаго обхода на мельничную плотину», шелъ по водѣ, попалъ въ глубокую канавку и «утонулъ».

Болтуненка-сынъ («Дѣтскіе годы»). — «Молодой мельникъ»; «зацѣпилъ багромъ за зипунъ утонувшаго отца» и «вытащилъ его трупъ».

Болдухина, Варвара Михайловна («Наташа»). — См. *Варвара Михайловна Б.*

Болдухина, Наташа, («Наташа»).—См. *Наташа.*

Болдухинъ, Василій Петровичъ («Наташа»).—См. *Василій Петровичъ Б.*

Болдухинъ, Петруша («Наташа»).—См. *Петруша Б.*

Борисовъ, Иванъ («Воспоминанія»).—Лакей, «молодецъ и силачъ, одинъ стоившій десятерыхъ»; безстрашенъ. «плавалъ мастерски».

Булгаковъ, Иванъ Николаевичъ («Дѣтскіе годы»). — Помѣщикъ. «Большой охотникъ» до уженія рыбъ, «до лошадей, борзыхъ собакъ и верховой ѣзды».

Буфетчикъ («Наташа»).—«Старый», «купленный лѣтъ за десять Болдухиными». Одобривалъ поѣздку господъ въ Москву, говоря: «Можно ли приравнять московскую жизнь къ нашей? Здѣсь глушь, Азія, татары, черемисы да вотяки. Кого здѣсь увидишь? А тамъ на Москвѣ у насъ церквей Божіихъ не сочтешь; сенераловъ и всякихъ важныхъ господъ видимо-невидимо, а къ тому же и дѣтокъ надобно обучать».

Бюнеманъ («Воспоминанія»). — Профессоръ. «Толстъ», «читалъ право естественное, политическое и народное на французскомъ языкѣ».

В.

В. («Дѣтскіе годы»).—Военный губернаторъ (или корпусной командиръ въ Уфѣ). «Публично показывалъ свою радость, что скончалась Государыня (Екатерина II), цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ», такъ какъ «новый Государь» «очень любилъ» В., «и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ». По словамъ Алексѣя Степановича, «балъ былъ больше похожъ на похороны».

Варвара Михайловна Болдухина («Наташа»).—Жена Василія Петровича Болдухина. «Женщина тучная, но болѣзненная»; «не получила никакого образованія, но была не глупая и имѣла расположеніе и вкусъ одѣваться къ лицу и щеголевато». В. М. «хозяйничала по своей части, то есть, заботилась о приготовленіи впрокъ всякихъ домашнихъ запасовъ» и т. д. В. М. «любила всегда поставить на своемъ, что ей и удавалось за исключеніемъ, когда Василій Петровичъ говорилъ рѣшительно, тогда она не смѣла противорѣчить». «Характеромъ была поживѣе, чѣмъ ея мужъ», но «всегда переливала черезъ край и видѣла то, чего нѣтъ». Визитъ Винскаго внушилъ В. М. подозрѣніе, ей «показалось, что «умыселъ другой тутъ есть», что Винскій знаетъ все и идетъ посмотрѣть невѣсту и что, можетъ быть, нужно еще его одобреніе для рѣшительнаго окончанія ихъ дѣла». И «В. М. очень была довольна, что отбрила хитраго хохла, который осмѣлился предложить свое покровительство ея дочери и хотѣлъ вмѣшаться въ семейную жизнь будущихъ молодыхъ».

Когда Шатовъ «съ умиленіемъ» надѣлъ обручальное колечко на руку Наташи, «В. М. сильно воспротивилась такому обрученію з а-п р о о с т о, находя это неприличнымъ, и утвердительно сказала, что обрученье можетъ совершиться завтра обыкновеннымъ, всякимъ принятымъ порядкомъ, помолясь Богу, при чтеніи святыхъ молитвъ и съ благословенія священника». На просьбу Шатова къ Наташѣ спрятать колечко до завтраго, «В. М. и на это не согласилась», и «предложила» «отдать кольцо ей для того, чтобы вмѣстѣ съ обручальнымъ кольцомъ Наташи положить его передъ образами до завтрашняго утра». «Исполнивъ это, она помолилась Богу о счастіи своей дочери и съ веселымъ видомъ воротилась въ гостинную». Ежедневно присылаемыя Шатовымъ письма, несмотря на дальность пути, восхищали В. М. «и она была въ восторгѣ отъ этой скаковой продѣлки».

В. М. держала Наташу «до совершеннаго ея возраста «въ отдаленіи, но съ

двухъ предложеній со стороны «видныхъ жениховъ», Богъ знаетъ почему, начала горячо ее любить», «вдругъ почувствовавъ материнское тщеславіе и особенную нѣжность. Гордость имѣть такую дочь-красавицу росла въ ней съ каждымъ днемъ».

«Передъ дочерью въ глубинѣ души признавала себя виноватою», и желала оттянуть свадьбу. Когда Шатовъ, получивъ согласіе Наташи безъ окольностей, взялъ за руку Наташу, подвелъ ее къ отцу и матери и просилъ ихъ утвердить своимъ согласіемъ его счастіе и благословить дѣтей своихъ», такая неожиданность какъ будто непріятно изумила» В. М.—«Боже мой! да какъ же все это такъ случилось?» проговорила она наконецъ. «Наташа! Не слишкомъ ли ты поспѣшно даешь свое согласіе? Ты такъ мало еще знаешь Ардальона Семеныча, и онъ тоже мало знаетъ тебя. Не лучше либы было напереди познакомиться покороче, оцѣнить другъ друга и тогда уже приступить къ рѣшенію такого великаго дѣла?» Благословивъ дочь В. М. была какъ-то «безпокойно радостна».

В. М. «не одобряла» рѣшительнаго «поступка» дочери и «утверждала, что на предложеніе Шатова ей слѣдовало бы отвѣтить, что все зависитъ отъ воли ея родителей, которымъ извѣстно ея расположеніе».

Василій Петровичъ Болдухинъ («Наташа»).—«Полустепной и полулѣсной помѣщикъ». Жилъ съ многочисленнымъ семействомъ «въ пятисотдушномъ селѣ Вознесенскомъ», «въ полномъ смыслѣ по-деревенски». Не получилъ «никакого образованія»; «разбогатѣлъ недавно и совершенно неожиданно»; не привыкъ «еще пользоваться и распоряжаться, какъ слѣдуетъ, всѣми средствами настоящаго своего богатаго состоянія». «Въ иныхъ случаяхъ» Болдухины «тратились безъ надобности и бросали деньги, какъ говорится, на вѣтеръ, такъ что добрые люди посмѣивались и думали про себя, а нѣкоторые, можетъ быть, и говорили: —дешево деньги достались; они и счету имъ не знаютъ. Въ иныхъ случаяхъ же, именно въ такихъ, въ которыхъ не надо жалѣть денегъ, Болдухины были скуповаты, и вотъ, тѣ же добрые люди говорили про себя, а нѣкоторые, можетъ быть и вслухъ, что: не рука крестьянину калачъ ѣсть, и что не смыслятъ Б., гдѣ денежки надо приберечь и гдѣ бросить. Впрочемъ, слѣдуя духу времени, начинавшему пробиваться до границъ такихъ губерній, гдѣ зимой частехонько замерзаетъ ртуть, Василій Петровичъ и его жена желали доставить воспитаніе своимъ (пяти сыновьямъ и четыремъ дочерямъ) дѣтямъ, и для этого не жалѣли денегъ. Разумѣется, успѣхъ (понимая его въ нашемъ смыслѣ) не соотвѣтствовалъ желанію и значительной денежной тратѣ, потому что не только трудно, но почти невозможно было затащить въ такую отдаленную глушь хорошихъ учителей и учительницъ». Любилъ заниматься своимъ хозяйствомъ. Изъ-за болѣзни жены ѣздилъ каждое лѣто на «Сѣрныя воды», гдѣ они занимали самую лучшую избу, которую называли дворцомъ». «Искренно раздѣлялъ всѣ благопріятныя надежды Варвары Михайловны», но, «когда онъ говорилъ рѣшительно», Варвара Михайловна «не смѣла противорѣчить». Предложеніе «такого богача» какъ Солобуевъ В. П. льстило, и онъ находилъ, что «Флегонтъ Аѳанасьевичъ» «хорошій человѣкъ, ну и Мавра Васильевна добрая женщина, и, конечно, будутъ Наташу на рукахъ носить», «какъ свѣжее яичко на ладонкѣ носить, да сынокъ бы никогда не посмѣлъ на нее косо взглянуть или ей поперечить.—По моему, говорила В. П., такъ при старикахъ лучше пожить: добру поучатъ, да и въ хозяйство введутъ». Однако, послѣ доводовъ Варвары Михайловны, пишетъ отказъ Солобуеву и принимаетъ предложеніе Шатова.

На Наташу смотрѣлъ В. П. какъ на дѣвочку и былъ «самодовольно» польщенъ, получивъ два предложенія на руку Наташи». «Вотъ какова наша Наташа», говорилъ онъ; «вотъ, какъ говорится: не было ни деньги, да вдругъ алтынъ. Оба жениха отличные, только Наташа-то не похожа на невѣсту!» Но согласіемъ дочери выйти за Шатова также обрадовался и искренно помолился вмѣстѣ съ ними». Благословивъ дочь, В. П. былъ «спокойно-свѣтелъ». Шатова онъ полюбилъ и «оставался совершенно довольнымъ; не могъ надивиться хозяйственнымъ практи-

ческимъ свѣдѣніямъ молодого человѣка и повторялъ про себя любимую свою поговорку: ну, изъ молодыхъ, да ранній!»

Когда Варвара Михайловна «хотѣла скрыть отъ» Шатова свое «объясненіе» «съ Наташей», то «В. П. рѣшительно воспротивился тому, утверждая, что надобно поступить съ женихомъ честно и откровенно и сказать ему всю правду». «Дѣло ужъ сдѣлано, и худого тутъ ничего нѣтъ», но, хотя и находилъ желаніе Шатова переписываться съ Наташей ежедневно излишнимъ, самъ «не хотѣлъ сказать прямо».

Васильевъ, Александръ Ивановичъ («Воспоминанія»). — Учитель гимназіи»; съ «выразительнымъ лицомъ, блестящими черными глазами»; «милый товарищъ». Игралъ Карла Моора, но «въ его игрѣ, кромѣ недостатка въ искусствѣ, не доставало огня, мечтательнаго, безумнаго одушевленія».

В—скій («Семейная хроника»). — «Полуученый малороссъ», сосланный въ Уфу «за неудавшіяся плутни». Учитель братьевъ Софьи Николаевны.

Вильме («Семейная хроника»).—«Предобрый французъ, заброшенный судьбою въ Уфу. Вмѣстѣ съ В—скимъ училъ братьевъ Софьи Николаевны.

Вильфингъ («Воспоминанія»).—Старики, мужъ и жена. Содержали «частный, благородный пансіонъ для особъ обоего пола», «не имѣли дѣтей, но воспитывали бѣдную сироту (Кермикъ)», «которую они любили, какъ родную дочь».

Воецкая, Софья Николаевна («Дѣтскіе годы»).—Гостья Багровыхъ. Багровъ-внукъ полюбилъ ее «за то, что ее звали также», «какъ и «его мать».

Волковъ, Петръ Николаевичъ («Дѣтскіе годы»).—Полковой адъютантъ; говорилъ Багрову-внуку: что «хочетъ жениться на маленькой сестрѣ его и увезти ее съ собой въ походъ», или же пугалъ, что ему (т. е. Баг. вн.) «грозитъ солдатство, хоть онъ и единственный сынъ родителей». «Разъ распудренный, разодѣтый, въ чулкахъ и башмакахъ, передъ баломъ» «зашелъ въ столярную къ Михею и началъ по обыкновенію дразнить его и мѣшать работать». «Михей, выведенный изъ терпѣнія, схватилъ деревянный молотокъ и такъ ловко ударилъ имъ В. по лбу, что въ одну минуту вскочила огромная шишка и одинъ глазъ запухъ». В. плакалъ отъ боли и досады, что не могъ попасть къ губернатору, гдѣ ему очень хотѣлось «потанцовать». Своими неразумными «шутками» до того раздразнилъ Багрова-внука, что онъ его хотѣлъ «непремѣнно застрѣлить», или затравить Суркой (собакой) и наконецъ въ изступленьи «пустилъ молоткомъ въ Волкова». Но, когда наказанный за это, ребенокъ заболѣлъ, Волковъ «стоялъ за дверью» въ комнату больного, «почти плакалъ и не смѣлъ войти».

Вѣра Ивановна Зубина («Семейная хроника»).—Уп. л. Мать Софьи Николаевны, первая жена Николая Ѳедоровича, урожденная Кандалинцева.

Г.

Городчаниновъ («Воспоминанія»). — «Адъюнктъ-профессоръ россійской словесности», «бездарный и отсталый»; «на первой лекціи сказалъ пошлое, надутое привѣтствіе»; «отчаянный Шишковистъ». «Сожалѣлъ, что университетское юношество заражено» такимъ «опаснымъ писателемъ» какъ Карамзинъ. Студенты, чтобъ подладиться къ нему, восхищались Сумароковымъ, Ломоносовымъ и Шишковымъ.

Григорій («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы.»). — Главный конюхъ Куролесова, а затѣмъ Багровыхъ, по прозванью Ковляга. Григорій «неизвѣстно почему, чаще другихъ подвергался истязаніямъ» барина. Миронычъ называлъ Г. «Гришка Ковляженокъ»: «съ перваго взгляда понравился» Багрову-внуку.

Григорій Максимовичъ Винскій («Наташа»).—«Воспитатель» Шатова. «Подъ личиной правдиваго грубіяна это былъ человѣкъ тонкій хитрый, ловкій, очень умный и научно образованный человѣкъ. Разумѣется, ученость его была весьма односторонняя, какъ у всѣхъ кіевскихъ бурсаковъ». Много лѣтъ проживъ въ бѣдности, онъ былъ лишенъ возможности слѣдить за ходомъ и успѣхами просвѣщенія». Г. М. былъ «либералъ, вольтерьянецъ по тогдашнему выраженію; философы осьмнадцатаго столѣтія были его единственными божествами. «Любя, одобряя и поощряя въ другихъ ружейную охоту, ненавидѣлъ псовую, не могъ видѣть борзой собаки». Судьба занесла Г. М. «съ юга Россіи на сѣверо-во стокъ», «по безъ сомнѣнія попалъ онъ сюда не по доброй волѣ. Властолюбивый бурсакъ, еще при жизни старика Шатова, сдѣлался оракуломъ въ домѣ; а по кончинѣ его сталъ уже полновластнымъ господиномъ. Жить ему было очень привольно: кромѣ всякихъ существенныхъ выгодъ и удобствъ (а онъ любилъ хорошо покушать и выпить стаканъ стараго вина), онъ могъ удовлетворять вполнѣ своей духовной, высшей потребности, могъ выписывать книгъ сколько угодно. «Дорого цѣнилъ умственное наслажденіе, которое ему доставляла библіотека молодого Шатова. «Съ полною добросовѣстностью наставникъ передалъ своему питомцу всѣ свои знанія, всѣ убѣжденія и вѣрованія; какъ упрямый малороссъ онъ старался преимущественно развить въ Ардальонѣ (такъ звалъ онъ своего воспитанника) с и л у в о л и; но какъ только воспитанникъ самъ началъ проявлять силу, не всегда слушаясь своего наставника, малороссъ сначала хотѣлъ было повернуть дѣломъ круто, вздумалъ было разстаться со своимъ Телемакомъ, попугать его; «но разлука была для обоихъ слишкомъ тяжела и дѣло кончилось тѣмъ, что менторъ остался жить у Телемака уже не въ качествѣ наставника, а совершенно равнаго ему пріятеля, не имѣющаго никакого вліянія на образъ его жизни. Въ такомъ положеніи жили они очень дружески».

Грузиновъ («Воспоминанія»). — «Актеръ паемный» «съ большимъ успѣхомъ занималъ амплуа благородныхъ отцовъ», «всѣ очень любили и уважали его».

Гуляевъ, Максимъ («Воспоминанія»).—«Преплохой актеръ».

Груша («Дѣтскіе годы»). — «Дѣвка» въ домѣ стариковъ Багровыхъ; «косая и глухая»; каждый день «поливала водой» «золотую ямку», «такъ какъ только тутъ родились шампиніоны».

Д.

Дарья Васильевна («Дѣтскіе годы»).—«Толстая, высокая и немолодая женщина». «Одѣта какъ-то странно: платье на ней господское, а повязана платкомъ, какъ дворовая женщина». «Платья обыкновенно дарила ей Прасковья Ивановна со своего плеча». «Женщина добрая, хотя и смѣшная и глупая»; нисколько не чувствовала унизительности своего положенія.

Деобольдъ («Дѣтскіе годы»). Докторъ; «нашелъ важныя болѣзни» у Софьи Николаевны «далъ ей лѣкарство на всю зиму, а весною приказалъ пить кумысъ».

Дмитріевъ, Александръ («Воспоминанія»). — Студентъ, «слишкомъ двадцати лѣтъ», «хорошій математикъ», «замѣчательный и даровитый студентъ». «Наружности грубой и суровой, во всѣхъ движеніяхъ видна не только неловкость, но какая-то угловатость и неуклюжесть». «Существо загадочное; занимался всѣми предметами отлично, но ни съ кѣмъ кромѣ Чеснова, не говоритъ ни слова и всѣхъ дичится, а потому никто не знаетъ его: съ Чесновымъ же онъ неразлученъ, безпрестанно съ нимъ хохочетъ, щипается, щекочется, толкается и дерется, какъ десятилѣтній школьникъ; часто получаетъ за это выговоры, и какъ скоро перестаетъ

играть съ Чесновымъ, дѣлается угрюмъ и мраченъ». «Имѣлъ большой талантъ къ литературѣ и театру», «но у него не было любви ни къ тому, ни къ другому»; «славился искусствомъ декламаціи», но такой «дикарь что еле соглашается выйти на сцену»; «играетъ съ большимъ успѣхомъ, несмотря на совершенное неумѣніе держать себя, на смѣшныя позы и еще болѣе смѣшные жесты одной правой рукой, тогда какъ лѣвая точно была привязана у него за спиной; несмотря на положительно дурное исполненіе обыкновенныхъ разговоровъ», «выражалъ столько силы внутренняго чувства, что всѣ зрители были совершенно увлечены» и «неистово рукоплескали». Вышелъ изъ университета, не кончивъ его, т. к. «весьма неудовлетворительное» «студенческое ученіе наскучило ему». Поступилъ въ артиллерію.

Дурасовъ («Дѣтскіе годы»).—Уп. л. Владѣтель богатаго села. Человѣкъ «самого простого вида, невысокій ростомъ». «Славился своимъ хлѣбосольствомъ и жилъ великолѣпно», нѣсколько разъ въ годъ даетъ такіе праздники, на которые съѣзжается къ нему вся губернія. Очень любилъ хвастаться своимъ домомъ, садомъ и всѣми заведеніями; онъ прямо говорилъ, что у него въ Никольскомъ все отличное, а у другихъ дрянь. «Не щадитъ денегъ на свои затѣи. Хвастается двумя своими «чудовищными свиньями», которые жили въ особомъ красивомъ домикѣ». «—Да у меня и свиньи такія есть, говорилъ Дурасовъ, какихъ здѣсь не видывали; я ихъ привезъ въ горницѣ на колесахъ изъ Англіи». У нихъ теперь особый домъ»... «Я всякій день у нихъ по два раза бываю». «Хозяинъ ласкалъ «ихъ и называлъ какими-то именами»; когда «одна изъ чушекъ сдохла», такъ печаловался, что уѣхалъ изъ Никольскаго. По словамъ Софьи Николаевны, «человѣкъ добрый, идеальный, необразованный и въ то же самое время самый тщеславный»; «увидѣвъ въ Москвѣ и Петербургѣ, какъ живутъ роскошно и пышно знатные богачи, захотѣлъ и самъ такъ же жить, и какъ устроить ничего не умѣлъ, то и нашелъ себѣ разныхъ мастеровъ, нѣмцевъ и французовъ, но увидя, что дѣло не ладится, прінскалъ какого-то промотавшагося господина, чуть ли не князя, для того, чтобы онъ завелъ въ его Никольскомъ все на барскую ногу». «Затѣйникъ, по словамъ крестьянина; приказалъ надъ каждымъ колодцемъ по деревянной дѣвкѣ поставить», «въ кумачевомъ сарафанѣ».

Е.

Евгеша («Наташа»).—Уп. л. «любимая горничная Наташи Болдухиной.

Евсеичъ («Семейная хроника»).—Дядька Багрова-внука, слуга изъ Багрова, любимецъ Софьи Николаевны. «Его всегда звали по отчеству».

Добрый и усердный человѣкъ». Во время отсутствія молодыхъ Багровыхъ, цѣлый день не отлучался отъ дѣтей и даже спалъ всегда въ корридорѣ у дверей дѣтской. Душевно расположенъ къ господамъ. Когда заболѣла Софья Николаевна, «Евсеичъ и Параша печально молчали или потихоньку перешептывались между собою. «Съ рѣдкимъ вниманіемъ» ухаживалъ за больнымъ Багровымъ-внукомъ и «видя, что лѣченіе идетъ плохо, потребовалъ, чтобы пригласили другого врача: когда же Запольскій прогналъ Евсеича, «увѣдомилъ барыню письмомъ» «о болѣзни» сына. Съ Багровымъ-внукомъ былъ неразлученъ: былъ его «дядькой» съ дѣтскихъ лѣтъ, когда же Багрова отдали въ гимназію «также поступилъ туда въ должность комнатнаго служителя», «и съ отцовскою нѣжностію ходилъ» за барчукомъ. Дѣтей «забавлялъ разсказами», «игралъ съ ними и слушалъ чтеніе Багрова-внука.—Не знаю, соколикъ, все ли правда тутъ написано,—сказалъ Евсеичъ, выслушавъ «Повѣсть о несчастной» и разсказалъ о замерзшемъ въ степи крестьянинѣ, сбившемся съ дороги во время бурана.—Вотъ это, мой соколикъ, уже настоящая правда». На разспросы ребенка отвѣчалъ: «Что это тебѣ за охота узнать: отчего да почему. Это и старики не знаютъ», но на вопросъ «что

такое молнія, отвѣчалъ, что молнія—огненная громовая стрѣла и во что она ударитъ, то и загорится». Нянькѣ пенялъ, зачѣмъ она разсказываетъ дитяти то, о чемъ ему и знать не надо». Корилъ нерѣдко своего барчука за робость:—Ну, какой ты будешь кавалеръ? А про войну разсказывать любишь. Послушать тебя, такъ ты одинъ на цѣлый полкъ пойдешь».

«Былъ истиннымъ охотникомъ» и находилъ наслажденіе въ повтореніи и воспоминаніи всѣхъ случайностей. Лѣтомъ въ деревнѣ каждый день удилъ съ своимъ воспитанникомъ, но «не имѣлъ понятія объ умѣньѣ удить» и «часто смѣшилъ своею горячностью». Отъ красоты природы приходилъ въ восхищеніе, любилъ живопись. Объ одной картинѣ замѣтилъ: «живописецъ такъ нарисовалъ картину, что она глядитъ глазами на всякаго».

Въ старости, «почтеннымъ старикомъ», «уже слѣпой, доживалъ свой вѣкъ въ Пензенской губерніи, у одного изъ внуковъ Степана Михайловича Багрова «въ избѣ на самомъ берегу пруда. «Каждый день, дряхлый, сгорбленный сѣдой какъ лунь старикъ, стоялъ прислонясь къ углу своей избы, прямо противъ восходящаго солнца; костлявыми пальцами обѣихъ рукъ опирался онъ на длинную палку, прижавъ ее къ своей груди и устремивъ слѣпые глаза навстрѣчу солнечнымъ лучамъ. Онъ не видѣлъ свѣта, но чувствовалъ теплоту его, столь пріятную въ свѣжести утренняго воздуха, и грустно-радостно было выраженіе его лица. Слухъ его былъ такъ чуткъ, что онъ издали узнавалъ походку своего также состарившагося барина, и весело, какъ старый рыбакъ привѣтствовалъ: «А, это ты, соколикъ! Пора! Дай Богъ клевъ на рыбу!» Года черезъ два онъ скончался на рукахъ дочери, сына и жены, которая пережила его нѣсколькими годами».

Елагина («Воспоминанія»).—Старуха. «Очень полюбила Багрова-внука и не рѣдко выпрашивала позволенія у своего зятя (Запольскаго) приглашать его по вечерамъ въ домъ».

Елагина, Катерина Петровна («Воспоминанія»).—«Плакала и становилась на колѣни» предъ Иваномъ Ипатычемъ, прося простить Багрова-внука.

Елагина, Настасія Петровна. («Воспоминанія»).—Жена Запольскаго изъ «хорошаго дворянскаго рода и съ состояніемъ»; «безъ бровей»; «безпрестанно краснѣетъ»; «по простотѣ своей не можетъ сказать ласковаго слова». «Домашнимъ хозяйствомъ не занималась и оно шло весьма плохо».

Елагинъ («Воспоминанія»).—Гимназистъ, «пятнадцатилѣтній» «болванъ и повѣса; «отпускалъ какіе то язвительные намеки» по адресу своихъ сестеръ.

Елагины («Воспоминанія»).—«Взрослыя дѣвицы». Своячницы Запольскаго; «осыпали ласками» молодого Багрова; отъ этихъ ласкъ онъ «не скоро заснулъ отъ волненія и какихъ-то непонятныхъ фантазій».

Ерлыкинъ («Семейная хроника»). — Мужъ Елисаветы Степановны «мрачный генералъ». «Былъ старъ, бѣденъ и пилъ запоемъ», «который обыкновенно продолжался не менѣе недѣли». Въ гостяхъ у Ногаткиной такъ «патянулся», что «его заперли въ пустую баню».

Степанъ Михайловичъ «лѣчилъ его какими-то отвратительными настойками, но безуспѣшно. Въ трезвенномъ состояніи» Ерлыкинъ «пилъ только одну воду», «имѣлъ сильное отвращеніе отъ хмельнаго и не могъ поднести ко рту рюмки вина безъ содроганія, но раза четыре въ годъ вдругъ получалъ непреодолимое влеченіе ко всему спиртному; пробовали ему не давать, но онъ дѣлался самымъ жалкимъ, несчастнымъ и безъ умолку говорливымъ существомъ, плакалъ, кланялся въ ноги и просилъ вина; если же и это не помогало, то приходилъ въ неистовство, въ бѣшенство, даже посягалъ на свою жизнь». «Смотрѣлъ значительно» и «былъ крайне скупъ на слова, за что и считался отмѣнно умнымъ человѣкомъ». Софья Николаевна напрасно старалась какъ-нибудь втянуть его въ дружескую бесѣду: «суровый, мрачный и гордый генералъ непреклонно молчалъ».

Есиповъ. П. П. («Воспоминанія»). — Содержатель театра». Его «мнѣніе о театрѣ, по справедливости, считается сильнымъ авторитетомъ».

Ж.

Жевановъ. Илья («Воспоминанія»).—Ун. л. Гимназистъ. «Хорошо рисуетъ»; по просьбѣ Упадышевскаго, развлекаетъ рисованіемъ больного товарища (Багрова-внука).

Женщина («Семейная хроника»). — Необыкновенной красоты». Куролесовъ замѣтилъ ее, проѣзжая «мимо овинаго тока». «Стой! закричалъ Михайла Максимовичъ, «Петрушка! какова баба? Больна хороша», отвѣчалъ Петрушка. «Хочешь на ней жениться?»—«Да какъ же жениться на чужой женѣ», отвѣчалъ, ухмыляясь, Петрушка.—«А вотъ какъ! Ребята! бери ее, сажай ко мнѣ въ повозку...» Женщину схватили, посадили въ повозку, «завезли, прямо въ приходское село и, хотя она объявила, что у ней есть мужъ и двое дѣтей—обвѣнчали съ Петрушкой».

Жница («Дѣтскіе годы»).—Крѣпостная Прасковьи Ивановны: молодая; на полѣ «не торопясь взяла на руки плачущаго младенца и тутъ же присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя». Когда «ребенокъ успокоился», Ж. положила его въ люльку, взяла серпъ и принялась жать съ особеннымъ усердіемъ, чтобы догнать своихъ подругъ, чтобы не отстать отъ другихъ».

З.

Занденъ («Семейная Хроника»).—Лучшій докторъ въ Уфѣ, «весьма ученый». Впослѣдствіи былъ штадтъ-физикомъ въ Москвѣ. Опредѣлилъ, что Николай Ѳедоровичъ Зубинъ «не сможетъ прожить болѣе года».

Запольскій. Иванъ Ипатычъ («Воспоминанія»).—Преподаватель физики въ гимназіи и адъюнктъ-профессоръ прикладной математики и опытной физики въ Казанскомъ университетѣ. Поповичъ. «Очень хорошій человѣкъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова»; казался «привѣтливѣе, добрѣе и словоохотливѣе своего товарища» Карташевскаго, съ которымъ былъ друженъ, жилъ вмѣстѣ и держалъ воспитанниковъ. «Первые мѣсяцы послѣ» «поступленія къ нему воспитанниковъ», «онъ кое-какъ занимался» съ ними. «Все занятіе состояло въ томъ, что онъ предварительно спрашивалъ заданные уроки»; «по мало по малу пересталъ заниматься вовсе и сталъ куда-то отлучаться». Во время одной трехмѣсячной поѣздки женился на дѣвушкѣ «хорошаго дворянскаго рода и съ состояніемъ: поселившись отдѣльно отъ Карташевскаго, помѣстилъ своихъ воспитанниковъ «въ особомъ флигелѣ» и на три мѣсяца, пока не «нанялъ Ласточкина», «оставилъ ихъ безъ всякаго надзора», такъ какъ «былъ совершенно озабоченъ устройствомъ своего новаго положенія и подгородной деревни, Кощакова, которую онъ получилъ въ приданое за женою». Ни Запольскій, ни его жена «домашнимъ хозяйствомъ» не занимались и «оно шло весьма плохо», «столъ былъ очень дуренъ». «Когда Багровъ-внукъ замѣтилъ, что поданная за ужиномъ «ветчина была тухлая и даже червивая, и поспѣшно отдалъ тарелку», Запольскій оскорбился: «когда всѣ подошли къ нему, чтобъ раскланяться и идти спать, приказалъ Багрову остаться» и «сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ за то, что онъ поступилъ дерзко и, съ намѣреніемъ осрамить хозяина, обративъ вниманіе всѣхъ на испортившуюся ветчину, которую однако всѣ изъ деликатности ѣли». Когда Багровъ «заплакалъ

отъ незаслуженнаго оскорбленія, И. И. смягчился и сказалъ, что прощаетъ и даже хотѣлъ обнять его», но Багровъ «весьма искренно и наивно возразилъ, что плачетъ не отъ раскаянія», а отъ обиды и «несправедливаго подозрѣнія въ умыслѣ». Въ этихъ словахъ И. И. «нашелъ, Богъ знаетъ, какое ожесточеніе» и «примѣрно наказалъ» Багрова, оставивъ его на цѣлый день въ постели, а «вмѣсто завтрака и обѣда велѣлъ дать ломоть хлѣба и стаканъ воды».

Зубина, Александра Петровна («Семейная хроника»).—См. *Александра Петровна.*—

Зубина, Софья Николаевна («Семейная хроника»).—См. *Софья Николаевна Багрова.*

Зубъ («Семейная хроника»).—Уп. л. Дѣдъ Софьи Николаевны. Уральскій казакъ.

Зубинъ, Александръ Николаевичъ («Дѣтскіе годы»).—Дядя Багрова-внука; отставной капитанъ съ чиномъ майора. Молодой, красивый. Воспитывался «въ Москвѣ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ». Любилъ читать книжки и умѣлъ наизусть читать стихи. Постоянно «шутилъ и смѣялся съ утра до вечера и всѣхъ другихъ заставлялъ хохотать». Всѣ называли З. вѣтренникомъ.

Зубинъ, Николай Ѳедоровичъ («Семейная хроника»). — Отецъ Софьи Николаевны. Товарищъ Намѣстника, коллежскій совѣтникъ. «Нѣкогда живой и добрый», онъ «изсохъ» «какъ скелетъ» и лежалъ недвижимъ на смертной постели», разбитый нервическимъ параличомъ», думая о смерти и цѣня только спокойствіе духа». «Человѣкъ умный и честный, но слишкомъ нѣжный и слабый. «Любилъ свою первую жену горячо, любилъ свою дочь страстно», но, «выплакавъ сердечное горе», скоро женился вторично, «не видѣлъ дочери по цѣлымъ мѣсяцамъ и когда встрѣчалъ, одѣтую чуть не въ рубище—отворачивался, вздыхалъ, плакалъ потихоньку и спѣшилъ удалиться». Послѣ смерти второй жены «раскаянье долго терзало больного старика, долго лились у него слезы и день и ночь и долго повторялъ онъ только одни слова: «Нѣтъ, Соничка, ты не можешь меня простить!» Не осталось ни одного знакомаго въ городѣ, предъ которымъ ты не исповѣдывалъ бы торжественно винъ своихъ передъ дочерью», но скоро подпалъ подъ вліяніе своего слуги (см. Николай Калмыкъ). Послѣ обиды нанесенной Калмыкомъ Софьѣ Николаевнѣ, когда дочь предоставила старику: «выбирать кого выгнать» ее, или слугу, «бесѣдовалъ долго со своимъ любимцемъ и наконецъ велѣлъ позвать къ себѣ дочь.—«Соничка, сказалъ онъ съ возможною для него твердостью и спокойствіемъ, я не могу по моей болѣзни и слабости, разстаться съ Николаемъ: я имъ живу. Вотъ деньги, купите себѣ домъ....» Рѣшеніе дочери выйти замужъ за Алексѣя Степановича, Зубину не понравилось, «при всемъ пламенномъ желаніи пристроить Сонечку при своей жизни», но, убѣжденный рѣчами дочери, «прослезился и сказалъ: «другъ мой, умница моя Соничка, дѣлай что тебѣ угодно: я на все согласенъ; однако жениху «согласія не далъ» до полученія письма отъ его родителей, п. ч. того, «приличіе требуетъ» и, оставшись наединѣ съ дочерью, «бросилъ на нее умоляющій взглядъ, сжалъ руки на грудь и воскликнулъ:—Соничка, неужели ты пойдешь за него?» «Имѣлъ продолжительный разговоръ съ дочерью, давалъ справедливые совѣты и «дѣлалъ замѣчанія «почерпнутые прямо изъ жизни», но самъ увлекся «плѣнительными надеждами дочери и далъ полное согласіе».

Зубинъ, Сергѣй Николаевичъ («Дѣтскіе годы»).—Дядя Багрова-внука. Отставной майоръ, офицеръ драгунскаго полка; молодой, красивый; воспитывался «въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ». Любилъ книжки и умѣлъ наизусть читать стихи; «хорошо рисовалъ». «Былъ отличный каллиграфъ». Училъ Багрова-внука «чистописанію, заставлялъ выписывать «палочки», утверждая, что племянникъ никогда не будетъ имѣть хорошаго почерка, если не станетъ правильно учиться чистописанію, что напередъ надобно пройти всю каллиграфическую школу, а потомъ приняться за прописи». Страстный ружейный охот-

пикъ и горячій стрѣлокъ. Вмѣстѣ съ Волковымъ шутилъ «неразумныя шутки» надъ племянникомъ.

Зыковъ, Петръ («Воспоминанія»).—Студентъ. Былъ «провозглашенъ большимъ комическимъ талантомъ и актеромъ».

И.

Ибрагимовъ, Николай Михайловичъ («Воспоминанія»). — Преподаватель славянской грамматики и математики. Окончилъ московскій университетъ. «Фамилія его и наружность ясно указывали на его татарское, или башкирское происхожденіе»; «имѣлъ большую голову, маленькіе, проницательные и очень пріятные глаза, широкія скулы, огромный ротъ» и «маленькую татарскую фигурку». Горячо любилъ литературу, былъ очень остроуменъ и вообще человѣкъ даровитый». Всѣми силами старался развить своихъ учениковъ; «имѣлъ большое значеніе въ литературномъ направленіи» Аксакова; былъ предсѣдателемъ студенческаго литературнаго общества.

Иванъ Маркычъ («Наташа»).—Старый ключникъ. Когда Болдухины уѣхали въ Москву, «говорилъ, хрипя отъ одышки:» «видно денегъ некуда дѣвать».

Иванъ Малышъ («Семейная хроника»).—Красивый молодой парень, дворовый Степана Михайловича.

Иванъ Никифорычъ («Дѣтскіе годы»).—«Буфетчикъ», котораго величали казначеемъ»; «хлопоталъ» въ лакейской, «кланялся и просилъ» «служащихъ «объ одномъ, чтобы не трогали блюдъ до тѣхъ поръ, пока не подадутъ ихъ господамъ за столъ».

Иванъ Петровичъ Багровъ («Семейная хроника»).—Уп. л. Дядя Степана Михайловича, отецъ Прасковьи Ивановны.

К.

Калминская («Семейная хроника»).—Сестра Луневской. Въ нравственныхъ качествахъ ничѣмъ не отличалась отъ своей сестрицы, «но была несравненно ея умнѣе».

Калминскій («Семейная хроника»).—«Служилъ въ Петербургѣ и недавно былъ переведенъ въ Оренбургъ». «Человѣкъ въ своемъ родѣ очень замѣчательный, не получившій никакого образованія, но очень умный и начитанный, вышедшій изъ простолюдиновъ (говорили, что онъ изъ Мордвы), дослужившійся до чина надворнаго совѣтника и женившійся по разсчету на дочери деревенскаго помѣщика и старинаго дворянина». «Предался хозяйству и жадно копилъ деньги». «Имѣлъ претензію быть вольнодумцемъ и философомъ: его звали вольтерьянцемъ, разумѣется, тѣ, которые слыхали о Вольтерѣ. Въ семействѣ своемъ онъ жилъ уединенно и отдѣльно, предоставляя себѣ полную свободу къ удовлетворенію своихъ нестрогихъ наклонностей и вкусовъ. Одѣвался «по городской модѣ». На обѣдъ къ Багровымъ явился «во французскомъ шитомъ кафтанѣ, съ двумя часовыми цѣпочками, съ перстнями на пальцахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ золотыми пряжками». Степанъ Михайловичъ Калминскаго «не жаловалъ», и за то, что онъ «происшедшій» (т. е. выслужившійся), и за то, что онъ еретикъ и развратникъ». «Кощунство и нравственный цинизмъ въ семейныхъ отношеніяхъ, которыми Калминскій «не замедлилъ пощеголять» передъ Софьей Николаевной, «поселилъ въ ней отвращеніе къ нему, сохранившееся навсегда». Дома, «по своей необыкновенной скупости», держалъ «строгій постъ», «въ гостяхъ ѣлъ за двоихъ».

Калмыковъ, Михайла («Воспоминанія»).—Актеръ, выступавшій въ роли стараго колбасника въ операхъ «Колбасники».

Камашевъ, Николай Ивановичъ («Воспоминанія»).—Главный надзиратель и инспекторъ гимназіи. «Человѣкъ холодный, твердый», «неусыпной», «слишкомъ строгой и педантичной дѣятельности»; «говоритъ всегда «рѣчами весьма разсудительными, въ то же время язвительными», «хотя и вѣжливыми», всегда тихо» «и съ улыбкой»; «дѣйствуетъ съ непреклонной волею», «двуличенъ и пристрастенъ». «Всѣ безъ исключенія боятся его больше чѣмъ директора»; «любитъ власть, умѣетъ пріобрѣсть ее и пользуется ею съ педантическою точностью»; хоть и распоряжается всѣмъ въ гимназіи, но чувство, что не онъ дѣйствительный начальникъ—«самое больное мѣсто его». Къ подчиненнымъ и ученикамъ относится взыскательно, сурово. «Каждое его появленіе производило потрясеніе въ первахъ», «посѣщенія эти были совершенно неожиданны и внезапны»: «выростаетъ какъ будто бы изъ земли даже въ тѣхъ мѣстахъ, куда и надзиратели не заглядывали». Въ особенности «не любитъ тихоней и особняковъ», выросшихъ «подъ вреднымъ дѣйствіемъ женскаго воспитанія и материнскаго баловства и на нихъ, безъ всякой причины» возводитъ «несправедливыя гоненія». Любитъ читать поученія на «тему: что дурно быть избалованнымъ мальчикомъ, что очень не хорошо пользоваться пристрастнымъ снисхожденіемъ начальства и не быть благодарнымъ правительству, которое великодушно беретъ на себя немаловажныя издержки для образованія молодыхъ людей». Ученикамъ «кажется тираномъ, извергомъ, злымъ духомъ». Въ засѣданіи педагогическаго совѣта остался при особомъ мнѣніи и отказался подписать свидѣтельство о необходимости возвратить казеннаго воспитанника (Аксакова) на попеченіе родителей и предложилъ взыскать съ матери всѣ издержки, «употребленныя на содержаніе и ученіе воспитанника.

Каменскій («Воспоминанія»).—«Адъюнктъ по медицинской части, съ замѣчательнымъ даромъ слова».

Камердинеръ Солобуева («Наташа»).—«Молодой малый», «бойкій и хвастливый лакей, камердинеръ молодого Солобуева». «Умѣлъ напустить» «пыли въ глаза разсказами о разныхъ привычкахъ и привередахъ своихъ богатыхъ господъ»; перечисляя количество всего штата своихъ господъ, число повозокъ и доходы, «не пугался цифры» и говорилъ о милльонахъ, какъ о пустякахъ».

Кандалинцева, Вѣра Ивановна («Семейная хроника»). — Уп. л. Мать Софьи Николаевны; изъ купеческаго званія.

Каратаева, Александра Степановна («Семейная хроника»).—Дочь Степана Михайловича. «Соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла». «Была коноводъ въ своей семьѣ и вертѣла всѣми, какъ хотѣла»; съ помощью бойкаго и ядовитаго языка своего всѣхъ мутила, «но дѣйствовать прямо не рѣшалась».

«Обратила въ шпіоны одного изъ лакеевъ Алексѣя Степановича», нашла какую-то кумушку въ Уфѣ, разузнала отъ нея «всю подноготную Софьи Николаевны и сообщала сестрамъ съ приличными украшеніями всѣ полученныя ею свѣдѣнія о похожденіяхъ своего братца». «Заправляла всѣмъ дѣломъ» разстройства свадьбы Алексѣя Степановича и «выписала изъ Уфы «пѣтую дуру»—Флену Ивановну Лупеневскую»; которую «учила съ голосу что говорить и какъ говорить» о невѣстѣ Степану Михайловичу.

Каратаевъ, Иванъ Петровичъ («Семейная хроника»).—Мужъ Александры Степановны. «Столбовой русскій дворянинъ», страстный любитель Башкирцевъ и кочевой ихъ жизни». «Человѣкъ молодой», «богатырь», «съ состояніемъ», но «жилъ въ грязи, въ чуланѣ съ печью, прямо изъ сѣней». «Большую часть лѣта проводилъ онъ, разъѣзжая въ гости по башкирскимъ кочевьямъ и каждый день напивался до пьяна кумысомъ; по башкирски говорилъ, какъ башкирецъ, сидѣлъ верхомъ на лошади и не слѣзалъ съ нея по цѣлымъ днямъ, какъ башкирецъ, даже

ноги у него были колесомъ, какъ у башкирца: стрѣлялъ изъ лука, разбивая яйцо на дальнемъ разстояніи, какъ истинный башкирецъ.

Въ Багровѣ боялся Степана Михайловича, а дома боялся жены. При Степанѣ Михайловичѣ «безъ спросу не смѣлъ разинуть рта» и «ограничивался только повтореніемъ послѣднихъ словъ, какъ напримѣръ: «сѣнокосъ былъ хорошъ, если бъ не захватилс ненастье». Еслибъ не захватило ненастье, повторялъ Каратаевъ. «Рожь сильно цвѣла, да неожиданно хватилъ морозъ»—«неожиданно хватилъ морозъ, подхватывалъ Каратаевъ, и т. д. Повторялъ послѣднія слова говорящаго, хотя бы и не съ нимъ говорили. Такія подхватыванья случались иногда невпопадъ.

Сидя въ своемъ чуланѣ, «цѣлый день глядѣлъ высунувшись, въ поднятое окошко», (за которымъ растилалась «пустая даль»), даже зимой въ жестокіе морозы, прикрытый ергакомъ, насвистывая башкирскія пѣсни, или попивая отъ времени цѣлительный травникъ, или ставленный башкирскій медъ».—«Человѣкъ странный, даже страшный», но съ дѣтьми ласковъ и любитъ дѣтей.

Карамзинъ, Александръ Михайлычъ («Дѣтскіе годы»).—Помѣщикъ. «Богатырь, «крѣпкаго и могучаго сложенія», «веселаго и горячаго нрава». «Высокъ ростомъ, необыкновенно широкъ въ плечахъ, довольно толстъ и въ то же время очень строенъ, грудь выдавалась у него впередъ колесомъ... Если бы надѣть на него латы и шлемъ и дать ему въ руки копье», чудесный «рыцарь вышелъ изъ К.». Игралъ «двухпудовыми гирями, какъ легкими шариками». Однажды «схватилъ толстую и высокую Дарью Васильевну и началъ метать ею, какъ ружьемъ солдатскій «артикулъ».

Карташевскій, Григорій Ивановичъ («Воспоминанія»). — Преподаватель «чистой математики» казанской гимназіи, ученый секретарь совѣта, адъюнктъ-профессоръ университета, «сынъ малороссійскаго дворянина-священника». «Въ наружности К. не было ни малѣйшаго признака малоросса»; «нелюбимый сынъ своей матери», «горячо и страстно привязанъ» къ отцу, который «любилъ его съ материнской нѣжностью», съ девяти лѣтъ воспитывался въ Москвѣ, вдали отъ родныхъ. «Въ складѣ ума нѣтъ ничего» малороссійскаго, и «родина не привлекаетъ его», «великорусскій же толкъ» «ставитъ высоко» и «подсмѣивается надъ хохлацкой лѣнью и тупостью». «Серьезно занимается наукой», «пишетъ собственный курсъ чистой математики». «постоянно совершенствуетъ себя»; «свѣтлый умъ и высокія качества души», «соединенные съ основательною ученостью и многостороннимъ образованіемъ», даютъ ему возможность «сохранять всегда надъ своими товарищами превосходство». При «холодной наружности» и «внѣшней суровости», добръ, религіозенъ, «отзывчивъ, тепло относится къ людямъ», «умѣетъ цѣнить» ихъ: «вся жизнь его—строгое проявленіе нравственной высоты», «справедливости и безупречной честности и точности», но «отталкиваетъ отъ себя благонамѣренною сухостью обращенія», за что «его считаютъ человѣкомъ гордымъ и жестокимъ».—«Убѣдить Г. И. нарушить свое намѣреніе, единожды принятое невозможно». Воспитаніе считаетъ «обязанностью слишкомъ важною и тяжелою», а «отвѣтственность за воспитаніе молодыхъ людей, если не передъ родителями ихъ, то передъ самимъ собою», себѣ «не подъ силу»: «считаетъ себя еще ученикомъ въ наукѣ»: «согласившись сдѣлаться воспитателемъ,—посвящаетъ воспитаннику всего себя», но все время «держится ошибочнаго правила»: «никогда не хвалить своего воспитанника», «чтобъ онъ не избаловался отъ похвалъ».—«Холодная наружность, вслѣдствіе его взгляда на воспитаніе, была принята имъ за правило въ обращеніи съ молодыми людьми», къ которымъ «относится сурово и строго»: рѣдко когда «Г. И. становился доступнѣе и рѣчи его, если не ласковы, то, по крайней мѣрѣ», были «шутливы, это бывало только наединѣ», тогда «вся сухость и строгость его исчезала» и «онъ со своимъ воспитанникомъ обращался «какъ совершенный ровесникъ», но лишь «появлялся третій», «онъ дѣлался серьезнымъ». «Планъ образованія своего воспитанника» устраиваетъ «сообразно его природнымъ наклонностямъ и способностямъ»: занимается иностранными язы-

ками, которые «зналъ отлично» и «свободно писалъ на нихъ. Латинскимъ же языкомъ приводилъ въ изумленіе виленскій университетъ», «выписываетъ немедленно множество книгъ», «чтобы молодой человѣкъ набрался хорошихъ примѣровъ и образовалъ свой вкусъ, читая сочинителей пишущихъ стройно и плавно», «объясняетъ красоты поэтическія, мысль автора и достоинство выраженій» такъ увлекательно, «что склонность воспитанника къ литературѣ скоро обращается въ страстную любовь». Очень требователенъ къ своему ученику, но во время вакацій «не мѣшаетъ гулять» и «даетъ полную свободу», однако убѣждаетъ побѣдить «вреднос свойство увлекаться, до безумія, до забвенія всего окружающаго», и видя, что «убѣдительныя доказательства улетѣли на воздухъ», «принимаетъ рѣшительныя мѣры». Сильно вліяетъ на своего воспитанника, который «любитъ его какъ никого изъ постороннихъ», «горячо, какъ роднаго старшаго брата, хотя въ то же время очень его боится». «Случай совершенно ничтожный окончательно мѣняетъ ихъ отношенія», и заставляетъ Г. И. отказаться отъ воспитанія потому, что онъ «признаетъ себя совершенно неспособнымъ оставаться долѣе наставникомъ и руководителемъ молодого человѣка, съ которымъ надобно поступать не такъ, какъ съ мальчикомъ», «чувствуетъ, что дѣйствуетъ, не такъ какъ надо». «Разстается Г. И. со своимъ воспитанникомъ съ большимъ чувствомъ», хотя, «по своему обыкновенію, старается прикрыть свое волненіе шутками и насмѣшками надъ чувствительностью». (См. Списокъ).

Карташевскій («Воспоминанія»).—«Турокъ, прадѣдъ Г. И. Карташевскаго, выѣхалъ изъ Турціи, принялъ христіанскую вѣру, женился и поселился въ Малороссіи».

Карташевскій, Иванъ («Воспоминанія»).—Священникъ и малороссійскій дворянинъ; «любилъ сына съ материнской нѣжностью».

Катерина («Дѣтскіе годы»).—Служанка Багровыхъ; звали ее «безъ всякой причины» княжной. «Горбушка», калмычка, купленная нѣкогда дѣдушкой Зубинымъ и послѣ его смерти отпущенная на волю»; «была приставлена въ горничныя», но «лукавая, азіатская природа, льстивая и злая, скучливая и непостоянная, скоро до того надоѣла» Софьѣ Николаевнѣ, что послѣдняя «отослала К. опять въ дѣвичью». «К. имѣла привычку хвалить въ глаза и осыпать самыми униженными ласками всѣхъ господъ», «за глаза говорила совсѣмъ другое». Хозяевамъ «ябедничала на слугъ, а съ послѣдними нехорошо говорила» про хозяевъ. Софья Николаевна называла К. «вреднымъ существомъ», потому что К. «мимоходомъ хотѣла внушить» дѣтямъ «недобрыя мысли». К. подъ конецъ была удалена изъ числа горничныхъ, «но, подъ именемъ княжны, прожила» въ домѣ Багровыхъ «до глубокой старости».

Квартермистръ («Воспоминанія»).—«Отставной военный чиновникъ, имѣвшій подъ своей командой всѣхъ инвалидовъ, служившихъ при гимназіи; прогнѣвался на одного изъ нихъ и сталъ его жестоко наказывать палками»; когда ученики «потребовали, чтобы онъ пересталъ наказывать виноватаго», «очень разсердился за нарушеніе своей власти, принялся кричать и ругать воспитанниковъ площадными словами». По просьбѣ воспитанниковъ старшаго класса, «жестокій и грубый квартермистръ былъ отставленъ».

Кермикъ, Марія Христофоровна («Воспоминанія»).—Сирота, дочь булочника, воспитанница Вильфингъ, «уже совершенныхъ лѣтъ и очень хороша собой»; «дѣвица очень тихая и скромная», держала своихъ обожателей въ почтительномъ отдаленіи; влюбилась въ обманщика, (см. Ашенбреннеръ) назвавшагося графомъ, «но тѣмъ не менѣе благодаритъ Бога за свое счастье».

Кирсанка («Семейная хроника»).—Пастухъ Степана Михайловича, «извѣстный дуракъ и уродъ».

Клоусъ, Андрей Михайловичъ («Семейная хроника»).—Короткій другъ молодыхъ Багровыхъ. «Служилъ въ Уфѣ городовымъ акушеромъ», но вскорѣ былъ переведенъ въ Москву. «Былъ предобрѣйшій, умный, образованный и въ

то же время по наружности пресмѣшной нѣмецъ. Будучи еще не старымъ человѣкомъ, онъ носилъ совершенно желтый парикъ. Всѣ дивились, откуда онъ досталъ такого цвѣта человѣческіе волосы, какихъ ни у кого на головѣ не бываетъ; брови и бѣлки маленькихъ карихъ глазъ были тоже желтоваты, небольшое же круглое лицо красно какъ уголь». «Клоусъ хорошо писалъ по-русски», любилъ «слушать чтеніе и поиграть въ карты»; если выигрывалъ гривенъ шесть мѣдью, былъ очень доволенъ». Новорожденному привезъ «на зубокъ» «новыя карты». «Въ дружескомъ своемъ обращеніи онъ былъ большой оригиналъ: очень любилъ цѣловать ручки у знакомыхъ дамъ, но никогда не позволялъ цѣловать себя въ щеку, доказывая, что со стороны мужчинъ это большая неучтивость. Онъ также очень любилъ маленькихъ дѣтей; выраженіе этой любви состояло въ томъ, что онъ сажалъ къ себѣ на колѣни любимое дитя, клалъ его ручку на ладонь своей лѣвой руки, а правою гладилъ ручку ребенка цѣлые часы. Самымъ сильнымъ выраженіемъ его дружескаго расположенія было слово в а р в а р ъ или в а р в а р к а, и потому Софья Николаевна, которой онъ былъ преданъ душевно, безпрестанно называлась варваркой. Изъ-за нея, чтобы быть ей полезнымъ въ случаѣ надобности», остался въ Уфѣ; «начиналъ очень сердиться, потому что точно опредѣлилъ срокъ, когда у Софьи Николаевны «родится сынъ»; «написалъ для старика (Багрова) свое предположеніе «за вѣрность котораго ручался» и напялъ себѣ лошадей именно къ этому числу». Когда Софья Николаевна родила сына въ отсутствіе доктора, Клоусъ «вышелъ изъ себя, взбѣсился, отскочилъ отъ постели, какъ будто ожегся, и закричалъ: — Какъ? безъ меня! я живу здѣсь недѣлю и плачу всякій день деньги, и меня не позвали!....» Красное его лицо побагровѣло, парикъ сдвинулся на сторону, вся его толстая фигура такъ была смѣшна, что родильница принялась хохотать, но скоро «прошла его досада; радостныя слезы выступили на глазахъ; схватилъ онъ новорожденнаго младенца своими опытными руками, началъ его осматривать у свѣчки, вертѣть и щупать, отъ чего ребенокъ громко закричалъ; сунулъ онъ ему палецъ въ ротъ, и когда новорожденный крѣпко сжалъ его и засосалъ, нѣмецъ радостно вскрикнулъ:—«А варваръ! какой славный и здоровенный!

«Онъ бѣгалъ съ ребенкомъ по комнатѣ, потребовалъ корыто, губку, мыло, пеленокъ, теплой воды, засучилъ рукава, подпоясался передникомъ, сбросилъ парикъ и принялся мыть новорожденнаго, приговаривая:

— А варваренокъ, теперь не кричишь; тебѣ хорошо въ тепленькой-то водицѣ... «Уставъ отъ трудовъ и радостнаго волненія, сѣлъ наконецъ въ кресло и съ великимъ наслажденіемъ напился чаю; а какъ въ этотъ вечеръ онъ какъ-то усерднѣе подливалъ рому, то и почувствовалъ послѣ третьей чашки, что у него зашумѣло въ головѣ». «Приказавъ, чтобы новорожденному до утра не давали груди кормилицы, а поили однимъ ревеннымъ сиропомъ, онъ простился со своими счастливыми хозяевами, поцѣловалъ ручонку новорожденнаго и поѣхалъ спать, съ тѣмъ, чтобы пораньше навѣстить родильницу». «Проходя черезъ дворъ, онъ увидѣлъ плясску и услышалъ пѣсни, которыя неслись изъ всѣхъ оконъ кухни и людскихъ. Онъ остановился, хоть жаль было ему помѣшать веселью добрыхъ людей, но принялся онъ всѣхъ уговаривать, чтобы перестали они пѣть и плясать, потому что барынѣ ихъ нуженъ покой. Къ удивленію его, всѣ послушались и при немъ же полегли спать. Выходя изъ воротъ, нѣмецъ бормоталъ про себя: «Какой счастливый мальчишка! какъ всѣ ему рады!»

Княжевичъ Александръ («В о с п о м и н а н і я»). — «Гимназистъ старшаго класса», «лучшій ученикъ». «По необыкновенной добротѣ своего сердца», горячо заступается за наказываемаго палками инвалида, за что «квартермистръ ругаетъ его площадными словами»; въ защиту оскорбленнаго поднимается вся гимназія. По открытіи университета зачисляется въ студенты и проявляетъ «столь отличныя способности», «обѣщающіе славнаго ученаго», что, за отсутствіемъ профессора, ведетъ классъ высшей математики.

Княжевичъ, Димитрій («Воспоминанія»). — Гимназистъ, старшій братъ Александра; «первый во всѣхъ отношеніяхъ воспитанникъ», «краса гимназіи». «Юноша пылкаго нрава»; «горячо вступился за» «нѣжно-любимаго», «оскорбленнаго брата» и «сдѣлался главою движенія» противъ квартермистра, за что «исключается изъ гимназіи безъ аттестаціи въ поведеніи». «Опредѣляется на службу въ Петербургѣ», но «сохраняетъ надолго близкую связь со своими гимназическими товарищами». «Каждую почту пишетъ брату письма», которыя «читаются торжественно, во всеуслышаніе», «съ живымъ участіемъ»; въ 1805 году эти «письма пріобрѣтаютъ особенный политическій интересъ», т. к. К. «съ горячей любовью къ славѣ русскаго оружія» описывалъ военныя событія первой войны съ Наполеономъ. *

Княжевичъ, Максимъ Дмитріевичъ («Воспоминанія»).—Губернскій прокуроръ. Въ молодости былъ кавалергардомъ. Сербъ. Огромнаго роста съ рѣзкими чертами лица и «громовымъ голосомъ». «Твердый, нѣсколько грубый, хотя и добрый по природѣ», «онъ могъ назваться вѣрнымъ типомъ южнаго славянина и отличался радушіемъ и гостепріимствомъ; домъ его въ Казани отличался вполнѣ славянскою надписью надъ воротами: Добрые люди, милости просимъ!» *

Ковригина, Александра Ивановна («Дѣтскіе годы»).—«Исполнительница приказаній» Прасковьи Ивановны. «Жила у нея вмѣсто пріемыша уже 16 лѣтъ». «Двоюродная сестра» Багрова-внука. Молодая дѣвица «съ умными и добрыми глазами, но съ большимъ носомъ и совершенно рябымъ лицомъ». «Круглая сирота: отецъ и мать жили въ бѣдности, въ нуждѣ и оба померли». Взята была Пр. Ив. на воспитаніе съ малыхъ лѣтъ». Дружна съ Софьей Николаевной и «радушно и ласково» хлопотала объ ея дѣтяхъ.

Кондыревъ («Воспоминанія»). — Гимназистъ. «Считался самымъ степеннымъ и неуступчивымъ», «никто изъ шалуновъ не смѣлъ подойти» къ нему.

Коптяжева («Семейная хроника»).—См. *Ногаткина.*

Кормилица («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—«Такая, какихъ матерей бываетъ немного». «Господская крестьянка»; жила въ Касимовкѣ «за тридцать верстъ» отъ Уфы. Часто по субботамъ «вечеромъ отправлялась изъ деревни пѣшкомъ и приходила въ Уфу рано по утру въ воскресенье и, наглядѣвшись на Багрова-внука, «пѣшкомъ же возвращалась въ свою Касимовку, чтобы поспѣшить на барщину».

Кормчій («Дѣтскіе годы»).—«Одинъ изъ перевозчиковъ»; «рослый и загорѣлый». Во время переправы «схватилъ» Багрова-внука «на руки и понесъ прямо по водѣ въ лодку». Затѣмъ взялся за кормовое весло и громко сказалъ: «Призывай Бога на помощь».

Кормщикъ («Дѣтскіе годы»).—Когда Алексѣй Степанычъ разбранилъ К. за то, что онъ подалъ дырявую лодку, то К., «стоя безъ шляпы, почтительно кланяясь, говорилъ: «помилуйте, ваше благородіе, развѣ я этому дѣлу радъ, развѣ мнѣ свой животъ надоѣлъ. Вѣдь я бы потонулъ вмѣстѣ съ вами. Грѣхъ такой вышелъ». «Я, вѣстимо, безъ вины виноватъ. Помилосердуйте, простите, заставьте за себя вѣкъ Бога молить».

Красновъ («Воспоминанія»).—«Верховый мельникъ, великій краснобай» и «самоувѣренный» «плутъ; неудачно строилъ мельницу», «за что его и прогнали».

Куролесовъ, Михайло Максимовичъ («Семейная хроника»). — Родовой симбирскій дворянинъ. Владѣлецъ въ полтораста душъ. «Съ пятнадцатилѣтняго возраста находился въ службѣ въ какомъ-то извѣстномъ тогда славномъ полку и дослужился уже до чина майора». «Настоящаго образованія не имѣлъ», но писалъ «бойко и складно», и состоялъ въ перепискѣ съ Суворовымъ. «Человѣкъ толковый, ловкій, и въ то же время твердый и дѣловой», «на словахъ боекъ». «Къ тому же былъ искателенъ, умѣлъ приласкаться и приласкать, оказывалъ уваженіе старшимъ и почтеннымъ людямъ», «умѣлъ такъ сыскать расположеніе всѣхъ, что

всѣ его любили и носили на рукахъ». У Куролесова было неизмѣнное правило: «добиваться благосклонности людей почтенныхъ и богатыхъ». Женясь на Прасковьѣ Ивановнѣ противъ воли Степана Михайловича, «для того, чтобы утвердиться въ своемъ новомъ положеніи», «первымъ его дѣломъ было объѣздить съ молодой своей женой всѣхъ родственниковъ и всѣхъ знакомыхъ, какъ съ ея стороны, такъ и со своей. Въ Симбирскѣ же, начиная съ губернатора, не было забыто ни одно служебное, сколько нибудь значительное лицо». «Онъ былъ, какъ говорится, молодецъ собой». Многіе называли его даже красавцемъ, но иные говорили, что онъ, несмотря на свою красивость, былъ какъ-то непріятенъ». «Сахаръ-Медовичъ», по выраженію Степана Михайловича.

Аринѣ Васильевнѣ и всѣмъ ея дочерямъ Куролесовъ съ первой встрѣчи «очень приглянулся», и. ч. съ первыхъ минутъ онъ умѣлъ къ нимъ подольститься». Прасковья Ивановна «охотно слушала и разсказывала про угодливости» Куролесова. Денщикъ отзывался, что «майоръ шутить не любитъ», что «у него ходи по струнке и съ тропы не сваливайся», что онъ солдатъ не выдастъ и, коли можно, покроетъ, а если попался, такъ ужъ помилованія не жди, что слово его крѣпко, что если пойдетъ на ссору, то «ему и чортъ не братъ», что онъ «лихой, бѣдовый», что онъ «гусь лапчатый, звѣрь полосатый»; всѣ единогласно называли его отличнымъ хозяиномъ, хотя Куролесовъ «въ отпускъ пріѣзжалъ рѣдко» и въ своемъ имѣніи не жилъ. Одинъ Степанъ Михайловичъ отзывался о немъ неодобрительно:—Дрянь человѣкъ и плутъ!» Когда увидѣлъ, что на добровольное согласіе Степана Михайловича разсчитывать нельзя, предложилъ «отчаянное средство»: «уговорить Прасковью Ивановну къ побѣгу, увезти ее и сейчасъ гдѣ нибудь обвѣнчаться.

Получивъ въ управленіе имѣніе своей жены, Куролесовъ «надѣлалъ чудеса», проявилъ предпріимчивость и желѣзную волю въ исполненіи своихъ предпріятій». Въ нѣсколько лѣтъ онъ поставилъ себя на такую ногу, что добрые люди дивились, а недобрые завидовали». Авторитетъ Михайлы Максимовича росъ не по днямъ, а по часамъ». Исправниковъ и судей, «однихъ задарилъ, другихъ запоилъ». «Съ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ» и мелкими чиновниками, поступалъ онъ крутенько и самовластно, и они «передъ нимъ дрожкой дрожали». Со Степаномъ Михайловичемъ, который долго не хотѣлъ знать Куролесова, «Михайло Максимовичъ держалъ себя очень умно: онъ не былъ такъ вкрадчивъ и искателенъ, какъ прежде, но такъ же почтителенъ и внимателенъ, предупредителенъ, просилъ совѣтовъ у старика, понималъ ихъ очень хорошо и пользовался ими съ отличнымъ умѣньемъ. Онъ счелся съ нимъ въ дальнемъ родствѣ самъ по себѣ, и называлъ его дядюшкой. Арину Васильевну тетушкой, сына ихъ братцемъ, а дочерей сестрицами. Онъ оказалъ Степану Михайловичу какую-то услугу, еще до своего примиренія или прощенія». Узнавъ о томъ, что старикъ Багровъ пріѣхалъ «выручать» Прасковью Ивановну, «не осмѣлился показаться изъ своего флигеля, такъ какъ зналъ твердость духа и безстрашную отвагу Степана Михайловича» и «уступилъ свою жертву безъ спора».

Съ крестьянами «былъ строгонекъ», но ими «неусыпно занимался самъ, имѣя въ виду одно: благосостояніе крестьянъ». Онъ могъ «назваться самымъ умнымъ, дѣятельнымъ и попечительнымъ хозяиномъ»: «умѣлъ не жалѣть денегъ, гдѣ нужно было, смотрѣлъ, чтобы онѣ доходили до рукъ во-время въ мѣру, и предупреждалъ всякія надобности и нужды переселенцевъ. Самъ выпроваживалъ ихъ со старины, самъ ѣхалъ съ ними большую часть дороги и самъ встрѣчалъ ихъ на новосельѣ, снабженномъ всѣмъ для ихъ пріема и помѣщенія». Былъ справедливъ въ разборѣ винъ и не ставилъ крестьянину всякаго лыка въ строку»; хотя и «былъ слишкомъ строгъ, жестокъ въ наказаніи виноватыхъ», но «рѣдко наказывалъ крестьянъ, и то въ случаѣ особенной важности или личной извѣстности ему виноватаго человѣка; за то «каждый изъ его приближенныхъ, а иной и ни одинъ разъ, бывалъ наказанъ на смерть». «Когда Михайло Максимовичъ сердился, горячился и кричалъ, что бывало рѣдко,—онъ не дрался; когда же до-

бирался до человѣка съ намѣреніемъ потѣшиться его муками, онъ говорилъ тихо и даже ласково:—«Ну, любезный другъ, Григорій Кузмичъ (вмѣсто обыкновеннаго Гришка), дѣлать нечего, пойдемъ, надобно мнѣ съ тобой расчитаться». «Поцарайте его кошечками, говорилъ съ улыбкой Михайло Максимовичъ. — Не люблю палокъ и кнутьевъ, что въ нихъ! Какъ разъ убьешь человѣка! То ли дѣло кошечки: и больно, и не опасно!» Самъ рѣдко «дрался», но, «добравшись до человѣка», «тѣшился его муками»; присутствовалъ при пыткѣ, въ продолженіе которой пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пошучивалъ съ несчастной жертвой своей, пока она еще могла слышать»... «Осмотрѣвъ внимательно наказаннаго человѣка, Михайло Максимовичъ говорилъ, если былъ доволенъ: «ну, будетъ съ него, приберите къ мѣсту»... Жену свою билъ до тѣхъ поръ, пока она не лишилась чувствъ» и заперъ на замокъ въ подвалѣ». «Природная жестокость» Михайло Максимовича «превратилась наконецъ въ лютость, въ кровопійство. Терзать людей сдѣлалось его потребностью, наслажденіемъ»: онъ искалъ жертвъ и наслаждался ихъ мученіемъ». «Въ тѣ дни, когда ему случалось не драться, онъ былъ скученъ, печаленъ, безпокоенъ, даже боленъ»; послѣ истязанія веселъ, шутливъ, и любезенъ на цѣлый день, а иногда и на нѣсколько дней».

«Кровожадная натура его развилась на свободѣ» «во всей своей полнотѣ». «Это было ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью человѣка». «Извергъ рода человѣческаго», какъ всѣ его называли. «Всѣ по наслышкѣ дрожали отъ одного его взгляда; даже въ обращеніи съ нимъ родныхъ и короткихъ знакомыхъ было замѣтно какое-то смущеніе и опасеніе». Онъ «всѣхъ запугалъ», и страхомъ привлекалъ обиженныхъ «къ миру».

«Отъ лютости Михайлы Максимовича страдали преимущественно дворовые люди, «старосты и приказчики терпѣли отъ него наравнѣ съ дворовыми». «У него не было пощады никому». Онъ «всегда оставался правъ», хотя «бывали насилія и похуже». «Послѣ жалобъ на него, «приказалъ сказать земскому суду, что обдеретъ кошками того изъ чиновниковъ, который покажетъ ему глаза», а челобитчика схватывалъ и сѣкъ, «иногда въ собственномъ его (челобитчика) имѣніи, въ собственномъ домѣ, посреди семейства, которое валялось въ ногахъ и просило помилованія виноватому». Если кто-нибудь изъ сосѣдей досаждалъ Михайлѣ Максимовичу «непокорнымъ словомъ», или не пріѣзжалъ на его зовъ, онъ привозилъ его насильно. Если Михайло Максимовичъ замѣчалъ «какую-нибудь «хорошую вещь» «въ домѣ своего сосѣда, или просто въ домѣ, гдѣ ему случалось быть», то онъ сейчасъ предлагалъ хозяину помѣняться, «или продать»; если же хозяинъ отказывалъ въ мѣнѣ, то «предупреждалъ, что возьметъ даромъ». И, «дѣйствительно, забиралъ все, что ему угодно, такъ какъ вскорѣ же являлся со своей шайкой, которую онъ набралъ себѣ, выбравъ изъ дворовыхъ и даже крестьянъ десятка полтора головорѣзовъ, достойныхъ исполнителей его воли».

Всякаго, кто осмѣливался дѣлать и говорить не по немъ, «хваталъ среди бѣла дня, сажалъ въ погреба или овинъ на ямы и морилъ холодомъ и голодомъ, на хлѣбѣ да на водѣ, а нѣкоторыхъ безъ церемоніи диралъ кошками и вообще» «совершалъ безнаказанно неслыханныя дѣла»: своего лакея Петрушку обвѣнчалъ на чужой женѣ, скакалъ во весь духъ «по окольнымъ полямъ и деревнямъ, любилъ напоить всякаго встрѣчнаго, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, и больно сѣкалъ того, кто осмѣливался ему противиться». «Наказанныхъ привязывали къ деревьямъ, столбамъ и заборамъ, не обращая вниманія ни на дождь, ни на стужу». «Избалованный страхомъ и покорностью всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталъ знать мѣру своему бѣшеному своеволію». «Пьянство «отнимало у него умъ, снимало узду съ его страстей чудовищныхъ, безчеловѣчныхъ», но онъ никогда не напивался до положенія ризъ, «хотя «пилъ водку, какъ воду»; хмѣль не валялъ его съ ногъ, а поднималъ его на ноги и возбуждалъ страшную дѣятельность въ его отуманенномъ умѣ, въ его разгоряченномъ тѣлѣ». Хмѣль и буйство скоро слетали съ него, какъ съ гуся вода, и съ но-

вой бодростью являлся онъ къ своему дѣлу».—«Плутуй, воруй, да концы хорони, а попался, такъ пеняй», была поговорка у Куролесова. На сторонѣ онъ пилъ и развратничалъ и въ своей компаніи доходилъ «до излишествъ всякаго рода, но «жену свою Михайло Максимовичъ одѣвалъ какъ куклу, предупреждалъ всѣ ея желанія, тѣшилъ съ утра до вечера, когда только бывалъ дома». Въ Парашинѣ онъ совершалъ «страшные подвиги», но въ Чурасовѣ («резиденціи его самого и жены) велъ себя по прежнему почтительно къ старшимъ, ласково и внимательно къ равнымъ, предупредительно и любезно къ своей женѣ» и «ни съ кѣмъ въ Чурасовѣ не дрался». Будучи женихомъ, онъ умѣлъ «прикипуться влюбленнымъ» въ «богатую сироту», и всѣ говорили, что онъ «смертельно заразился, грезилъ ею во снѣ и на яву, сходилъ отъ нея съ ума и вообще «разсыпался мелкимъ бѣсомъ». Онъ зналъ «всему мѣсто и время», и всегда слѣдовалъ своему плану. При встрѣчѣ съ женой «прикинулся раскаявшимся грѣшникомъ», но, когда она объявила ему, что все знаетъ», «избилъ ее до полусмерти и посадилъ въ подвалъ; «всякій день два раза спускался въ подвалъ» и «уговаривалъ написать довѣренность; просилъ прощенья, что въ горячности такъ строго съ нею обошелся, обѣщался, въ случаѣ ея согласія, никогда не появляться ей въ глаза, и божился, что оставитъ духовную, въ которой послѣ своей смерти откажетъ ей все имѣніе».

«Достигнувъ высшей степени разврата и лютости, занялся построеніемъ каменной церкви въ Парашинѣ», такую же каменную церковь соорудилъ въ имѣніи жены и завелъ хоръ пѣвчихъ изъ своихъ дворовыхъ. Вновь пріобрѣтенныя имѣнія назвалъ въ честь жены «Парашино», «Ивановка», и «Куролесовка» и «вообще проявлялъ «романическія затѣи». Очень цѣнилъ «выгоды роскошной жизни», любилъ «хорошихъ лошадей» и «хорошія для украшенія дома картины». Пируя съ гостями, любилъ хвастаться своими вещами, и тутъ же прибавлялъ, что «вотъ эту красотку въ золотыхъ рамахъ» «отнялъ у такого-то», а это бюро съ бронзой у такого-то, и «похищенное добро считалъ своей собственностью».

Двое, изъ числа «самыхъ приближенныхъ» къ Куролесову и «менѣе другихъ терпѣвшихъ отъ его жестокостей, отравили его мышьякомъ. «Ядъ былъ положенъ (въ графинъ съ квасомъ) въ такомъ количествѣ, что Куролесовъ жилъ не болѣе двухъ часовъ».

Куроѣдовъ, Иванъ Петровичъ («Дѣтскіе годы»).—Богатый помѣщикъ, сосѣдъ Аксиньи Степановны. Большой охотникъ до голубей. Сватался къ дочери «А. С. и, «желая приласкаться къ ея роднымъ», подарилъ Багрову-внуку мохноногихъ и двухохлыхъ голубей.

Кучеръ Солобуевыхъ («Наташа»).—«Представлялъ великолѣпную тучную фигуру, украшенную чудесной русой бородой»; былъ «одѣтъ, какъ богатый купецъ».

Л.

Ласточкинъ, Гурій Ивличъ («Воспоминанія»).—Студентъ, кончившій духовную семинарію. Репетиторъ воспитанниковъ Запольскаго, 22 лѣтъ; «скромный и знающій человѣкъ», «имѣлъ очень много достоинствъ», былъ «всѣми любимъ за свои душевныя качества и уважаемъ за свою ученость». Къ духовному званію «не чувствовалъ влеченія», но обстоятельства «заставили пожертвовать своимъ убѣжденіямъ» и сдѣлаться протопопомъ; впослѣдствіи былъ «даже ректоромъ въ духовной Академіи».

Левицкій, Левъ Семенычъ («Воспоминанія»). — «Старшій учитель россійской словесности» казанской гимназіи и адъюнктъ-профессоръ логики и философіи въ университетѣ. «Настоящій словесникъ». «Краснощекій толстякъ» «съ порядочнымъ брюшкомъ, несмотря на свою молодость». «Добрый, ласковый,

любезный, веселый». Считалъ, что благонравіе и изящество человѣка—«плодъ женскаго воспитанія, плодъ трудовъ образованной матери». «Пагубная страсть къ вину совершенно имъ овладѣла, и онъ уже предавался ей каждый вечеръ въ одиночку»; «получилъ отъ невоздержанности водяную и умеръ».

Лиза («Воспоминанія»).—Воспитанница. «Молодая и прекрасная собою, бѣдная дѣвушка». Выходитъ замужъ за Ласточкина.

Лихачевъ («Воспоминанія»).—Директоръ гимназіи, помѣщикъ. «Карикатурная наружность, не внушавшая расположенія»; «нижняя губа была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укушенія благой мухи или осы». «Плохой директоръ»; «трусливый» человѣкъ; «посѣщалъ гимназію въ обѣденное время», «въ классы не заглядывалъ»; «ученики долго его и въ глаза не знали». «Ни чиновники, ни воспитанники не уважали его», и «публично» осмѣивали; по требованію гимназистовъ, противъ своего желанія, удаляетъ квартермистера, но вводитъ въ гимназію солдатъ «для усмиренія».

Лупеневская («Дѣтскіе годы»).—См. *Флена Ив. Л.*

Лѣнивцева («Дѣтскіе годы»).—Уп. л. Гостья Багровыхъ.

Лѣнивцевъ, М. В. («Дѣтскіе годы»).—Уп. л. Гость Багровыхъ.

М.

Мавлютъ Исеичъ («Дѣтскіе годы»).—Башкирецъ; кантонный старшина; «звали его за глаза—Мавлюткой». «Великанъ необыкновенной толщины: въ немъ было двѣнадцать вершковъ роста и двѣнадцать пудовъ вѣса». «Одѣтъ въ казакинъ и въ широчайшіе плисовые шальвары; на макушкѣ толстой головы чуть держалась вышитая золотомъ, запачканная тюбетейка; шеи у него не было; голова съ подзобомъ плотно лежала на широкихъ плечахъ; огромная саблища тащилась по землѣ». «Съ трудомъ» садился на стулъ и выпивалъ заразъ «множество чашекъ чаю». Имѣлъ семь женъ. Говорилъ по-русски, коверкая слова. Гордился своей верховой лошадью, которая, по собственному выраженію, «въ цѣлый табунъ одна его таскай».

Мавра Васильевна Солобуева («Наташа»).—Жена Флегонта Аѳанасьевича Солобуева, урожденная Савинова. «Безотвѣтная купчиха»; «добрая женщина», по мнѣнію Болдухиныхъ. См. *Флег. Аѳан. Солобуевъ.*

Мазанъ, Ванька («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—Дворовый Степана Михайловича. Лакей и «лежебока». Спалъ вмѣстѣ съ Танайченкомъ на полу, около дверей въ горницу Степана Михайловича, спалъ «и до обѣда» и послѣ, «наглотавшись объѣдковъ съ господскаго стола». Не разъ пускался на «наглыя шалости»: «подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь перестлать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ да и заснулъ». Въ другой разъ Мазану, вмѣстѣ съ Тайначенкомъ, послѣ сна «захотѣлось прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ». «Въ непритворенную дверь достали они халатъ и колпакъ (стараго барина), лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги и, когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ, Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется Степанъ Михайловичъ».

На торжественномъ обѣдѣ въ Багровѣ, «обутый въ сапоги, вонявшіе дегтемъ, въ сюртукѣ, сидѣвшемъ на немъ, какъ рогожный куль на медвѣдѣ, подавалъ всѣмъ одинъ бокалъ» съ наливкой. Страстный охотникъ. На охотѣ застрѣлилъ

дикаго гуся и принесъ Багрову-внуку съ большимъ торжествомъ, разсказывая подробно, какъ онъ подкрался камышами, въ водѣ по горло, къ двумъ гусямъ, плававшимъ на материкѣ пруда, какъ прицѣлился въ одного изъ нихъ и заключилъ разсказъ словами: «какъ ударилъ, такъ и не ворохнулся!» См. ниже *Танайченокъ*.

Макей («Дѣтскіе годы»).—«Поваръ» Багровыхъ; «весьма плохо» разумѣлъ «свое дѣло». На охотѣ «досталъ кремень и огниво, вырубилъ огня на большой кусокъ труту, завернулъ его въ сухую куделю, взялъ въ руку и началъ проворно махать взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ и махалъ до тѣхъ поръ, пока куделя вспыхнула».

Манасеинъ. Ельпидифоръ («Воспоминанія»).—Гимназистъ, жившій на квартирѣ у Запольскаго. Младшій изъ трехъ братьевъ, еще не принявшійся за ученіе», «славный мальчикъ, но великій шалунъ», «впослѣдствіи весьма дѣльный человѣкъ».

Манасеинъ («Воспоминанія»).—Средній братъ. «Порядочный лѣнтяй».

Мансурова («Семейная хроника»). — Молодая и любезная генеральша; состояла въ числѣ тѣхъ друзей Тимашевыхъ, которые «помогли имъ стать твердою ногою на новомъ для нихъ пути общественной городской жизни»; «приняла дѣятельныя мѣры къ приличному образованію молодой капитанши (Тимашевой).

Мансуровъ («Семейная хроника»). — «Генералъ-маіоръ», «командиръ полка». «Добрѣйшій и любезнѣйшій изъ людей, любимый всѣми безъ исключенія». Самъ женился по любви и вмѣстѣ со своей женой принялъ подъ свое покровительство влюбленныхъ Тимашева и Сальме.—«Страстный охотникъ до всѣхъ охотъ».

Мантейфель, графъ («Семейная хроника»).—Ун. л. Путешественникъ. Прислалъ Софьѣ Николаевнѣ стихи своего сочиненія, въ которыхъ называлъ ее «и Венерой и Минервой», «при самомъ почтительномъ письмѣ на французскомъ языкѣ», «съ приложеніемъ экземпляра огромнаго сочиненія въ пяти томахъ in quarto доктора Бухана. *

Маренники («Семейная хроника»).—Прозвище Багровскихъ дворовыхъ за ихъ зипуны, окрашенные въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ.

Марковичъ («Воспоминанія»). — Университетскій и гимназическій экономъ. Малороссъ. «Человѣкъ необыкновенно добрый, съ порядочнымъ брюхомъ, природный юмористъ и презабавный шутникъ».

Матрена («Дѣтскіе годы»).—Горничная; толстая, бѣлая и румяная. «Была запѣвалой, «имѣла чудесный голосъ» и «пѣсни ея были громче и лучше всѣхъ». «Посаженная «на крылечкѣ амбара для караула», спала крѣпко, несмотря на то, что солнце пекло ей прямо въ лицо». Когда Багровъ-внукъ вбѣжалъ въ амбаръ, М. «ужасно испугалась» «и сказала съ сердцемъ»: «что это, сударь, вы тамъ дѣлали. Тамъ совсѣмъ не ваше мѣсто. Теперь тетушка на меня будетъ гнѣваться. Онѣ никому не позволяютъ ходить въ свой амбаръ», «и принялась плакать»; говорила что ее навѣрное сошлютъ въ Старое Багрово да и съ мужемъ, пожалуй, разлучатъ. «Узнавъ, что Багровъ-внукъ ничего не сказалъ о посѣщеніи амбара», бросилась къ нему въ ноги и начала цѣловать», благодаря за спасеніе.

Матвѣй Васильевичъ («Дѣтскіе годы»).—Учитель ариѳметики въ народномъ училищѣ, «тихій и добрый». Въ классѣ «вызывалъ учениковъ по списку, одного за другимъ» и отмѣчалъ въ спискѣ кого нѣтъ, приговаривая иногда: «въ третій разъ нѣтъ, въ четвертый нѣтъ—такъ розги!» Хорошихъ учениковъ М. В. «хвалилъ, но и самыя похвалы сопровождались бранными словами», не знающихъ же—ставилъ «на колѣна»; послѣ урока звалъ «сторожей», которые, «вооруженные пучками прутьевъ», принимались «сѣчь мальчиковъ». М. В. «писалъ прописи не хуже печатныхъ листовъ» и «имѣлъ обыкновеніе» «подписывать» на

ученическихъ «тетрадкахъ» какое-нибудь изъ слѣдующихъ словъ: «посредственно, не худо, изрядно, хорошо, похвально». По отношенію къ нѣкоторымъ ученикамъ М. В. держалъ себя крайне недоброжелательно: съ Андрюшей онъ поступалъ несправедливо, а Багрова-внука «бралъ за руку и тихимъ голосомъ просилъ «засвидѣтельствовать его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ».

Мейснеръ («Воспоминанія»).—Надзиратель «французской комнаты».

Мертваго, Дмитрій Борисовичъ («Дѣтскіе годы»). *

Мертваго, Иванъ Борисовичъ (Дѣтскіе годы»).—«Молодой»; «небритый, нечесанный, очень странно одѣтый», «человѣкъ сошедшій съ ума». Живетъ «въ особомъ флигелѣ, съ приставленнымъ къ нему слугою. Ходитъ «гулять по полямъ и лѣсамъ» и бормочетъ себѣ подъ носъ какія-то русскія и французскія слова, кусая ногти, безпрестанно кланяясь на бокъ». «Играетъ мастерски» въ карты, при чемъ «игра съ самимъ собой составляетъ» его «единственное удовольствіе»; при этомъ «все дѣлалъ съ изумительною скоростью и часто, не дожидаясь розыгрыша игры, вычисливъ всѣ ходы въ умѣ, писалъ мѣломъ свой будущій выигрышъ или проигрышъ» и «никогда не ошибался», какъ утверждали многіе. «Въ то же время на лицѣ его появлялись безпрестанныя гримасы». М. «смѣялся какимъ-то дикимъ смѣхомъ, безпрестанно что-то говорилъ, вставалъ, кланялся» окружающимъ « и опять садился». «Вѣритъ, что государыня скончалась»; «воображаетъ, что влюбленъ въ нее, любимъ ею и предъ ней оклеветанъ»; по поводу клеветы «хочетъ писать письмо къ покойной императрицѣ на французскомъ языкѣ. «Съ почтеніемъ» относится къ матери, повинуясь ей во всемъ.

Мертваго, Марья Михайловна («Семейная хроник» и «Дѣтскіе годы»).—Старушка, теща Чичагова. М. «въ своей жизни много видѣла, много вытерпѣла». «Умѣла такъ разспрашивать, особенно такъ разсказывать», что окружающимъ было весело ее слушать». «Ея разсказы были любопытнѣе книжекъ». Во время пугачевщины М. жестоко «пострадала со своимъ семействомъ».

Мертваго, Станиславъ Борисовичъ («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—Уп. л.

Миницкая, А. П. («Дѣтскіе годы»). — Дѣвица; ровесница Багрова-внука; «очень любила читать книжки». Предпочитала стихи кн. Долгорукова «всѣмъ другимъ стихамъ» и «вела жаркіе споры» съ Багровымъ-внукомъ изъ-за «литературныхъ убѣжденій».

Миницкій, Павелъ Ивановичъ («Дѣтскіе годы»).—Уп. л. Малороссъ; молодъ; хорошъ собой; женатъ на Варварѣ Сергѣевнѣ Плещеевой, къ которой «горячо» привязанъ. Страстно любя свою красавицу-жену», М. «съ удивительною настойчивостью перевоспитывалъ ее, истребляя въ ней сѣмена тщеславія и суетности». «Соединялъ энергическую дѣятельность, благородство души и строгость правилъ съ поэтическою природою малоросса».

Миронычъ («Дѣтскіе годы»).—Мужикъ; «главный староста» Куролесовой, «въ чести у хозяевъ». «Малорослый, съ страшными глазами. «Умный», «распорядительный», «заботливый о господскомъ и о крестьянскомъ дѣлѣ; «не поживился ни одной копѣйкой», «но потакаетъ и потворствуетъ своей роднѣ и богатымъ мужикамъ». По словамъ крестьянъ, М. «хотя и гуляетъ, но на работахъ всегда бываетъ въ трезвомъ видѣ и не дерется безъ толку». Требователенъ и жестокъ къ крестьянамъ; не хочетъ освободить отъ работы больного дряхлаго старика Терентьева, говоря: «вѣдь такихъ дармоѣдовъ и лежебоковъ много».

Михайло Петровичъ Багровъ («Семейная хроника»). Уп. л. Отецъ Степана Михайловича.

Михалуйшка — Михаилъ Максимовичъ («Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы»).—Молодой писецъ въ Парашинѣ; благодаря ему уладилось «все дѣло», вызванное внезапной смертью Куролесова. «Впослѣдствіи онъ былъ повѣреннымъ, главнымъ управителемъ всѣхъ имѣній и пользовался полною довѣренностью Прасковьи Ивановны. Подъ именемъ Михайлушки, онъ былъ извѣ-

стенъ всѣмъ и каждому въ Оренбургской губерніи». Человѣкъ «замѣчательно умный», «нажилъ себѣ большія деньги»; баловалъ «дворню и лакейство изъ своей родни»; «долго держался скромнаго образа жизни, но отпущенный на волю», «потерявъ любимую жену, спился и умеръ въ бѣдности». «Кто-то изъ его дѣтей» «вышелъ въ чиновники и, наконецъ, въ дворяне».

Михей («Дѣтскіе годы»).—«Столяръ»; «сердитый и грубый». Всѣ его дразнили. Въ припадкѣ гнѣва «гонялся» за дразнившими его «съ деревяннымъ молоткомъ, бранилъ и бивалъ ихъ. Разъ М., «выведенный Волковымъ изъ терпѣнія, схватилъ деревянный молотокъ и такъ ловко ударилъ имъ Волкова по лбу, что у того въ одну минуту вскочила огромная шишка и одинъ глазъ запухъ».

Михеевъ, Ѳедоръ («Семейная хроника»). — «Приданный лакей Софьи Николаевны, «мужъ Параши; былъ большой мастеръ дѣлать перепелиныя дудки».

Мореевъ («Воспоминанія»).—Гимназистъ. «Считался самымъ степеннымъ и неуступчивымъ» изъ товарищей. «Никто изъ шалуновъ не смѣлъ подойти» къ нему.

Морицъ Ивановичъ Шевалье-де-Глейхенфельдъ («Наташа»). — Учитель дѣтей Болдухиныхъ, выписанный черезъ какого-то корреспондента, печатно увѣрявшаго въ газетахъ о своей честности». Старый капитанъ «австрійской службы», «нидерландскій уроженецъ», такъ называемый, «мусье» «или, какъ его звала въ домѣ прислуга», «Морсъ Иванычъ»; «зналъ основательно два языка—французскій и нѣмецкій, неосновательно—латинскій, да четвертый еще—составленный имъ изъ всѣхъ европейскихъ языковъ и преимущественно изъ польскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій, потому что капитанъ долго служилъ въ австрійской арміи и много таскался по австрійскимъ славянскимъ владѣніямъ». «Хотѣлъ ли М. И. назвать кого нибудь глупымъ, онъ говорилъ: «онъ има на своей глува шанки, ирбата и слома; «т. е. онъ имѣетъ въ своей головѣ сѣно, траву и солому. Разговоры называлъ «говріанье», сказки—«кишкересъ», вора—«двуръ», дѣвушку—«кобитка»; буфетчика—«буфешникъ» и пр. Сверхъ того онъ былъ большой проказникъ; иногда называлъ барыню—«баранина», притворяясь, что не умѣетъ различать этихъ словъ». «Одинъ разъ при гостяхъ за обѣдомъ, будучи недоволенъ, что мало осталось жаркого на блюдѣ, онъ съ досадой отказался отъ него». Когда «Болдухина, замѣтивъ это, въ простотѣ души обратилась къ нему съ вопросомъ: «отчего, Морицъ Иванычъ, вы не взяли жаренаго?»...—«Оттого, моя сударыня баранина, отвѣчалъ капитанъ, что ту нема кусокъ на мой густо». На сдержанный смѣхъ окружающихъ «М. И. съ видомъ невинности началъ допрашивать: не сказалъ-ли онъ чего-нибудь смѣшного?———«Кавалеръ-де-Глейхенфельдъ тоже ворожилъ, но по звѣздамъ, и составлялъ гороскопы, взлѣзая для наблюденія по ночамъ на колокольню. Странно, что, на смѣхъ здравому смыслу, нѣкоторые изъ его гороскоповъ впослѣдствіи оказывались поразительно вѣрны. Разумѣется, его считали колдуномъ и даже побаивались». «Очень любилъ одного изъ сыновей Болдухиныхъ, смуглаго лицомъ мальчика и называлъ его: «черный попа». Передъ Наташей «благоговѣлъ». Когда Наташа сдѣлалась невѣстой, «М. И. ничего не говорилъ; но его необыкновенные низкіе поклоны, съ прижатыми къ груди руками, его взгляды, ужимки, глаза, поднятые къ небу съ мольбою о Счастіи (такъ звалъ онъ Наташу), были слишкомъ выражены и понятны».

Мужикъ («Дѣтскіе годы»).—Крѣпостной Прасковьи Ивановны; «немолодой», «съ просѣдью и съ необыкновенными глазами»; «малорослый и широкоплечій».

Мужикъ («Дѣтскіе годы»).—Уп. л. Охотникъ; спасъ жизнь Никитину.

Мысеичъ, Екимъ («Дѣтскіе годы»).—Читальщикъ по Степанѣ Михайловичѣ и Аринѣ Васильевнѣ; «дряхлый старикъ», читалъ псалтырь медленно и гнуся, плохо разбирая и въ очки церковную печать», «крестился» и «кланялся».

Н.

Нагаткина, Арина Степановна («Семейная хроника»). — Старшая дочь Степана Михайловича, вдова, по первому мужу Коптяжева. Крестная мать Багрова-внука. «Сердечная простота», какъ называли ее сестры, «добрая, простодушная женщина». На отзывы сестеръ о невѣсткѣ отвѣчала «коротко и ясно»: «—Вы себѣ тамъ, какъ хотите; не любите и браните Софью Николаевну, а я ею очень довольна; я отъ нея кромѣ ласки и уваженія ничего не видала», и Акс. Степановна не удерживала порывовъ своего «дружелюбія». Несмотря на всѣ средства и просьбы, даже угрозы» сестеръ, при всѣхъ передала Софьѣ Николаевнѣ послѣднюю просьбу умирающей Арины Степановны о прощеніи. Степанъ Михайловичъ звалъ ее «добрухой, и простухой, и маіоршей». Когда дѣтямъ брата привезла гостинца, изюму и черносливу, то отдала тихонько отъ всѣхъ и велѣла такъ ѣсть, чтобы никто не видалъ».

Надзиратель («Воспоминанія»).—Больничный надзиратель. «Добрый старикъ», «попечителенъ и ласковъ».

Надзиратель («Воспоминанія»). — Дежурный надзиратель гимназіи; «всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить».

Наташа Болдухина («Наташа»).—Старшая дочь Болдухиныхъ, невѣста Шатова. Шестнадцати лѣтъ «достигла полнаго своего блеска». Была «такъ хороша, что всякій, увидѣвъ ее въ первый разъ, невольно останавливался, «заглядывался на нее, и никогда не забывалъ» эту «цвѣтущую свѣжестью и здоровьемъ, съ прекрасными глазами дѣвушку». «Олицетворенная кротость и благость». «Въ красотѣ ея лица выражается красота души». «За доброту, а можетъ быть и за красоту, всѣ въ домѣ чуть не обожали Наташу». Отъ привычки «немножко горбиться», «она казалась сутуловатой»; «нарядъ ея» былъ «небрежный»; «съ волосами «никогда не умѣла сладить». Пестренькій платочекъ, которымъ повязывала Н. свою «чудную головку», «шелъ къ ея лицу лучше всякой великолѣпной головной уборки». «Не думая о своей наружности, не думая никому нравиться, она, казалось, хорошѣла съ каждымъ днемъ».

Имѣла отъ природы здравый и свѣтлый умъ, чуждый всякой мечтательности, но нисколько не развитый ни ученьемъ, ни образованіемъ, ни обществомъ». «Училась она не слишкомъ прилежно, но въ то же время и не лѣнилась». «Спокойно и беззаботно проводила время, хотя не имѣла никакой склонности къ деревенскимъ занятіямъ и удовольствіямъ, не любила даже гулять и какъ то не умѣла восхищаться красотами природы». «Маленькое и безпечное дитя»; «искренно признавала себя за простую деревенскую барышню»; «плохо поняла первый урокъ житейской мудрости и со всею искренностью, съ дѣтскимъ простодушіемъ, отвѣчала, что она о женихахъ и думать не хочетъ, да и на ней никто жениться не думаетъ». Позже «она съ дѣтской наивностью говорила матери, что терпѣть не можетъ, когда кто-нибудь смотритъ на нее такъ пристально, точно хочетъ узнать, что происходитъ у нея въ сердцѣ, и что она особенно не любитъ такихъ взглядовъ Ардальона Семеновича». «Воспитана въ правилахъ покорности и повиновенія къ родителямъ»: страхъ прогнѣвить мать преодолѣваетъ въ ней всѣ другія чувства. Н. не хочетъ пить противной сѣрной воды, но одно строгое слово матери «пей», и Н. съ ангельской кротостью, безъ малѣйшаго признака неудовольствія, взяла стаканъ, наклонилась къ источнику и выпила два стакана не поморщась, и съ спокойной веселостью пошла за матерью». На вопросъ, выходитъ ли она замужъ за Шатова, отвѣчаетъ, «что если папенькѣ и маменькѣ будетъ угодно, то и она будетъ согласна». Когда Шатовъ просилъ Болдухиныхъ благословить его и Наташу, Наташа «тихо и скромно прибавила»:—«Батюшка и матушка! Я знаю, что вы любите Ардальона Семеновича; благословите же насъ».

Робкая, молчаливая, Н. была неразговорчива съ незнакомыми людьми и всегда нѣсколько «застѣнчива»; «отъ каждаго взгляда молодого человѣка она краснѣла, опускала глаза и начинала внимательно разсматривать свои руки, которыя были не такъ хороши и не сохранены отъ воздуха и солнца». Когда она бывала «особенно смущена», отвѣты ея были самые односложные; по большей части да или нѣтъ, хочу или не хочу, люблю или не люблю». «Всякое новое знакомство, сопровождаемое «принужденіемъ, было» для нея «тягостно». Одна «лукавая улыбка» Морица Ивановича такъ «сконфузила» ее, «что Наташа готова была заплакать и убѣжать». Ей было «какъ-то неловко и даже страшно явиться на смотръ и на судъ такого умника и краснорѣчиваго говоруна, какъ Шатовъ, но «она хорошо» «поняла, что отцу и матери Ардальонъ Семенычъ очень нравится».

Н. имѣла «добрую и благородную душу, глубокое нѣжное сердце, но безъ всякаго нѣжничанья, и сантиментальность по инстинкту была ей противна». «Видя къ себѣ вниманіе и любовь отъ старика Солобуева», «сердечно его полюбила, «полюбила его какъ родного» и хвалила отъ всей души какъ умѣла. Доброта ея была безпредѣльна и вполнѣ развита отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Много чужихъ винъ перебрала она на себя и много за нихъ вытерпѣла отъ вспыльчивой и долго не любившей ея матери». Будучи нелюбимой дочерью, страстно любила мать и, хотя «по добротѣ своей не завидовала», но огорчалась, видя, какъ ея маменька бывала иногда нѣжна, заботлива и ласкова къ ея братьямъ и сестрамъ, особенно къ братцу Петрушѣ. Н. со слезами молилась Богу, чтобы мать ее также полюбила и готова была на всякую «жертву за одно нѣжное слово своей матери». «Для матери она готова пожертвовать всѣмъ, даже жизнью».

Когда давала слово жениху, «первою мыслью Наташи была мать, мать счастливая ея согласіемъ выйти замужъ за Ардальона Семеныча. Эта мысль также озарила веселымъ свѣтомъ ея душу, какъ солнце озаряло ея комнату». «Увлеченная искреннимъ увлеченіемъ матери, думала наконецъ только объ одномъ: нельзя ли сегодня же выйти замужъ за Ардальона Семеныча, «и въ то же время жалко стало Наташѣ своей дѣвической, беззаботной жизни, съ ея простотой и свободою». «Въ первый разъ спросила она себя: такъ ли много любитъ она жениха, чтобы бросить для него домъ родительскій; точно ли маменька будетъ счастлива, если она не полюбитъ Ардальона Семеныча такъ сильно, какъ слѣдуетъ женѣ любить своего мужа? Спросила и не могла отвѣтить утвердительно: сомнѣніе запало ей въ душу».

Неклюдовъ, Иванъ Васильевичъ («Семейная хроника»).—Шуринъ Степана Михайловича; «купилъ землю въ двадцати верстахъ отъ Степана Михайловича, перевелъ крестьянъ, построилъ деревянную церковь, назвалъ свое село Неклюдовымъ, и самъ переѣхалъ въ него съ семействомъ».

Никитинъ, Аревій («Дѣтскіе годы»).—Крестьянинъ. Зовутъ его Арсва съ тѣхъ поръ, какъ Н. былъ выкопанъ мужиками изъ подъ снѣгу, куда попалъ заблудившись на полѣ въ морозную ночь. «Онъ весь былъ талый и сначала долго оттирали его снѣгомъ и онъ лежалъ безъ памяти. Ужъ на другой день пришелъ въ себя и попросилъ ѣсть».

Николай Калмыкъ («Семейная хроника»). — Любимый дворецкій Зубина. Умный, ловкій и усердный, «незамѣнимый человѣкъ». Ребенкомъ былъ купленъ у своихъ родителей и сдѣланъ крѣпостнымъ человѣкомъ. «Когда поднялась пугачевщина, бѣжалъ къ бунтовщикамъ» и «сдѣлался любимцемъ знаменитаго бунтовщика Чики, бывшаго въ свою очередь любимцемъ Пугачева. Свирѣпствовалъ больше всѣхъ и особенно грозился на своего господина. Преданный суду, «былъ приговоренъ къ висѣлицѣ», но былъ помилованъ по просьбѣ Зубина. «Калмыкъ повидимому раскаялся и старался усердною угодливостью загладить свое преступленіе. «Человѣкъ очень хитрый», понималъ свое положеніе и прикинулся кающимся грѣшникомъ»; послѣ смерти второй жены Зубина сваливалъ

всѣ вины за сдѣланныя оскорбленія Софьѣ Михайловнѣ на покойницу и обвиняя себя только въ рабскомъ исполненіи ея приказаній».

«Вполнѣ овладѣлъ своимъ бариномъ» и «подчинилъ его своей власти». «Самовольно» всѣмъ распоряжался, «не боялся даже отмѣнять приказанія молодой барыни и «открытой борьбы съ ней». «Въ присутствіи слугъ, въ двухъ шагахъ отъ молодой барыни, стоявшей у растворенныхъ дверей въ другой сосѣдней комнатѣ, прямо глядя ей въ глаза, началъ громко говорить такія дерзкія слова объ ней и объ ея мужѣ, что Софья Николаевна была сначала изумлена, ошеломлена такою наглостью». Въ присутствіи старика Зубина Калмыкъ, «кукся глаза и крестясь на образъ, съ клятвою началъ увѣрять, что все это клевета, что онъ никогда ничего подобнаго не говаривалъ, и что грѣхъ Софьѣ Николаевнѣ губить невиннаго человѣка!»... «Цѣли своей достигъ, и хвастался въ своемъ кругу, что выгналъ капризную молодую госпожу, раскрашивая ее при сей вѣрной оказіи самыми яркими красками».

Николай («Дѣтскіе годы»). — Дворецкій Куролесовой; утверждалъ, «что дворня у него отъ рукъ отбилась».

Няня («Дѣтскіе годы»).—«Старуха»; сильно «привязана къ семьѣ Багровыхъ. «Когда ее сослали въ людскую и ей не позволено было даже входить въ домъ, она прокрадывалась къ дѣтямъ ночью, цѣловала ихъ сонныхъ и плакала». «По закоренѣлому упрямству и невѣжеству не понимала требованій Софьи Николаевны и потихоньку дѣлала ей все наперекоръ». Несмотря на запрещеніе С. Н. «разговаривать съ дѣтьми, Н. успѣвала сообщить» имъ «кое-какія извѣстія о букѣ, о домовыхъ и мертвецахъ». По увѣренію няни, «въ отцовскомъ рабочемъ кабинетѣ видятъ иногда покойнаго дѣдушку, Зубина сидящаго за столомъ и разбирающаго бумаги». За ослушаніе «черезъ годъ няню совсѣмъ отправили въ деревню».

О.

Онуфріевъ, Алексѣй («Семейная хроника»). — Дворовый Куролесова. Отъ жестокихъ истязаній «барина» «захилѣлъ» и вскорѣ умеръ.

Онуфріевъ, Иванъ («Семейная хроника»). — Лакей Куролесова. Послѣ истязанія кошками «былъ очень слабъ» и едва не умеръ.

П.

Панаевъ, Александръ («Воспоминанія»).—Студентъ, «восемнадцати лѣтъ», «прекрасной наружности», «произноситъ на о»; искусенъ и ловокъ на всякія механическія занятія»; «занимается литературой»: «стряпаетъ драму», «издаетъ письменные журналы», съ «идиллическимъ направленіемъ и слѣпымъ подражаніемъ Карамзину»; какъ «каллиграфъ и рисовальщикъ переписываетъ и иллюстрируетъ самъ». Неудачно участвуетъ въ студенческихъ спектакляхъ: «играетъ съ какимъ-то плаксивымъ, холоднымъ тономъ». Узнавъ, что товарищъ впервые полюбилъ, «обрадованный, бросается къ нему на шею и поздравляетъ съ началомъ жизни». Во время войны съ Наполеономъ «бросилъ университетъ и поступилъ въ дѣйствующую армію».

Панаевъ, Иванъ («Воспоминанія»).—Студентъ, одинъ изъ «основателей литературнаго студенческаго общества», «лирическій стихотворецъ». Во время войны съ Наполеономъ бросаетъ университетъ и «поступаетъ въ дѣйствующую армію».

Панаевы («Воспоминанія» и «Собраніе бабочекъ»).*

Пантелей Григорьевичъ («Дѣтскіе годы»).—«Замѣчательный представитель старинныхъ слугъ. Женатъ на мѣщанкѣ съ хорошимъ приданнымъ. Слѣпой

старикъ, «высокій ростомъ, благообразный лицомъ, съ длинными русыми волосами, въ которыхъ трудно было разглядѣть сѣдину, въ длинномъ сюртукѣ горохового цвѣта съ огромными мѣдными пуговицами, въ синихъ пестрыхъ чулкахъ съ красными стрѣлками и башмакахъ съ большими серебряными пряжками»; опирался на камышевую «трость» съ вызолоченнымъ набалдашникомъ. «Параличъ поразилъ глазные нервы отъ усиленнаго чтенія рукописныхъ бумагъ, письма и безсонницы», «по слухъ» у П. Г. «былъ такъ чутокъ, что онъ узнавалъ походку всякаго, кто приходилъ къ нему въ горницу». Сиротой въ дѣтствѣ П. Г. былъ взятъ Куролесовымъ для обученія грамотѣ, а затѣмъ отправленъ имъ же «въ Москву для полнаго образованія». «Въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ» П. Г. «кончилъ съ полнымъ торжествомъ какое-то «судоговоренье» противъ извѣстнаго «доки по тяжебнымъ дѣламъ», «сбивъ съ поля своего стараго и опытнаго противника». Знаменитый ходокъ по тяжебнымъ дѣламъ, «знатокъ въ законахъ»; геніаленъ въ своемъ дѣлѣ». «Собственная рѣчь П. Г. была совершенно книжная и онъ выражался самыми отборными словами, говоря о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Въ юридическихъ спорахъ всегда оставался побѣдителемъ, самымъ почтительнымъ и скромнымъ». Занимался чужими тяжебными дѣлами, съ которыми пріѣзжали къ нему повѣренные; дѣла ему читались вслухъ и, ознакомившись съ ними, П. Г. диктовалъ просьбы въ сенатъ, за что получалъ «не малую плату». «Диктовалъ очень скоро и горячо, при чемъ дѣлалъ движенія головой и руками». П. Г. «ни за что» не соглашался сѣсть «при господахъ» и никто «никогда не могъ отъ него отбиться, чтобы онъ не поцѣловалъ господской «руки». Во время занятій П. Г. всегда стоялъ передъ «Багровымъ-отцомъ», «слушая бумаги и разсуждая о дѣлахъ».

На довѣрчивость отца Багрова-внука къ обѣщаніямъ судьи (по наслѣдственному дѣлу) П. Г. усмѣхался и, положа обѣ руки на свою высокую трость, говорилъ, что вѣрить судьѣ не слѣдуетъ, что онъ будетъ мирволить тутошнему помѣщику и что безъ правительствующаго сената не обойдется; что когда придетъ время, онъ сочинитъ просьбу и тогда понадобится ѣхать кому-нибудь въ Москву»: «—Но будьте благонадежны, государь мой Алексѣй Степанычъ, сказалъ въ заключеніи П. Г., дѣло наше законное, проиграть его нельзя, а могутъ только затянуть».

Параша («Семейная хроника»).—Горничная Софьи Николаевны, «черномазая и бойкая». Едва успѣла пріѣхать въ Багрово, какъ «знала уже на перечетъ всю дворню, всѣхъ старухъ и стариковъ въ крестьянахъ, которыхъ особенно слѣдовало подарить». Ласковая; во все время болѣзни Софьи Николаевны «хлопотала возлѣ ея постели», но въ ночь смерти Степана Михайловича П. «преспокойно спала въ корридорѣ и лишь общіе вопли разбудили ее». «Когда придется умирать, такъ тутъ больно не бываетъ, тутъ ужъ человѣкъ ничего не слышитъ и не чувствуютъ», объясняетъ П. Багрову-внуку. «Да вы тутъ сидите, а васъ грабятъ», жалуется Багрову-внуку. «Вотъ сколько батюшка роздалъ крестьянъ, дворовыхъ людей и всякаго добра вашимъ тетушкамъ то, а все понапрасну; онѣ всклепали на покойника». И когда С. Н. «разсердилась и накричала за это, П. «плакала», просила прощенія, валялась въ ногахъ» у Софьи Н., «крестилась и божилась, что никогда впередъ этого не будетъ».

Парашенька («Семейная хроника»).—Первая дочь Софьи Николаевны и Алексѣя Степановича Багровыхъ. На четвертомъ мѣсяцѣ не вынесла самаго легкаго дѣтскаго припадка, младенской или родимца». «Личико ея искривилось» и, когда мать «торопливо взяла на руки свою дочь», «она была уже мертвая».

Пекарская («Дѣтскіе годы»).—Сестра Воецкой.

Пекенъ («Воспоминанія»). — Директоръ гимназіи. «Человѣкъ слабый», «ласковый», «добродушный», «чувствительный», въ особенности къ слезамъ и горю; находился подъ сильнымъ вліяніемъ инспектора, но, давъ слово, его держалъ.

Пелагея («Воспоминанія»).—Ключница. «Здоровая, свѣжая, дородная», «проворная баба», «на все мастерица»; «въ своемъ родѣ замѣчательная женщина: очень въ молодыхъ годахъ бѣжала отъ господъ своихъ въ Астрахань, тамъ «вышла замужъ, овдовѣла, жила въ наймахъ по купеческимъ домамъ», «соскучилась» по родинѣ и провѣдавъ, «что досталась другимъ господамъ», строгимъ, но справедливымъ и добрымъ, «явилась изъ бѣговъ». «Великая мастерица сказывать сказки [1]), при этомъ говоритъ «немного на распѣвъ»: «Въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ»... Имѣла привычку вздыхать, «всякій разъ приговаривая: «Господи, помилуй насъ грѣшныхъ».——Вставала съ восходомъ солнца и принималась «мыть, полоскать, чистить горшки и посуду».

Перевощиковъ, Димитрій («Воспоминанія»).—Студентъ, членъ студенческаго театральнаго и литературнаго обществъ. «Лицо блѣдное, немоложавое, голосъ нѣсколько сиплый»; «очень хорошъ въ роли старухи».

Петина («Дѣтскіе годы»).—Уп. л.; гостья Багровыхъ.

Петинъ («Дѣтскіе годы»).—Уп. л.; гость Багровыхъ.

Петруша Болдухинъ («Наташа»).—«Старшій изъ сыновей Болдухиныхъ, фаворитъ и баловень Варвары Михайловны». (Вслѣдствіе болѣзни П. Болдухины вернулись обратно домой съ дороги въ Москву).

Петрушка («Семейная хроника»).—Дворовый Куролесова, обвѣнчанный съ чужою женой (см. *Женщина и Куролесовъ*).

Петръ Семеновичъ Балясниковъ («Воспомина'нія», «Собираніе бабочекъ»). «Былъ отличный студентъ по математикѣ; пылкій, неустрашимый предпріимчивый и въ то же самое время человѣкъ съ желѣзной волей—онъ бы надѣлалъ много славнаго, если бы смерть не пресѣкла рановременно его жизни». «По своему характеру и дарованіемъ» «имѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей» и (во время войны съ Наполеономъ), «воспламенилъ всѣхъ воинскимъ жаромъ». Онъ увлекъ даже и тѣхъ, которые, повидимому не могли имѣть никакого расположенія къ военной службѣ». «При переправѣ Наполеона черезъ Березину, Балясниковъ былъ уже полковникомъ и командовалъ баттареей конной артиллеріи.—«Простудился и умеръ горячкой» (см. стр. 18).

Петръ Андреевичъ Глазовъ («Наташа»).—«Оренбургскій помѣщикъ и желѣзный заводчикъ, открывшій «цѣлебные источники» «Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ»; «чудесно излѣченный ими отъ долговременной болѣзни, сталъ посѣщать ежегодно цѣлебные источники и сдѣлался ревностнымъ распространителемъ ихъ славы, приглашая туда словесно всѣхъ знакомыхъ и, черезъ письма, даже незнакомыхъ ему людей, доказывая имъ пользу лѣченья собственнымъ примѣромъ». «Сдѣлался какимъ-то хозяиномъ, полицейскимъ чиновникомъ и докторомъ при Сѣрныхъ водахъ: всякій новопріѣзжій являлся къ П. А», а тотъ въ свою очередь «отводилъ мѣста, назначалъ употребленіе цѣлебной воды, даже указывалъ, гдѣ брать дрова и откуда получать съѣстные припасы; всѣ съ уваженіемъ и благодарностью въ точности исполняли его благодѣтельные совѣты».

Плавильщиковъ («Воспоминанія»).

Плещеева, Варвара Сергѣевна («Дѣтскіе годы»).—Жена Миницкаго. Молода, хороша собой; горячо привязана къ мужу.

Прасковья Ивановна Багрова-Куролесова («Семейная хроника»—«Воспоминанія»).—Двоюродная сестра Степана Михайловича, горячо любимая имъ; «богатая сирота», «замѣчательная женщина; въ юности Пр. Ив. была не красавица, но имѣла правильныя черты лица, прекрасные, умные, сѣрые глаза, довольно широкія, длинныя, темныя брови, показывающія твердый и мужественный нравъ, стройный высокій ростъ, и въ четырнадцать лѣтъ казалась осьмнад-

---

[1]) Одна изъ сказокъ ключницы Пелагеи; записана Аксаковымъ. См. Перечень. *Аленькой Цвѣточекъ.* *Ред.*

пятилѣтнею дѣвицей; но, несмотря на тѣлесную свою зрѣлость, она была еще совершенный ребенокъ и сердцемъ и умомъ: скакала и пѣла съ утра до вечера. Голосъ имѣла чудесный, страстно любила пѣсни, качели, хороводы и всякія игрища, и когда ничего этого не было, то цѣлый день играла въ куклы, непремѣнно сопровождая свои игры всякаго рода русскими пѣснями, которыхъ и тогда знала безчисленное множество». Съ первой встрѣчи съ Куролесовымъ была обворожена его «угодливостью», его рѣчами. Онъ скоро привязалъ къ себѣ Пар. Ив. «Когда бабушка объявила ей, что онъ хочетъ на ней жениться, то она очень обрадовалась и, какъ совершенное дитя, начала бѣгать и прыгать по всему дому, объявляя каждому встрѣчному, что «она идетъ замужъ за Михайлу Максимовича, что какъ будетъ ей весело, что сколько получитъ она подарковъ, что она будетъ съ утра до вечера кататься съ нимъ на его чудесныхъ рысакахъ, качаться на самыхъ высокихъ качеляхъ, пѣть пѣсни или играть въ куклы, не маленькія, а большія, которыя сами умѣютъ ходить и кланяться»... На помолвкѣ «утомилась было длинной церемоніей, множествомъ поздравленій и сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, но, когда позволили ей посадить возлѣ себя свою новую московскую куклу, то сдѣлалась очень весела, объявила всѣмъ гостямъ, что это ея дочка, и заставляла куклу кланяться и вмѣстѣ съ ней благодарить за поздравленія».

Черезъ годъ, послѣ замужества, «пропало неразумное дитя и явилась, хотя веселая, но разумная женщина», «умная сестрица», по словамъ Степана Мих. «Вѣрила безусловно своему мужу и любила его» и «постановила неизмѣннымъ правиломъ не допускать никакихъ разсужденій о своемъ мужѣ». Когда замѣчала, что, «несмотря на хитросплетаемыя рѣчи, хотятъ ввернуть какое нибудь словно, невыгодное для Михайлы Максимовича, она сдвигала свои темныя брови и объявляла рѣшительнымъ голосомъ, что тотъ, кто скажетъ непріятное для ея мужа, никогда ужъ въ ея домѣ не будетъ». О похожденіяхъ мужа, впродолженіи четырнадцати лѣтъ, «не только не знала, даже и не подозрѣвала ничего подобнаго» и продолжала жить беззаботно и весело». «Занималась съ увлеченіемъ своимъ плодовитымъ садомъ и родниками, которыхъ не позволяла обдѣлывать и очень любила сама расчищать, а все остальное время проводила съ гостями и сдѣлалась большой охотницей играть въ карты». Письмомъ «одной старушки», описавшей ей жизнь Михайло Максимовича, была «поражена какъ громомъ» и, хотя «не вѣрила письму вполнѣ», въ первыя минуты «совсѣмъ было сошла съ ума, но необычайная твердость духа и теплая вѣра подкрѣпили ее; «не составляя никакихъ плановъ, «рѣшилась на такой поступокъ на какой, едва ли бы отважился самый смѣлый мужчина». Въ сопровожденіи одной горничной, «съ кучеромъ и лакеемъ» отправилась за четыреста верстъ, чтобы «взглянуть своими глазами и удостовѣриться, что дѣлаетъ и какъ живетъ «Михайло Максимовичъ». Увидя сама, какъ пировалъ ея мужъ, «едва не упала въ обморокъ отъ такого зрѣлища»; «все поняла», и рѣшила положить конецъ злодѣйскимъ, преступнымъ дѣйствіямъ Михайлы Максимовича. Тутъ Прасковья Ивановна «проявила» твердый и мужественный нравъ, которому раньше «не было еще опытовъ проявиться». При объясненіи съ мужемъ «не смутилась» и, пылая внутренно справедливымъ гнѣвомъ, холодно и твердо объявила ему, что она все знаетъ» и «безпощадно и рѣзко высказала свое отвращеніе отъ изверга, который уже не можетъ быть ея мужемъ». На угрозы Михайлы Максимовича, запертая въ подвалъ, «страдая отъ побоевъ, изнуряемая голодомъ и получившая даже лихорадку, не хотѣла и слышать ни о какой сдѣлкѣ».

Освобожденная Степаномъ Михайловичемъ, «съ полной откровенностью разсказала ему всю правду», но съ твердостью объявила, что рѣшилась не позорить своего мужа, не безчестить имени, которое сама должна носить во всю свою жизнь, но считаетъ «за долгъ избавить отъ его (Куролесова) жестокости крѣпостныхъ людей своихъ, и уничтожитъ довѣренность на управленіе ея имѣніемъ».

Испытавъ «всѣ ужасы, какіе мы знаемъ изъ старыхъ романовъ и французскихъ мелодрамъ», старалась забыть о мужѣ и никогда о немъ «не упоминала»; даже «выстроила новую каменную большую церковь, п. ч. прежняя напоминала своего строителя, покойнаго ея мужа».—«Замужъ я никогда не пойду», сказала Пр. Ив., уѣзжая изъ Багрова, Степану Михайловичу, и сдержала свое слово, такъ какъ «никто лучше самой Пр. Ив. не узналъ на опытѣ, каково выйти замужъ за человѣка, который женился на богатствѣ».—«Лучше вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ, чѣмъ навязать себѣ на шею мужа, который изъ денегъ женился бы на ней, на рябой кукушкѣ, да послѣ вымещалъ бы ей за это», говорила Пр. Ив. о своей племянницѣ.

Получивъ извѣстіе о внезапной смерти мужа, «пришла въ совершенное отчаяніе, заболѣла, затосковала и «нѣсколько недѣль не осушала она глазъ съ утра, до вечера», но на похоронахъ «не выронила ни одной слезинки». Когда, спустя много десятковъ лѣтъ, Софья Николаевна спросила Прасковью Ивановну «въ минуту сердечнаго изліянія и сердечныхъ разговоровъ» о прошедшемъ:—«Скажите, тетушка, какъ же такъ убиваться по Михайлѣ Михайловичѣ? Я на вашемъ мѣстѣ сказала бы: царство ему небесное—и порадовалась бы».—«Ты дура, отвѣчала Прасковья Ивановна, я любила его четырнадцать лѣтъ и не могла разлюбить въ одинъ мѣсяцъ, хотя узнала какого страшнаго человѣка я любила, а главное, я сокрушалась объ его душѣ: онъ такъ и умеръ и не успѣлъ покаяться». Съ удивительнымъ терпѣніемъ, спокойствіемъ и даже веселостью, переносила тяжкую болѣзнь, а смерть встрѣтила съ такою твердостью духа, къ какой немногіе бываютъ способны»: расплачивается съ докторомъ, «собираетъ всѣхъ; объявляетъ, что она умираетъ, что больше лѣчиться не хочетъ, чтобы ее оставили въ покоѣ, чтобы въ ея комнатѣ не было ни одного человѣка, кромѣ того, который будетъ ей читать Евангеліе», и «ни съ кѣмъ не сказала» «ни одного слова, о дѣлахъ міра сего». «По ея приказанію» всѣ простились съ нею молча и она всякому говорила, даже своему дворнику, только три слова»: «прости меня грѣшную».

«Безъ образованія и просвѣщенія», «она не могла быть выше своего вѣка», но «была изумительнымъ явленіемъ» въ то время « и въ той средѣ, въ которой она жила». «Была чужда многихъ пороковъ, слабостей и предразсудковъ, которые неодолимо владѣли тогдашнимъ людскимъ обществомъ» и пользовалась «вполнѣ заслуженнымъ, общимъ уваженіемъ». Была совершенно свободна и даже своевольна во всѣхъ движеніяхъ своего ума и сердца», «справедлива въ поступкахъ, правдива въ словахъ, строга» « къ себѣ самой»; она безпощадно обвиняла себя въ самыхъ тонкихъ иногда уклоненіяхъ отъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя понимала; того мало, она поправляла, по возможности, свои ошибки». «Доброты въ общественномъ смыслѣ этого слова, особенно чувствительности, мягкости—въ ней было мало, или лучше сказать, эти свойства были въ ней мало развиты, а вдобавокъ къ тому она не любила щеголять ими и скрывала ихъ». Деньги взаймы она давала очень неохотно и также не любила раздачу милостыни; но, узнавъ о какомъ нибудь несчастномъ случаѣ съ человѣкомъ, достойномъ уваженія, помогала щедро». У Степана Михайловича, «второго отца и благодѣтеля», просила позволенія «укрѣпить ему» все ея материнское имѣніе». При жизни, «сдѣлавшись тяжело больна», «немедленно укрѣпила своему наслѣднику, судебнымъ порядкомъ, все свое движимое и недвижимое имѣніе», но до самой своей смерти «не помогала ни одной копѣйкой и заставляла его съ семействомъ терпѣть нерѣдко нужду, даже взаймы не давала ни одного рубля». На слова Алексѣя Степановича, что «молотьба и поставка хлѣба идутъ очень плохо и ему нечѣмъ жить, отвѣчала, что все это враки», и не пособила ни одной копѣйкой». Когда передъ смертью Пр. Ив. доложили о бѣдныхъ должникахъ, она отвѣтила, что «деньги у нея не воровскія, не нажитыя скверными поведеніемъ и дарить ихъ не намѣрена».

Похоронивъ послѣдняго сына, «потеря котораго ей стоила дорого», стала «до ребятъ неохотница, особенно до грудныхъ».—Крику ихъ терпѣть не могу, да и

пахнетъ отъ нихъ противно». «Ко мнѣ прошу водить дѣтей тогда, когда позову», сказала она пріѣхавшимъ Багровымъ. «Дѣтямъ назначила» «пить чай, обѣдать и ужинать въ своихъ комнатахъ»: «маленькимъ съ большими нечего мѣшаться»; только для старшаго племянника сдѣлала исключеніе: « его можно и гостямъ показать ». Съ своими гостями обходилась слишкомъ безцеремонно, а иногда и грубовато»: всѣмъ говорила «ты» и безъ всякой пощады высказывала въ глаза то дурное, что слышала объ нихъ, или что сама въ нихъ замѣчала», но въ своемъ домѣ допускала и даже любила совершенную свободу». «—Дѣвочка какая-то замухрышка, а маленькій сынокъ какой-то чернушка», сказала она, поглядѣвъ внимательно на пріѣхавшихъ къ ней дѣтей Багровыхъ.

«Любила только тѣхъ, кого уважала». Привязалась къ Софьѣ Николаевнѣ; зная ея нелюбовь къ Багрову «не хотѣла ее огорчать» и потому задержала Алексѣя Степановича въ Чурасовѣ. Услышавъ, что Софьѣ Николаевнѣ «хотѣлось бы» «побывать въ Казани и помолиться тамошнимъ чудотворцамъ», «казалось, не замѣтила этихъ словъ», но потомъ неожиданно предложила «свою прекрасную повозку со стеклами» для путешествія.

Со своими приближенными «обращалась невнимательно и взыскательно». «Строга ко всѣмъ безъ разбора»; «еще годовалаго внука» «приказала было высѣчь за то, что онъ громко плачетъ». «Если попадался П. И. пьяный лакей или какой нибудь дворовой человѣкъ, она сейчасъ приказывала Михайлушкѣ отдать виноватаго въ солдаты, не годится—спустить въ крестьяне. Замѣчала ли нескромность поведенія въ женскомъ полѣ, она опять приказывала Михайлушкѣ: отослать такую-то въ дальнюю деревню ходить за скотиной и потомъ отдать замужъ за крестьянина», но для этого «надобно было самой барынѣ» «нечаянно паткнуться» «на виноватаго или виноватую». «Была увѣрена» «въ довольствѣ и богатствѣ своихъ крестьянъ, п.ч. «часто наводила стороною справки о нихъ въ сосѣднихъ деревняхъ, черезъ вѣрныхъ и преданныхъ людей». «Не исполняла своихъ обязанностей по отношенію къ 1200 душъ подвластныхъ ей людей», которыми распоряжался Михайлушка, хотя и желала одного, чтобы ея «крестьяне были богаты». «Жила больше для себя и берегла свой покой». Дорожа всего болѣе своимъ спокойствіемъ, она не занималась хозяйствомъ, говоря что ничего въ немъ не смыслитъ, но въ своемъ управителѣ Михайлушкѣ «не ошибалась»: «—Я знаю, говорила Пр. Ив., что Михайлушка тонкая штука: онъ себя не забываетъ, пользуется отъ зажиточныхъ крестьянъ и набиваетъ свой карманъ. Я это знаю, но знаю и то, что онъ человѣкъ умный и не злой». «—Я хочу одного, чтобы мои крестьяне были богаты, а ссоръ и жалобъ ихъ слышать не хочу. Я могла бы получать доходъ вдвое больше, но на мой вѣкъ станетъ, да и наслѣдникамъ останется». «Ничего не видѣла, ничего не знала и очень не любила, чтобъ ей говорили» о происходившихъ кругомъ нея», и все вокругъ нея «утопало въ безпутствѣ». Привыкла, чтобы каждое ея желаніе сейчасъ исполнялось»; послѣ смерти Степана Михайловича «настоятельно потребовала, чтобы Алексѣй Степанычъ «показалъ ей всю свою семью»; позднѣе «его вытребовала въ Чурасово «въ дѣловую пору; изъ Симбирска, куда онъ поѣхалъ по тяжебному дѣлу, приказала «сейчасъ пріѣхать обратно». На просьбы Алексѣя Степаныча отпустить его домой, п. ч. «матушка слаба», отвѣчала:—Все пустое, матушка твоя не совсѣмъ слаба; и ей съ дочками не скучно»... «Я отпущу васъ къ вашему празднику, къ Знаменью». Свое требованіе считала закономъ.

«Была большая странница»; любила веселую беззаботность своей жизни: по природѣ живая и веселая», была всегда разговорчива, даже очень смѣшлива: лгуновъ заставляла лгать, вѣстовщиковъ разсказывать вѣсти, сплетниковъ сплетни». Забавлялась отвѣтами внука, (которому запретила называть себя бабушкой), на разные «трудные», а иногда нелѣпые и неприличные вопросы». «Скучныхъ лицъ» не терпѣла. «Я собой никому не скучаю, прошу и мнѣ не скучать».

«Русскую грамматику» «знала плохо», «едва умѣла подписать свою фамилію», но «любила читать свѣтскія книги» и «составила порядочную библіотеку».

«Иногда отъ скуки, преимущественно по зимамъ, уставъ играть въ карты, пѣть пѣсни и тогдашніе романсы, уставъ слушать сплетни и пересуды, она заставляла себѣ читать вслухъ современные романы и повѣсти, но всегда была недовольна чтецами». «Узнавъ какъ-то нечаянно» о «театральномъ искусствѣ» своего племянника, «заставила» его «читать, представлять и пѣть»; «осталась очень довольною» и «добродушно, звонко смѣялась», «глядя какъ молоденькій мальчикъ представляетъ старика». «Она никогда не видала театра и, по своей живой, веселой и понимающей природѣ», «почувствовала неизвѣстное ей до тѣхъ поръ удовольствіе». «Первое ея удовольствіемъ лѣтомъ» былъ — садъ. «Она любила все растущее на волѣ», «все искусственное ей не нравилось». «—Я полюбила тебя какъ родную, ко себя принуждать и для тебя не стану», сказала Пр. Ив. Софьѣ Николаевнѣ.

«Была набожна, безъ малѣйшей примѣси ханжества и совершенно свободно относилась къ многимъ церковнымъ обрядамъ и къ соблюденію постовъ». «Говѣла», какъ ей вздумается, раза по два и по три въ годъ, не затрудняясь употребленіемъ скоромной пищи, если была нездорова»; «во время говѣнья, по вечерамъ для отдыха», играла въ пикетъ. Она говаривала въ такихъ случаяхъ, что гораздо меньше грѣха думать о томъ, какъ бы сдѣлать пикъ (шестьдесятъ) или репикъ (девяносто), чѣмъ слушать пустые разговоры и сплетни, насчетъ ближняго, или думать о пустякахъ. «Любила великолѣпіе и пышность въ храмѣ». «Знала наизусть весь церковный кругъ, сама пѣла съ своими пѣвчими, стоя у клироса»; «иногда подолгу не ходила въ церковь, или же, помолясь усердно, вдругъ уходила въ началѣ или серединѣ обѣдни, сказавъ, что больше не хочется молиться; «терпѣть не могла монаховъ и монахинь», и никогда черный клобукъ, или черная камилавка не смѣли показываться ей на глаза». «Священника и причтъ» держала «очень богато», но никого изъ нихъ къ себѣ въ домъ» не пускала, кромѣ попа съ крестомъ, и то въ самые большіе праздники».

Критика: П. И., по характеристикѣ Добролюбова, «женщина, много испытавшая на своемъ вѣку, имѣвшая доброе сердце и свѣтлый взглядъ на вещи. Она хотѣла, между прочимъ, чтобы мужики ея были богаты, но, при всемъ томъ, и она избаловалась отъ постояпной раболѣпной покорности всѣхъ окружающихъ. Вся цѣль жизни опредѣлялась для нея тѣмъ, чтобы ничѣмъ не озабочивать себя и не имѣть никакихъ преградъ для своихъ желаній. Поэтому она поручила все управленіе крестьянами Михайлушкѣ, хотя и знала, что онъ плутъ. Главное для нея было то, чтобъ ее ничѣмъ не безпокоили; съ Михайлушкой она этого достигла, и съ нея было довольно. Многочисленная дворня ея была безобразно избалована и безнравственна; она не хотѣла ничего замѣчать. Если же какъ-нибудь случайно наткнется она на пьянаго лакея и какого-нибудь дворового, то сейчасъ прикажетъ Михайлушкѣ отдать виноватаго въ солдаты, не годится — спустить въ крестьяне. Замѣтитъ нескромность поведенія въ женскомъ полѣ—опять прикажетъ отослать такую-то въ дальнюю деревню ходить за скотиной и потомъ отдать за крестьянина». «Но,—замѣчаетъ г. Аксаковъ въ своихъ Запискахъ,—для того, что-бы могли случиться такія строгія и возмутительныя наказанія, надобно было самой барынѣ нечаянно наткнуться, такъ сказать, на виноватаго или виновную. А какъ это бывало очень рѣдко, то все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не знала и очень не любила, чтобъ говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ». Привычка ничѣмъ не стѣснять себя, ничего не дѣлать для общества, а, напротивъ, требовать, чтобы другіе все дѣлали для нея, постоянно выражается во всѣхъ поступкахъ Пр. Ив.; гостями своими она забавляется, какъ ей вздумается, или ругаетъ въ глаза, если захочетъ; отъ родныхъ своихъ она требуетъ повиновенія и никогда не встрѣчаетъ противорѣчія, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Такъ, Алексѣя Степаныча Багрова, гостившаго у ней, она не хотѣла отпустить къ умиравшей матери, сказавши, что «вздоръ! она еще не такъ слаба»; и Алексѣй Степанычъ не смѣлъ ея ослушаться, пробылъ у ней лишнее время и не засталъ въ живыхъ матери. Такъ, она не захотѣла, чтобы дѣти обѣдали съ большими, и

Софья Николаевна, никогда не обѣдавшая врозь со своимъ милымъ Сережей, не смѣла даже заикнуться о томъ, чтобы посадить дѣтей за общій столъ. Неограниченный произволъ съ одной стороны и полное безгласіе съ другой—развивались въ ужасающихъ размѣрахъ, среди этой пышной жизни на трудовые крестьянскіе гроши. Даже въ тѣхъ поступкахъ, которые происходили просто отъ радушія, веселости, отъ доброты сердца, наконецъ, и въ нихъ этотъ грубый произволъ, это незнаніе мѣры своеволію въ обхожденіи съ людьми, которыхъ и за людей не считали, выглядываетъ подобно безобразному пятну на хорошей картинѣ. (*Добролюбовъ*. Сочиненія т. I).

Прачка («Наташа»).—«Молодая, смазливая прачка, сосланная «изъ горничныхъ въ лодскую стирать бѣлье». «Глупая баба», по словамъ буфетчика, которой не «разумѣть», «почему именно господа поѣхали въ Москву».

Прытковъ («Воспоминанія»).—Актеръ; «поетъ съ гитарой, то-есть разѣвая ротъ, а за кулисами вмѣсто него поетъ актриса».

Пчелякъ («Воспоминанія»).—Старикъ. «Живетъ и лѣто и зиму на пчельникѣ», вмѣстѣ съ «котомъ Тимошкой и кошкой Машкой, названными такъ въ честь» господъ Пчеляка (Багровыхъ).

Р.

Рейслейнъ («Дѣтскіе годы»).—Уп. л. «Докторъ»; «старинный пріятель покойнаго отца» Софьи Николаевны Багровой.

Риттеръ, Андрей Ивановичъ («Воспоминанія»). — Лѣкарь. «Имѣлъ большую практику въ купеческихъ домахъ». «Рослый, румяный, красивый и веселый дѣтина», «большой гуляка»; нерѣдко возвращался домой поздно и въ нетрезвомъ видѣ»; «сидѣлъ дома только по утрамъ».

Рожнова, Пелагея Ардаліоновна («Дѣтскіе годы»). — Претолстая, и не очень старая женщина». Хотѣла женить своего сына, котораго называла Митенькой и пріѣзжала для этого «смотрѣть невѣсту». За столомъ кушала исправно, но успѣвала говорить и хвалить своего сынка». Утверждала, что сынъ ея «будетъ совсѣмъ здоровъ, когда женится и что если Богъ дастъ ему «судьбу, что не безчастна будетъ его половина». «Но видя, что послѣ обѣда сынъ, того и гляди, повалится и захрапитъ», «велѣла заложить лошадей и, разсыпаясь въ разныхъ извиненіяхъ, намекахъ и любезностяхъ, увезла своего слабаго здоровьемъ Митеньку».

Рожновъ («Дѣтскіе годы»).—«Мать зоветъ его Митенькой». «Уродъ по своей толщинѣ». «Ѣстъ» такъ, по словамъ матери, «что страшно» «смотрѣть». М. слабъ здоровьемъ и послѣ обѣда, того и гляди, повалится и захрапитъ». «Смирный и добрый», даже «и мухи не обидитъ». «Прекрасный хозяинъ», «все разумѣетъ»; «самъ ѣздитъ въ поле» и за всѣмъ смотритъ». Утѣха его—борзыя собаки.

Рузанъ, Николка («Семейная хроника») Слуга Степана Михайловича. «Здоровенный дворовый парень». Во время обѣда Степана Михайловича стоялъ за его стуломъ «съ цѣлымъ сучкомъ березы» и обмахивалъ барина отъ мухъ».

Рушка («Воспоминанія»).—Гимназистъ. «Злой мальчикъ».

Рычкова, Александра Петровна («Семейная хроника»).—См. *Александра Петровна Рычкова*.

Рычковъ («Семейная хроника»).

С.

Сальме (Семейная хроника»).—См. *Тевкелеева.*

Священникъ («Дѣтскіе годы»).—Одобрительно отзывается о сельскомъ старостѣ Миронычѣ, но прибавляетъ: «жаль только, что у М. много родни на селѣ и онъ для нея ласковъ».

Священникъ («Воспоминанія»).—Преподаватель Закона Божія въ гимназіи, «не снисходительный и строгій»; когда «задавалъ новый урокъ, много и долго толковалъ»; «постоянно сохраняетъ нерасположеніе» къ тѣмъ, кто «уроки знаетъ твердо, но неохотникъ до Катехизиса и Священной Исторіи».

Сергѣевна («Воспоминанія»).—Жена Пантелея Григорьевича.

Сергѣй Алексѣевичъ Багровъ («Дѣтскіе годы», «Воспоминанія» и «Собираніе бабочекъ»).—Сынъ Алексѣя Степановича, внукъ Степана Михайловича Багровыхъ. Ребенкомъ былъ «очень боленъ» и «каждую минуту опасались» за его жизнь. Часто лежалъ въ забытьи, и въ какомъ-то среднемъ состояніи между сномъ и обморокомъ; пульсъ переставалъ биться, дыханіе было такъ слабо, что прикладывали зеркало къ губамъ». «Болѣзненный мучительный голодъ» смѣнялся иногда совершеннымъ отвращеніемъ отъ пищи», такъ какъ «пищеварительные органы были доведены «до совершеннаго ослабленія». «Доктора и всѣ окружающіе осудили» его «на смерть». «Чувство жалости ко всему страдающему» развилось у мальчика до болѣзненнаго излишества: «онъ не могъ видѣть, или слышать» слезъ и крика «и сейчасъ «самъ начиналъ плакать».

Тяжкая и продолжительная болѣзнь «заставила ребенка уйти въ глубину внутренняго своего міра», «ослабила, утончила, довела до крайней воспріимчивости нервы. «Предчувствіе бѣды» иногда не давало ему спать и нагоняло страхи и опасенія». Воображеніе было развито не по лѣтамъ, и то «вдругъ представляло такія страшныя картины», что ребенокъ бросалъ все, чѣмъ тогда занимался: книжки, камешки, оставлялъ даже гулянье по саду и прибѣгалъ къ матери какъ безумный въ тоскѣ и страхѣ». Или, сидя за книжкой надъ какимъ-нибудь веселымъ разсказомъ», вдругъ «заливался слезами». Отъ воображаемыхъ «напастей» онъ всю жизнь «страдалъ» болѣе, чѣмъ отъ дѣйствительныхъ несчастій, хотя онѣ и «почти никогда не сбывались». Послѣ встрѣчи съ сумасшедшимъ Иваномъ Борисовичемъ, его «всего болѣе смущала возможность сойти съ ума», и «нѣсколько дней слѣдилъ за своими мыслями и надоѣдалъ матери разспросами и сомнѣніями, нѣтъ ли у него чего-нибудь, похожаго на сумасшествіе?»

Былъ «робокъ и даже трусоватъ»: боялся «чужихъ» и «ночной темноты и даже днемъ боялся темныхъ комнатъ», «боялся всего новаго, неожиданнаго», (путешествія въ Багрово, военной службы, солдатства, уженья съ лодки, мертвецовъ и проч.). «Пораженный и испуганный» мыслью о томъ, что дѣдушка умеръ, «взлѣзъ за тетушкину кровать и забился въ уголъ за подушки». Страхъ порождалъ въ «дѣтскомъ сердцѣ» «ужасныя муки». Неизбѣжное прощаніе съ покойникомъ-дѣдушкой наводило на его душу «неописанный ужасъ».

Послѣ неудачной поѣздки по двору на смирной лошади, когда «страхъ прерозмогъ самомнѣнье», «самъ съ горестью убѣдился въ своей трусости и эта мысль долго возмущала» «спокойствіе». «Голова его «была старше» его «лѣтъ» и общество «однолѣтнихъ дѣтей» «не удовлетворяло». «Не дружился со своими сверстниками, «тяготился ихъ присутствіемъ» и «росъ въ обществѣ сестрицы». Его считали «нелюдимымъ и дикимъ»; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ «общителенъ и откровененъ, но застѣнчивъ и «самолюбивъ». Насмѣшки и хохотъ взрослыхъ терзали «ребячье самолюбіе». «Развѣ они не видятъ, какъ мнѣ больно и стыдно?» думалъ онъ про себя, разсуждая объ отношеніяхъ къ нему взрослыхъ.

Рано (подъ вліяніемъ впушеній матери) сталъ считать себя большимъ и

«началъ свысока посматривать на окружающихъ». Слова матери: «ты уже не маленькій, ты все понимаешь; какъ ты объ томъ думаешь, другъ мой?» «питали его самолюбіе», и ему «особенно было непріятно, когда мать, разсуждая съ нимъ какъ съ большимъ, вдругъ перемѣняла складъ своей рѣчи и начинала говорить, примѣняясь къ дѣтскому возрасту. Самолюбіе всегда оскорблялось такою внезапною перемѣной, а главное—мыслью матери, что его можно легко обмануть». Оскорблялся когда замѣчалъ, что взрослые имъ «не занимаются, а потѣшаются», давалъ иногда «неприлично рѣзкіе отвѣты», которые «не соотвѣтствовали ни возрасту», ни его «природнымъ свойствамъ», обижался также, когда на вопросы его отвѣчали: «много будешь знать, скоро состаришься». «Объ этомъ поговоримъ послѣ».

Всякія «укоризны» оскорбляли его, и иногда онъ плакалъ потихоньку. Дѣдушка такъ и называлъ его «плаксой». Очень обижался, когда замѣчали, что онъ «маленькій и ничего не смыслитъ. Былъ вспыльчивъ отъ природы. «Добрый и тихій мальчикъ», раздраженный и уязвленный до глубины сердца Волковымъ, дошелъ до бѣшенства, которое превзошло всякія границы» и помрачило разсудокъ». «Въ горячности забывалъ все», и пылкое воображеніе вступало въ свои права». Больно чувствовалъ всякое «насиліе». Наказанный, «ожесточался «духомъ». Когда мать «хотѣла употребить власть (увести его въ гостиную, послѣ смерти дѣда), пришелъ въ изступленіе, котораго мать сама испугалась. На увѣщеванія Евсѣича отвѣчалъ, «что не виноватъ» и «если они (взрослые) сдѣлали это нарочно, то все равно, и что ихъ надобно за то наказать, разжаловать въ солдаты и послать на войну, и что они должны «просить» прощенія. Изъ народнаго училища вернулся «съ безмолвнымъ волненіемъ и слезами», а потомъ встревожилъ мать изступленнымъ гнѣвомъ на Матвѣя Васильевича», отъ котораго получилъ непреодолимое отвращеніе». Наказанный, «не чувствуя за собой вины, онъ представлялъ себя какимъ-то героемъ, мученикомъ», о которыхъ «читалъ и слыхалъ», страдающимъ за истину, за правду». Въ своихъ мечтахъ онъ видѣлъ себя «первымъ лицомъ, торжествующимъ, или погибающимъ героемъ». Пламенные порывы дѣтской фантазіи «выражались въ разсказахъ и выдуманныхъ приключеніяхъ, основаніемъ или образцомъ которыхъ были прочитанныяъ въ книжкахъ, или слышанныя происшествія». Книги произвели въ дѣтскомъ умѣ «совершенный переворотъ» и, познакомясь со многими явленіями природы», онъ получилъ «непреодолимое желаніе все это наблюдать своими глазами». Съ дѣтства, послѣ прочтенія въ Багровѣ театральной пьески, «глубоко запали въ умъ склонность къ театральнымъ сочиненіямъ и росла съ каждымъ годомъ»: еще ребенкомъ любилъ декламировать стихи. Рисованье картинокъ, которымъ занимался дядя, казалось ему «чѣмъ-то волшебнымъ и сверхестественнымъ и онъ оказалъ въ рисованіи «блистательные успѣхи для своего возраста». По своей «живости и неопредѣленному безотчетному желанію передавать другимъ свои впечатлѣнія съ точностью, ясностью и очевидностью, «сталъ передразнивать» другихъ и «исполнялъ свою задачу очень удачно», заставляя слушателей «смѣяться» и хвалить его «умѣнье передразнивать».

«Увлекаясь чѣмъ-либо горячо», онъ не могъ ни думать, ни говорить и вообще легко приходилъ весь въ движеніе и волненіе». Книгами увлекался такъ, что «позабывалъ все окружающее». Ученье «просто свело его съ ума» и воспоминанія о немъ приводили «въ восторгъ, въ самозабвенье». «Первый охотничій выстрѣлъ» произвелъ сильное впечатлѣніе и не страха, а какого-то пріятнаго волненія». «Въ ребячествѣ уже былъ въ душѣ охотникъ». При первой переправѣ черезъ рѣку былъ такъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что совершенно опьянѣлъ», такъ былъ «подавленъ «новостью предметовъ и величіемъ картины, красоту которой чувствовалъ, хотя объяснить, конечно, не умѣлъ». «Со вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на «новые предметы»; скоро понялъ ихъ назначеніе и «легко и твердо выучивалъ ихъ названія». Онъ хотѣлъ знать: что такое молнія, отчего она зажигаетъ, отчего гремитъ громъ? Часто «предметъ разговора превышалъ его возрастъ и дѣтскія понятія». Скучалъ, когда «мало времени проводилъ наединѣ съ ма-

терью», которую любилъ восторженно», и въ разлукѣ съ нею въ Казани, чуть не умеръ съ горя», но огорчался ея «холодностью и невнимательностью къ его «увлеченіямъ» (рыбной ловлей, охотой, деревенскими работами).

«Былъ очень правдивый мальчикъ и терпѣть не могъ лжи». Когда его «заставили написать, что онъ очень любитъ бабушку (Прасковью Ивановну) и желаетъ ее видѣть, понялъ, что пишетъ ложь и «откровенно спросилъ»:—«Для чего заставляютъ его «говорить неправду?» Приказаніе матери сказаться больнымъ», «изумило его и онъ долго смущался, что долженъ сказать неправду».

По природному свойству, дѣлился своими впечатлѣніями съ другими»; отъ матери не скрывалъ ничего слышаннаго, даже ни одной собственной мысли, и «не умѣлъ одѣвать свое горячее чувство въ болѣе сдержанныя и умѣренныя выраженія». Съ дѣтства былъ «пріученъ къ совершенной искренности и «ничего тихонько не дѣлалъ».

«Чувство жалости ко всему страдающему доходило» въ немъ «до болѣзненнаго излишества». То же «чувство жалости питалъ къ сестрицѣ, которую сначала любилъ больше всѣхъ игрушекъ, больше матери». «Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ на солнечномъ зноѣ (жнецамъ) обхватило его душу и всегда онъ вспоминалъ это первое впечатлѣніе». Видъ больного старика-калѣки привелъ его «въ жалость» и онъ началъ просить отца, «чтобы больного старичка положили въ постель и напоили чаемъ. Рано «понялъ, что дворня была выше нѣкоторыхъ своихъ господъ». Задаетъ вопросъ: «Отчего Евсеичъ и другіе кушаютъ не такой куличъ какъ мы?» Сравнивалъ себя «съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду»—и ему «стало совѣстно, стыдно»... При видѣ работающихъ въ полѣ крестьянъ «окончательно убѣдился, что «крестьяне и крестьянки, гораздо насъ искуснѣе и ловчѣе, потому что умѣютъ дѣлать то, чего мы не умѣемъ» и у него «загорѣлось сильное желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ». Еще ребенкомъ зналъ, что «есть люди добрые и недобрые», есть господа, которые приказываютъ и «есть слуги, которые должны повиноваться приказаніямъ», и онъ самъ, когда выростетъ» будетъ «принадлежать къ числу господъ и что тогда» его «будутъ слушаться, а до тѣхъ поръ онъ «долженъ всякаго просить объ исполненіи какого-либо его желанія».

Критика: 1) «По природѣ своей и по первоначальному воспитанію подъ вліяніемъ матери», «авторъ («Семейной Хроники») вовсе не принадлежалъ къ числу дѣтей, рано втягивающихся въ практическую жизнь и съ первыхъ дней жизни изощряющихъ всѣ свои способности для живого и пытливаго наблюденія ея явленій. Кругъ интересовъ маленькаго Сережи долгое время былъ ограниченъ только міромъ внутренняго чувства, и изъ внѣшняго міра онъ обращалъ вниманіе только на то, какое ощущеніе—пріятное или непріятное—производили на него предметы. Восхищеніе пріятными предметами и отвращеніе отъ непріятныхъ, доходящее часто до нервической болѣзни, выражается вездѣ у автора весьма ярко. Но пытливаго вопроса, наклонности къ работѣ мысли почти вовсе не замѣтно. Точно такъ, какъ и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ автора изъ періода гимназіи. Нѣсколько разъ, правда, уклоненія отъ логики, естественной каждому человѣку и еще не врожденной въ ребенкѣ, вызываютъ и его размышленіе и вопросъ.

Напримѣръ, когда мать Сережи упрашивала его отца смѣнить старосту Мироныча въ селѣ, принадлежащемъ ихъ тетушкѣ, за то, что онъ обременяетъ крестьянъ и, между прочимъ, одного больного старика, и когда отецъ говорилъ ей, что этого нельзя сдѣлать, потому что Мироныч родня Михайлушкѣ, а Михайлушка въ большой силѣ у тетушки, то Сережа никакъ не могъ сообразить этого и задавалъ себѣ вопросы: «за что страдаетъ больной старичокъ, что такое злой Мироныч, какая эта сила Михайлушка и бабушка? Почему отецъ не позволилъ матери сейчасъ же Мироныча? Стало, отецъ можетъ это сдѣлать? Зачѣмъ же онъ

не дѣлаетъ? Вѣдь онъ добрый, вѣдь онъ никогда не сердится?» Для разрѣшенія своихъ сомнѣній, мальчикъ прибѣгаетъ къ родителямъ; тѣ стараются объяснить дѣло, какъ умѣютъ. Но легко понять, что ихъ объясненія остаются крайне несостоятельными предъ чистой дѣтской логикою, и дѣло оканчивается тѣмъ, что ребенку велятъ читать книжку или заняться игрушками. Такъ почти каждый разъ останавливается пытливость мальчика, особенно со стороны матери, которая часто находитъ случай сказать ему: «Ты еще, другъ мой, малъ и ничего не понимаешь». Немудрено, если ребенокъ не умѣлъ и хотѣлъ бродить одинъ въ лабиринтѣ запутанныхъ отношеній, среди которыхъ, прошло его дѣтство, и которыя трудно было бы разобрать и опытному взгляду, свободному отъ всепримиряющей и все обезсмысливающей рутины. Немудрено, что живой, воспріимчивый мальчикъ обратился исключительно къ природѣ и своему внутреннему чувству и сталъ жить въ этомъ мірѣ, въ которомъ не встрѣчалъ столько противорѣчій, какъ въ окружающихъ его житейскихъ явленіяхъ». (*Добролюбовъ*. Соч. т. I).

2) «Изъ окошекъ барской усадьбы мальчикъ долженъ былъ любоваться зимними увеселеніями крестьянскихъ дѣтей и, немного подросши, потихоньку отъ матери бѣгалъ слушать народныя пѣсни. Еще строже былъ изолированъ мальчикъ отъ соприкосновенія съ дворней и отъ дурного вліянія дѣвичьей. Внукъ Степана Михайловича только разъ видѣлъ и смутно помнилъ пароксизмъ дѣдовскаго гнѣва; въ его собственной семьѣ правы были до такой степени непохожи на дѣдовскіе, что онъ былъ пораженъ и оскорбленъ до глубины души, когда случайно увидѣлъ, какъ бабушка бьетъ свою дворовую дѣвку или учитель сѣчетъ дѣтей въ народной школѣ. Эти и подобные случаи запечатлѣвались въ его памяти, какъ нѣчто рѣзко-исключительное. Только позже, и больше изъ разсказовъ, чѣмъ изъ собственныхъ наблюденій, познакомился онъ съ темной стороною помѣщичьей жизни: и этому слѣдуетъ въ немалой степени приписать его оптимизмъ по отношенію къ ней». (*П. Милюковъ*. Изъ ист. рус. инт.).

Сестрица («Дѣтскіе годы).—См. *Наташа*.

Софья Николаевна Багрова («Семейная хроника», «Дѣтскіе годы» и «Воспоминанія»). — Дочь товарища Намѣстника Зубина, жена Алексѣя Степановича Багрова. «Уфимская красавица». Путешественникъ графъ Мантейфель въ честь ея сложилъ стихи, въ которыхъ называлъ С. Н. «и Венерой, и Минервой». «Ученые и путешественники, посѣщавшіе чудный Уфимскій край», «непремѣнно знакомились и оставляли письменные знаки удивленія ея красотѣ и уму». Аничковъ и Новиковъ до того плѣнились ея краснорѣчивыми письмами», что «присылали ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ русской литературѣ, какія тогда появлялись». По тогдашнему образованная, чуть ли не ученая» (училась у учителей, которыхъ «сама нашла возможность пріискать для своихъ братьевъ»), «начитанная», «она понимала всѣ высшіе интересы»; также «очень хорошо понимала справедливость общественнаго мнѣнія и не могла не уважать его». «Мысль, что скажетъ уфимскій свѣтъ, особенно замѣчательныя дамы», язвила ея самолюбіе и гордость»; «она внутренно огорчалась мнѣніемъ этого общества, была слишкомъ чувствительна къ суду свѣта, слишкомъ подчинялась ему, какъ бы ни стояла сама выше того круга, въ которомъ жила».

«Чудо красоты и ума», «необыкновенная женщина». Одного живого и веселаго ума ея достаточно было, чтобы свести человѣка съ ума. Всѣ ею «плѣнялись». Все, что имѣло право влюбляться, было влюблено въ Софью Николаевну, но любовью самою почтительной, и безнадежной, потому что строгость ея нравовъ доходила до крайнихъ размѣровъ. Она была «бойка, жива», «остроумна, ловка, блистательна въ свѣтскомъ обществѣ, но, до сватовства Багрова-сына, не получила ни одного формальнаго предложенія». Она высоко себя держала передъ бойкими и заносчивыми людьми; со смиренными и скромными всегда была снисходительна. Съ семнадцати лѣтъ она превратилась вдругъ въ совершенную женщину, мать, хозяйку и даже офиціальную даму, потому что по болѣзни отца принимала всѣ

ѣласти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги», и скоро «сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи», словомъ, привыкла «сама обивать вокругъ себя росу», или къ самобытности». «Необыкновенно ясная голова Софьи Николаевны» «все понимала и все видѣла въ настоящемъ свѣтѣ», пока не омрачала ея «стратность натуры». Отецъ называлъ ее «чародѣйкой, которая силою волшебства, умѣетъ вызывать изъ души человѣческой прекрасныя ея качества, такъ глубоко скрытыя, что никто и не подозрѣвалъ ихъ существованія». Влюбленный въ нее мужъ говорилъ, что онъ счастливѣйшій человѣкъ во всей вселенной и что она такое божество, которому нѣтъ равнаго на свѣтѣ и которому должны всѣ поклоняться». Степанъ Михайловичъ, знавшій С. Н. по слухамъ, считалъ ее «не парой для сына» и «не съ руки для рода Багровыхъ», но «очень оцѣнилъ первое письмо написанное къ нему будущей невѣсткой». «Онъ самъ прочелъ его два раза и сказалъ: «—Ну, и умница и должна быть горячая душа!» И, вопреки всякимъ церемоніямъ, самъ написалъ отвѣтъ, именуя С. Н. «милая моя, дорогая и разумная будущая невѣстка». Она «приворотила старика» и, дѣйствительно, онъ въ ней «души не слышалъ». По словамъ Каратаева, «такой кралечки другой не отыщешь на свѣтѣ. Что взглянетъ, то рублемъ подаритъ», но «горда»; «пошутить нельзя; только вздумаешь подпустить турусы на колесахъ—такъ взглянетъ, что языкъ прикусишь». «—Ай, ай, Алеша, какую жену тебѣ Богъ давалъ! Ай, ай, хороша! говорили старухи (въ мордовской деревнѣ). Когда же молодая, переодѣвшись въ пышное городское платье, вышла садиться въ карету, то въ народѣ поднялся такой гулъ восторга и радостныхъ похвалъ, что даже лошади перепугались». Только сестры Алексѣя Степановича называли С. Н. «Зубихой» и «корили низкимъ происхожденіемъ (дѣдъ ея былъ простой Уральскій козакъ, а мать изъ купеческаго званія), считали «нищей», гордячкой, модницей и городской прощалыгой», а также «колдуньей», «привораживающей къ себѣ всѣхъ мужчинъ». Мачеха звала ее «отчаянной и мерзкой дѣвчонкой».

«С. Н. была удивительная женщина. Ея живая, воспріимчивая, легко волнуемая природа могла мгновенно увлекаться порывами ума или сердца и мгновенно превращаться изъ одного существа въ другое, совершенно не похожее на первое». «Это была какая-то аристократическая способность вдругъ переселиться въ другую сферу, въ другое положеніе, поддаваться безусловно своей мысли и желанію вполнѣ искреннему и потому всѣхъ увлекающему». Пылкія ощущенія, которыми была переполнена ея воспріимчивая душа, С. Н. переносила на окружающихъ».

Въ трудныхъ обстоятельствахъ С. Н. «просила свѣта, разума свыше», тогда она молилась «долго, восторженно и напряженно». Послѣ молитвы С. Н. чувствовала себя какъ-то добрѣе и спокойнѣе, слезы и молитвы возвращали ей «твердость». Вѣрила въ чудеса (и на себѣ испытала), но когда умиралъ сынъ, съ гнѣвомъ встрѣтила рѣчи «о покорности волѣ Божьей». Несмотря на «твердый характеръ», «спокойная твердость была чужда ея нраву», «надменному и неуступчивому». С. Н. имѣла нелѣпое свойство упадать духомъ и совершенно теряться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поражалась ея душа нравственными ударами», но восторженное присутствіе духа и «надежда» никогда ее не покидали». Имѣла нравъ нетерпѣливый и живой». Кровь у нея была «кипучая», нервы «тонкіе, блажные», голова «увлекающаяся», душа «чувствительная, воспріимчивая». «Вспыльчивая по природѣ». С. Н. легко раздражалась «отъ ничтожныхъ причинъ и тогда могла наговорить «много лишнихъ, горячихъ, оскорбительныхъ словъ; но сама же осуждала себя за то, что должна была все предвидѣть, ко всему быть готовой, «обвиняла себя за горячность, за рѣзкія выраженія», «просила Бога обуздать ея вспыльчивый нравъ», но въ то же время сознавалась въ глубинѣ своей души, что способна провиниться опять». «По своей страстной и пылкой природѣ не любила откладывать дѣла въ долгій ящикъ». За недѣлю до свадьбы рѣшила сдѣлать испытаніе «твердости характера» жениха и готова была на разрывъ, «который для всякой благовоспитан-

ной дѣвушки большое несчастье». Услыша разсказъ сына о больномъ старичкѣ (Терентьевѣ), сейчасъ же хотѣла призвать и разбранить Мироныча, сейчасъ отставить его отъ должности, сейчасъ объ этомъ написать тетушкѣ Пр. Ив.»... «Невѣстой не теряла ни одной минуты» и, «вѣрная своему намѣренію перевоспитать своего жениха», «старалась своими разговорами сообщать ему тѣ нравственныя понятія, которыхъ у него не доставало, уяснять и развивать то, что онъ чувствовалъ и понималъ темно, безсознательно, и уничтожать такія мысли, которыя забрались ему въ голову отъ окружающихъ его людей; она даже заставляла его читать книги и потомъ, разговаривая съ нимъ о прочитанномъ, съ большимъ искусствомъ объясняла все, смутно или превратно понятое, утверждая все шаткое и примѣняя вымышленное къ дѣйствительной жизни». «Имѣла любовь ко власти». «Мужемъ распоряжалась по произволу», надъ сыномъ имѣла «безпредѣльную нравственную власть» и всегда сознавала, что нравственное различіе между мужемъ и ею «слишкомъ велико». Когда свекоръ, недовольный тѣмъ, что она повелѣваетъ мужемъ высказалъ ей» всю правду безъ обиняковъ», заявивъ, это «никуда негодится», выслушала «съ почтеньемъ» и «поблагодарила» искренно.—«Я не только съ радостью исполню волю вашу, я и сама понимаю теперь, что это точно не хорошо»; просила его «поступать съ нею какъ съ родной дочерью и принимала «наставленія съ пылкимъ и благодарнымъ чувствомъ дочери». «Какъ умная женщина, знавшая напередъ, что ожидаетъ ее въ будущемъ, всегда имѣла «планъ своихъ дѣйствій. (Выходя замужъ рѣшила перевоспитать мужа-«дикаря, который еще будетъ больше любить ее въ благодарность за свое образованіе». При входѣ въ семейство мужа «приняла твердое намѣреніе непремѣнно снискать любовь» Степана Михайловича). «Разсчетъ ума у нея соединялся съ сердечнымъ влеченіемъ». Съ удивительной ловкостью, имѣя «чудный даръ говорить», она умѣла увлечь всѣхъ своихъ плѣнительными надеждами». «Изобрѣтательный умъ ея находилъ всему множество причинъ и множество доказательствъ». «У ней все прекрасное легко переходило въ крайность». Въ минуты пылкаго увлеченія» на одинъ предметъ устремлялся ея умъ, ея страстное вниманіе, такъ что она ничего не замѣчала». Въ любовь къ мужу она вносила требовательность и ту же «восторженность». Страстное чувство материнской любви овладѣло ея душой, умомъ, всѣмъ нравственнымъ существомъ ее». Ей хотѣлось «ходить, нянчиться, не спать «день и ночь», и «надъ люлькой» она «забывала весь окружающій ея міръ». «Новому своему чувству она отдалась съ безуміемъ страсти». «Она не могла выносить», что «другая, чужая женщина кормитъ ея ребенка, и «если дочь «долго оставалась у груди кормилицы, принимала ее голодную и закачивала на своихъ рукахъ или въ люлькѣ, напѣвая колыбельныя пѣсни». «Уѣзжая на короткое время» къ больному отцу, «каждый разъ возвращалась въ страхѣ: не больна ли ея дочь?» безпрестанно находила признаки разныхъ болѣзней у ребенка, лѣчила по Бухану и, не видя пользы, призывала доктора». Мужа она не замѣчала; когда же дочь умерла внезапно, отъ родимца, нѣсколько дней опасались за ея разсудокъ», «но любовь къ мужу» «мгновенно вступила въ права свои». Ожидая еще рожденія второго ребенка, «она вся предалась чувству матери, любви еще къ ненародившемуся ребенку». «Мнительность, излишнія опасенія страстной матери» она перенесла на сына-Сергѣя: дни и ночи проводила у кроватки больного ребенка, боялась даже дѣйствія на него «солнечныхъ лучей». Эта любовь къ сыну превратилась, по выраженію Д. П. Мертваго, «въ настоящее обожаніе». Она подолгу разговаривала съ нимъ наединѣ». Онъ былъ «ея другомъ, повѣреннымъ». Отпуская его на прогулку съ отцомъ въ лѣсъ, она опасалась, какъ бы Сережу «не потеряли» въ лѣсу, на охотѣ боялась, чтобы его «не подстрѣлили». Няньку за «разсказываемый ею вздоръ и выдумки невѣжества» ссылаетъ въ людскую. Сына она не отпускала ни на шагъ и даже ревновала его къ мужу. Получивъ увѣдомленіе Евсеича изъ Казани о болѣзни сына, она въ тотъ же день выѣхала въ Казань «на перемѣнныхъ крестьянскихъ неподкованныхъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ въ одну ло-

шадь» и совершила переходъ черезъ Каму «въ такое время, когда только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа». Огорчалась его увлеченіями охотой и со слезами, «лаская и цѣлуя» его, упрекала, что онъ забылъ свою мать. Горячности его увлеченій она противопоставляла холодность, и равнодушно слушала его разсказы объ охотахъ, но, когда его чувства были согласны съ ея собственными чувствами, она не охлаждала, а возбуждала» сына «страстными порывами своей души». «Ради Бога не переливай черезъ край; все хорошо въ мѣру, даже ласки и угожденія», говорилъ С. Н. Степанъ Михайловичъ.

Она все видѣла», все замѣчала, «все слышала и понимала». «Я все вижу и понимаю, сказала она мужу, послѣ перваго знакомства съ его семьей въ Багровѣ.—«Я не пропустила ни одного слова, ни одного взгляда; вижу чего я должна ожидать. Степана Михайловича, по однимъ разсказамъ, она «полюбила заочно» и постигла быстро «всѣ его причуды», сдѣлала «глубокую и тонкую оцѣнку высокихъ качествъ его». На обѣдѣ въ Багровѣ С. Н. «было непріятно пить изъ одного бокала со всѣми присутствующими, но «она не поморщилась и хотѣла даже выпить цѣлый бокалъ». На увѣщеванія свекра, что хотя наливка и «сладима, но крѣпка», С. Н. отвѣчала, что такое «чудесное питье не вредно и просила позволенія еще прихлебнуть немножко». Просила у того же свекра позволенія «какъ дочери» «поцѣловать у него руку», сѣсть возлѣ него на крылечко», «благословить и перекрестить ее на сонъ грядущій». По словамъ Багровыхъ, она «безсовѣстно ластилась къ свекру, чтобы наплевать на всю остальную семью». «Изъ угожденія свекру» на мельницѣ всему дивилась, обо всемъ распрашивала, всѣмъ любовалась», хотя мельница—для нея «совершенная новость»—нисколько ей не нравилась». Все ей не нравилось въ Багровѣ, но она и виду не показывала предъ Ст. Мих., и когда старикъ, любитель лошадей, показывалъ ей свой конскій заводъ, «изъявила участіе», конечно, изъ одного желанія угодить свекру, но въ то же время одна только мысль, что она скоро уѣдетъ и постарается никогда не заглянуть въ Багрово»—поддерживала «духовныя силы» С. Н. Въ дѣтствѣ, страдая отъ мачехи, она «облеклась бронею терпѣнія». Она все исполняла, что ей приказывали; все переносила спокойно».

Какъ «горожанка» не любила деревни. Не привыкла «сочувствовать красотамъ деревенской природы» и была совершенно равнодушна къ деревенскимъ заботамъ мужа». Несмотря на свой необыкновенный умъ, она не могла понять какъ могъ человѣкъ, страстно ее любящій, любить въ то же самое время свое сырое Багрово», какъ могъ онъ нѣсколько часовъ не видать своей жены, занимаясь противной удочкой», и потому, когда Алексѣй Степановичъ спѣшилъ дѣлиться съ нею сладкими впечатлѣніями природы и охоты, она почти обижалась». Въ Багровѣ «ей положительно все не нравилось» и, выѣхавъ изъ него, «почувствовала живую радость»; въ другой пріѣздъ, когда карета подъѣзжала къ Багрову, «глаза ея наполнились слезами и на лицѣ выразилась грусть». Позднѣе говорила сыну, что Багрово «сыро и вредно здоровью», что тамъ «помощи неоткуда получить, потому что лѣкарей близко нѣтъ; что всѣ сосѣди и родня ей не нравятся, что все это люди грубые и необразованные, съ которыми ни о чемъ слова сказать нельзя», что жизнь въ деревенской глуши, безъ общества умныхъ людей, ужасна, что мы сами тамъ поглупѣемъ». Въ Багровѣ «находилась въ постоянномъ раздраженіи и огорченіи своимъ положеніемъ», такъ какъ здѣсь ее «никто не понимаетъ». Багровскіе обычаи и домашнія дѣла ей были «непріятны и противны»; и она всегда отвѣчала, что не намѣрена мѣшаться въ семейныя и домашнія дѣла» сестеръ мужа, или что до нея «это дѣло не касается». Сколько ее не просили, ни за что на свѣтѣ не согласилась входить въ управленіе домомъ и еще менѣе—въ распоряженіе оброками, пряжею и тканьемъ крестьянскихъ и дворовыхъ женщинъ», и «твердо объявила, что будетъ жить гостьей».

Видомъ крестьянъ, встрѣтившихъ ее въ «Багровѣ радостно и привѣтно», С. Н. была глубоко потрясена. «За что эти добрые люди готовы полюбить меня, и нѣ-

которые уже любятъ? думала она. Чѣмъ я заслужила ихъ любовь? Но сына своего держала вдали отъ крестьянъ, говорила, что «нечего ему дѣлать въ толпѣ мужиковъ и не для чего слушать ихъ грубыя и непристойныя шутки и брань между собою». Не терпѣла, «чтобы лакеи и дѣвки разговаривали съ дѣтьми». «Нянькѣ запрещала даже разговаивать съ сыномъ». «Крестьянъ здоровыхъ она и слушать не хотѣла, а больнымъ давала совѣты и даже лѣкарства изъ своей дорожной аптечки». Считала «за наказаніе Божіе» всякія торжества; не любила шумныхъ споровъ и громкихъ выраженій любви въ подвластныхъ людяхъ» и пѣнія деревенскихъ пѣсенъ [1]).

Критика: 1) Добролюбовъ характеризуетъ отношеніе С. Н. къ крестьянамъ. «Ей было легче другихъ помѣщиковъ проникнуться любовью къ бѣднымъ земледѣльцамъ. Ея дѣдушка былъ уральскій казакъ, а мать изъ купеческаго званія; преслѣдуемая мачехой, она сама, въ годы нѣжной юности, испытала всю тяжесть принудительной работы; ея природный умъ былъ ясенъ и крѣпокъ; образованіе было выше чѣмъ у другихъ. Но и она, въ отношеніи къ своимъ слугамъ и крестьянамъ, не могла стать на высоту, какая нынѣ требуется отъ человѣка истинно просвѣщеннаго». «Взглядъ С. Н. на крестьянъ объясняется аристократическимъ складомъ всѣхъ ея убѣжденій и чувствъ. Она любитъ изящное, доброе и благородное, но мысль поискать всего этого мѣжду крестьянами не приходитъ ей въ голову. Ей сильно препятствуетъ здѣсь то ложное положеніе, въ которомъ стоитъ она къ этому народу. Она, конечно, не стоитъ на степени развитія Простаковой, которая, узнавши, что Палашка лежитъ больна и бредитъ, восклицаетъ съ негодованіемъ: «лежитъ бестія,—бредитъ какъ будто благородная!» Но все-таки и С. Н. не могла еще дойти до понятія о томъ благородствѣ, которое равно свойственно и помѣщику, и крестьянину, и которое нерѣдко можетъ быть въ совершенно обратномъ отношеніи къ общественному положенію лица. Она желала бы вовсе не знать о существованіи крестьянъ, положеніе которыхъ вовсе ее не занимаетъ. Проѣзжая черезъ Парашино и видя крестьянскіе запасы хлѣба, Алексѣй Степанычъ, по чувству ли хозяина, или просто по добротѣ сердца, восклицаетъ: «Вотъ такъ крестьяне! молодцы! сердце, глядя на нихъ, радуется». Но С. Н. не только не радуется, а даже не обращаетъ вниманія на слова мужа. Проѣзжая мимо хлѣбовъ, Багровъ опять жалѣетъ, что не успѣютъ мужики убраться; жена и тутъ слушаетъ его безъ малѣйшаго участія. Маленькій сынъ прибѣгаетъ къ ней съ восторженными разсказами о томъ, что онъ видѣлъ на полѣ, какъ крестьяне пашутъ, сѣютъ, косятъ: она не только безъ участія, но даже безъ удовольствія слушаетъ его разсказы... Сыну хочется итти, вмѣстѣ съ отцомъ, посмотрѣть на заимку пруда: она его не пускаетъ, потому что «нечего ему дѣлать въ толпѣ мужиковъ и не для чего слушать ихъ грубыя и непристойныя шутки, прибаутки и брань между собою». Мужъ напрасно старается увѣрить ее, что ничего подобнаго не бываетъ. Въ ея присутствіи багровскія дворовыя дѣвушки должны отказаться отъ своихъ пѣсенъ и съ сожалѣніемъ говорятъ ея сыну: «Матушка ваша не любитъ нашихъ деревенскихъ пѣсенъ». Словомъ, полное отчужденіе отъ простого быта крестьянъ, высокомѣрное пренебреженіе къ нему выражается почти въ каждомъ поступкѣ С. Н., хотя она не позволяетъ себѣ никакихъ жестокостей и грубостей. Отчего же такое отчужденіе въ

[1]) Въ своемъ „Очеркѣ семейнаго быта“ И. С. Аксаковъ дополняетъ характеристику своей бабки: «Нѣкогда блистательная, страстная, Марья Николаевна, превратилась въ старую, болѣзненную, мнительную и ревнивую женщину, до конца жизни мучимую сознаніемъ ничтожности своего супруга, и въ тоже время ко всѣмъ его ревновавшую, ибо она чувствовала, что онъ ея только боится, но что сердце его она уже утратила. Даже такъ страстно любимый сынъ Сереженька былъ разлюбленъ ею, какъ скоро онъ женился. Оба старика чувствовали, что сынъ вышелъ изъ ихъ среды. Въ домѣ всѣ боялись только одной Марьи Николаевны, и главою дома была она“.

ней именно? У нея, должно быть, все-таки больше развито чувство любви и уваженія къ человѣчеству, нежели, напримѣръ, хоть въ старикахъ Багровыхъ; почему же они не чуждаются крестьянъ, а она чуждается? Если мы вдумаемся въ сущность этого явленія, то неизбѣжно должны, кажется, придти къ заключенію, вовсе не отрадному. Какія точки соприкосновенія съ крестьянами видимъ мы въ старинномъ быту помѣщиковъ? Во-первыхъ—корысть. Хозяйственныя распоряженія неизбѣжно сближали помѣщика, живущаго въ деревнѣ, съ крестьянами, которые должны исполнять его распоряженія съ соблюденіемъ его выгодъ. Вторымъ обстоятельствомъ, сближавшимъ помѣщиковъ съ крестьянами, были тогда равно низкая степень образованности тѣхъ и другихъ. Нравы большинства помѣщиковъ того времени были грубы и невѣжественны, какъ мы уже видѣли изъ множества примѣровъ, слѣдовательно, нечего было опасаться, чтобы какое-нибудь жестокое выраженіе или грубый поступокъ не оскорбилъ нравственнаго чувства господина». «Дѣло очень естественное: помощь, услуги, сообщничество этихъ людей все считалось обязательнымъ; они не могли и не смѣли не сдѣлать такъ, какъ это имъ приказано, слѣдовательно, принимая услуги ихъ, повѣряя имъ свои нужды, господинъ все таки не терялъ своихъ правъ: могъ ихъ наказывать, ссылать, сѣчь, сколько его душѣ угодно было. При такихъ понятіяхъ, отчего же было и не сходиться съ крестьянами и дворовыми, отчего не сближаться съ ними по наружности? Вѣдь существенное-то разстояніе все-таки оставалось и не могло быть забыто ни тѣмъ, ни другимъ. Этихъ-то воззрѣній не могла, конечно, понять С. Н., а до другихъ она не могла еще возвыситься, и потому остановилась на распутьи—на пренебреженіи къ простому народу и къ простому быту». (*Добролюбовъ*. Сочин., т. I).

2) Лучомъ свѣта, ворвавшимся въ это темное царство, была мать Аксакова, дочь товарища уфимскаго намѣстника, красавица уфимскаго бомонда, нашедшая въ губернскмъ обществѣ множество поклонниковъ и обожателей, но ни одного, который рѣшился бы ввести въ семью черезчуръ эмансипированную по тому времени дѣвушку. С. Т. Аксаковъ изобразилъ трогательную исторію препятствій, которыя пришлось преодолѣть влюбленному безъ памяти отцу Аксакова, чтобы вынудить согласіе дѣвушки на эту свадьбу и жениться на Зубовой. Послѣдняя приняла, въ силу домашнихъ обстоятельствъ, это единственное предложеніе, хотя успѣла на половину разочароваться въ женихѣ еще до замужества. Разочаровавшись окончательно въ мужѣ, она перенесла всю любовь на сына и употребила всѣ усилія, чтобы изолировать его отъ ненавистной ей деревенской обстановки и воспитать по-своему. Она не могла побороть въ немъ только его инстинктивной любви къ природѣ и сдѣлала тутъ уступки; но сношенія съ деревенскимъ населеніемъ были прекращены разъ навсегда. Такимъ образомъ, оборонительное положеніе, занятое матерью по отношенію къ деревнѣ, было перенесено и на сына. (*П. Милюковъ*. Изъ исторіи русск. инт.).

3) «Въ этой городской уфимской аристократкѣ-чиновницѣ, какъ ни симпатично представляетъ ее сынъ,—слишкомъ мало простоты, сердечности, снисходительности къ людямъ, что видно не только въ ея отношеніяхъ къ роднымъ мужа (кромѣ дѣдушки), но и къ прислугѣ и крестьянамъ, къ коимъ относится она совсѣмъ по-барски, съ плохо скрываемымъ презрѣніемъ». (*В. Острогорскій*. С. Т. Аксаковъ).

Степанъ Михайловичъ Багровъ («Семейная Хроника» и «Дѣтскіе годы»). «Дѣдушка». «Былъ не только средняго, а даже небольшого роста; но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистыя руки, каменное, мускулистое тѣло обличали въ немъ силача. Въ разгульной юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищей, на него нацѣплявшихся, стряхивалъ онъ, какъ брызги воды стряхиваетъ съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачнетъ вѣтеръ». Позднѣе проявлялъ ту же «твердость духа и безстрашную отвагу», и «нравъ имѣлъ горячій». «Правильныя черты лица, прекрасные большіе темноголубые глаза, легко загоравшіеся гнѣвомъ, но тихіе и кроткіе въ часы душевнаго

спокойствія, густыя брови, пріятный ротъ—все это вмѣстѣ придавало самое открытое и честное выраженіе его лицу; волосы у него были русые».

Небогатый помѣщикъ, владѣлецъ 180 душъ. Считалъ себя и свое семейство «людьми деревенскими, простыми», городъ и городское общество для него были «чѣмъ-то чуждымъ и страшнымъ». «—Мы, братъ, говорилъ онъ сыну, не широки въ перьяхъ; только что сыты, а доходовъ больно мало». Служилъ «не очень долго» въ военной службѣ и «вышелъ въ отставку какимъ-то полковымъ квартирмейстеромъ», но «ставилъ свое семисотъ-лѣтнее дворянство выше всякаго богатства и чиновъ». «Древность дворянскаго происхожденія» рода Багровыхъ «была его конькомъ». Степанъ Михайловичъ производилъ «свой родъ, Богъ знаетъ по какимъ документамъ, отъ какого-то варяжскаго князя». «Не женился на одной весьма богатой и прекрасной невѣстѣ, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадѣдушка ея былъ не дворянинъ», и взялъ себѣ въ жены «небогатую дѣвицу», но «также изъ стариннаго дворянскаго рода». Невѣсту, выбранную сыномъ, дочь «перваго лица, первой власти въ цѣломъ краѣ», Степанъ Михайловичъ нашелъ «не парой и не съ руки», потому что она «дворянка вчерашняя». На единственнаго сына смотрѣлъ какъ на единственную отрасль и надежду дворянскаго своего рода. Когда генералъ безъ всякой вины жестоко отколотилъ Алексѣя Степановича палками, несмотря «на его древнее дворянство», Ст. Мих. «не понравилась эта шутка». Онъ жаловался кому-то и «взялъ сына въ отставку». «Продолженіе древняго рода Багровыхъ, потомковъ знаменитаго Шимона, было постояннымъ предметомъ думъ и желаній старика, смущало спокойствіе духа, торчало гвоздемъ у него въ головѣ». Получивъ извѣстіе о рожденіи у сына дочери, остался недоволенъ, т. к. дочерей считалъ ни за что: «что въ нихъ проку! вѣдь, онѣ глядятъ не въ домъ, а изъ дому. Сегодня Багровы, а завтра Шпыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы». «—Вотъ еще семь верстъ киселя ѣсть! ѣхать крестить дѣвочку! Каждый годъ пойдетъ родить дочерей, такъ не наѣздиться», съ досадой сказалъ Ст. Мих., узнавъ о рожденіи внучки и запретилъ дочери ѣхать въ Уфу на крестины. Извѣстіе о смерти внучки онъ принялъ весьма равнодушно: «вотъ есть о чемъ убиваться, объ дѣвчонкѣ, этого добра еще будетъ!» Когда же въ Багрово привезли вѣсть о рожденіи внука, проворно вскочилъ съ постели, босикомъ подошелъ къ шкапу, торопливо вытащилъ родословную, взялъ изъ чернильницы перо, провелъ черту отъ круга съ именемъ «Алексѣй», сдѣлалъ кружокъ на концѣ своей черты и въ серединѣ его написалъ: «Сергѣй».

«Не получилъ никакого образованія, русскую грамматику зналъ плохо». Служа въ полку, еще до офицерскаго чина, выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости». Изъ книгъ въ домѣ Степана Михайловича «водились только календари, да какія то печатныя брошюрки «о Гарлемскихъ капляхъ» и «Эликсирѣ долгой жизни». Докторовъ звалъ «людоморами» и говорилъ, что они ничего не смыслятъ и погапятъ душу человѣческую бусурманскимъ питьемъ. «—Если конину ѣсть православному человѣку запрещено, то какъ же пить молоко нечистаго животнаго (кумысъ)?» говорилъ онъ. Выражался грубо, по топорному, но умѣлъ «тонко понимать». «Неясно понимаемыя имъ чувства и мысли не облекались въ приличное слово, и ограничивался онъ обыкновенными пошлыми выраженіями, тѣмъ не менѣе исполненными вѣчныхъ нравоучительныхъ истинъ, завѣщанныхъ намъ опытною мудростью давно живущаго человѣчества и потверждаемыхъ собственнымъ нашимъ опытомъ».—«Руби дерево по плечу», говорилъ онъ сыну.—«Взять жену умнѣе себя—бѣда: будетъ командирша».—«Повелѣвать женѣ не приходится, а то будетъ худо».—«Не балуй ее, сейчасъ останови и вразуми, что это не годится: пожури, но сейчасъ же прости, не дуйся, не таи въ душѣ досады, если чѣмъ недоволенъ, выскажи ей все на прямыя денежки; но вѣрь ей во всемъ». Онъ говорилъ невѣсткѣ: «Жена должна обходиться съ мужемъ съ уваженьемъ». «Чти его». «Не станешь почитать мужа—пути не будетъ». Дочь для отца, по мнѣнію Степ. Мих., «должна все

претерпѣть и даже виду непріятнаго не показывать».—«Поклониться—голова не отвалится», говорилъ Ст. Мих. Несмотря на свою грубость, «могъ быть способенъ къ внѣшнему выраженію самой нѣжной, утонченной заботливости»; во время болѣзни невѣстки за нее «сильно перетревожился», и вообще относился къ ней съ нѣжностью». Жилъ просто, но кушанья готовилось впятеро больше, чѣмъ нужно. «Около крыльца, на которомъ любилъ сидѣть Степанъ Михайловичъ, «потиралось и почесывалось» «нѣсколько запачканныхъ свиней» и лакомились раковыми скорлупками и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также коровы и овцы («дворъ не былъ обгороженъ»); разумѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды», но «Степанъ Михайловичъ не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ». Хозяйскій глазъ его всѣмъ любовался. Былъ знатокъ «всякаго хозяйственнаго дѣла, но не торчалъ день и ночь при крестьянскихъ работахъ, не стоялъ часовымъ при ссыпкѣ и отпускѣ хлѣба: смотрѣлъ рѣдко да мѣтко», «неусыпно и неослабно и за крестьянскими и за господскими работами». Самъ поѣхалъ для осмотра новыхъ мѣстъ за Волгу въ Уфимское намѣстничество, самъ живо и горячо принялся за всѣ приготовленія къ немедленному переселенію крестьянъ, и самъ «отправился» за ними. «Все было имъ самимъ заведено, устроено». По утру до обѣда, несмотря на жаръ, объѣзжалъ поля, и свои, и крестьянскія, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо». На паровомъ полѣ приказывалъ «возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни; всякая цѣлизна, всякое нетронутое сухое мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если Степанъ Михайловичъ бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, и посылалъ за старостой». На мельницѣ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ», т. к. «хорошо разумѣлъ мельничный уставъ» и всѣ тонкости этого дѣла». За каждое дѣло, какъ бы ни было оно хлопотливо и трудно», брался «живо и горячо»; нетерпѣливому характеру Степана Михайловича были свойственны «неутомимость и жаръ».

«Крестьяне горячо любили своего барина»; въ отвѣтъ на его отчаянное горе всѣ кричали единогласно, что «всѣ ѣдутъ и пѣшкомъ идутъ выручать Праск. Ивановну». Крестьяне отзывались о немъ, какъ «объ отцѣ и благодѣтелѣ, какъ о строгомъ, вспыльчивомъ, справедливомъ и добромъ баринѣ и никогда о немъ безъ слезъ не вспоминали». Онъ самъ о крестьянахъ «разсуждалъ по своему»: «наказать виноватаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни,—значитъ, вредить его благосостоянію, то-есть своему собственному; наказать денежнымъ взысканіемъ—то же; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую вотчину, употреблять въ тяжелую работу—то же, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства—несомнѣнная порча. «Расправа» у Степана Михайловича производилась немедленно»: «калиновый подожокъ» всегда бывалъ съ нимъ. «Любили его и дворовые люди», чаще всѣхъ испытывавшіе его гнѣвъ. Когда Ст. Мих. былъ въ добромъ расположеніи духа и «весело кушалъ», въ залу «набивались всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки» «за подачками», и Ст. Мих. щедро одѣлялъ всѣхъ. Въ добромъ расположеніи духа онъ «балагурилъ», шутилъ и смѣялся со своей прислугой» и велѣлъ подносить крестьянамъ приходившимъ на господскій дворъ «по серебряной чаркѣ» «домашняго крѣпкаго вина.

Сосѣди уважали его «не меньше, какъ волостного начальника». Въ нѣсколько лѣтъ Степанъ Михайловичъ умѣлъ снискать общую любовь и глубокое уваженіе: во всемъ околоткѣ «не было человѣка, кто бы ему не вѣрилъ; его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ». «Со всѣхъ сторонъ къ нему ѣхали за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ». «Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ дальнихъ и близкихъ, старыхъ и новыхъ своихъ сосѣдей». «Полные амбары Степана Михайловича» «были открыты всѣмъ—

бери что угодно». «Сможешь—отдай, при первомъ урожаѣ; не сможешь—Богъ съ тобой», съ такими словами раздавалъ Багровъ «щедрою рукою хлѣбные запасы на сѣмены и ѣмены». «Человѣкъ самой строгой и скромной жизни», С. М. былъ «истиннымъ оракуломъ обширнаго Оренбургскаго края». «Кривда и неправда» безпутство и лесть поселяли «отвращеніе въ цѣломудренной душѣ Степана Михайловича. «Необразованный, грубый по наружности, но разумный, добрый, правдивый, непреклонный въ своемъ свѣтломъ взглядѣ и честномъ судѣ,—человѣкъ, который не только поступалъ всегда прямо, но и говорилъ всегда правду». «Прямому его сердцу противенъ былъ всякій низкій и злонамѣренный поступокъ». Правду говорилъ безъ обиняковъ, т. к. не любилъ ничего держать на душѣ», и «если замѣчалъ обманъ, то уже не спускалъ никому». «Надуваніе добродушныхъ Башкирцевъ (у которыхъ тогда за безцѣнокъ скупали русскіе цѣлыя урочища земель) «ему не нравилось», и онъ рѣшилъ поступить съ ними «честно»: «купилъ землю у помѣщицы и заплатилъ такъ дорого, какъ никто тогда не плачивалъ, по полтинѣ за десятину». «Только правдою можно было получить отъ него все». «Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ; не только ничего не получишь, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести». За то что дочь «солгала и заперлась въ обманѣ», онъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что « не только виноватая», но всѣ домашніе убѣжали изъ дома». На предложеніе двоюродной сестры передать все богатство въ родъ Багровыхъ, Степ. Мих. отвѣчалъ: «чтобъ я покорыстовался чужимъ добромъ и взялъ имѣніе мимо законныхъ наслѣдниковъ... нѣтъ этому не бывать и никто про Степана Багрова этого не скажетъ».

Спокойную жизнь предпочиталъ всему и «домашнія кляузы ненавидѣлъ»; ненавидѣлъ и боялся, какъ язвы слова тяжба». Для того, чтобы положить конецъ ссорамъ въ разнопомѣстной вотчинѣ съ мелкопомѣстными своими родственниками за общее владѣніе землей», рѣшился самъ переселиться», но «не поддался обольщенію своихъ первыхъ впечатлѣній и, узнавъ покороче на мѣстѣ, что покупка башкирскихъ земель неминуемо поведетъ за собою безконечные споры и тяжбы», «рѣшился купить землю, прежде купленную другимъ владѣльцемъ, справленную и отказанную за нимъ судебнымъ порядкомъ, предполагая, что тутъ уже не можетъ быть никакого спора». Слухамъ о томъ, что Михайло Максимовичъ «больно не хорошо живетъ» не повѣрилъ и отвѣчалъ женѣ: «только развѣсь уши, такъ, пожалуй, и церковную татьбу взведутъ на человѣка». «Наушничанья» и сплетенъ не терпѣлъ и не любилъ «путаться въ чужія дѣла». Розсказнямъ людей, своими глазами ничего не видавшихъ, онъ никогда не вѣрилъ», но, «будучи заклятымъ врагомъ, ненавидя всякую ложь, даже малѣйшій обманъ, утайку», «любилъ слушать безвредное лганье и хвастанье (какъ онъ выражался) людей простодушныхъ, предающихся съ какимъ-то увлеченіемъ, съ какой-то наивностью, даже съ вѣрою, небылицамъ своего воображенія». Въ добромъ расположеніи духа охотно слушалъ «были, небылицы и нелѣпыя сплетни» Флены Ивановны, охотно бесѣдовалъ съ Афросиньей Андреевной, и съ Аксюткой «разговаривалъ цѣлые часы».—«Прилгано много, а можетъ и есть правда!—говорилъ Ст. Мих.; но, услышавъ разсказъ Афросиньи Ивановны объ одной знатной дамѣ, ѣздившей къ Троицѣ и давшей обѣщаніе назвать своего новаго ребенка «Сергіемъ», велѣлъ сыну и невѣсткѣ, чтобы они «дали обѣтъ, если у нихъ родится сынъ, назвать его Сергіемъ, п. ч. «въ домѣ Багровыхъ Сергія еще не было».

У него было, «кромѣ здраваго ума и свѣтлаго взгляда», «нравственное чутье людей, честныхъ, прямыхъ и правдивыхъ, которое чувствуетъ съ перваго знакомства съ человѣкомъ неизвѣстнымъ—кривду и неправду его, для другихъ незамѣтную, которое слышитъ зло подъ благовидною наружностью и угадываетъ будущее его развитіе». «Ласковыя рѣчи и почтенный тонъ Куролесова не обманули Ст. Мих., и онъ сразу отгадалъ, что тутъ скрываются какія-то плутни». «Дрянь человѣкъ и плутъ», отозвался Ст. Мих. о Куролесовѣ, послѣ первой ихъ встрѣчи. Жену свою «зналъ наизусть» и, «когда былъ веселъ, звалъ Аришей, и Ариной когда

былъ сердитъ». «Онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости», но въ важныхъ случаяхъ жизни спрашивалъ: «—Ну что, Ариша. Что у тебя на умѣ бродитъ?» «хотя и плохо вѣрилъ женскимъ справкамъ и донесеніямъ». До всѣхъ родственниковъ своей супруги, до всей Неклюдовщины, какъ онъ называлъ ихъ, Степанъ Михайловичъ былъ большой неохотникъ». Онъ мало понималъ романическую сторону любви», и мужскую гордость Ст. Мих. оскорбляла влюбленность сына», которая казалась ему слабостью, униженіемъ, дрянностью въ мужчинѣ». «—Красивая дѣвица можетъ приглянуться мужчинѣ. Въ этомъ бѣды еще никакой нѣтъ, говорилъ онъ сыну; но я вижу, что ты черезчуръ уже врѣзался, а это ужъ не годится». Свою двоюродную сестру, круглую сироту, любилъ горячо, «не менѣе дочерей, называлъ ее «сестричкой-сироткой» и былъ «очень нѣженъ съ нею по своему»—«по душѣ она пришлась ему своими свойствами»; онъ самъ уговорилъ ее, послѣ смерти мужа, уѣхать изъ Багрова, какъ не грустно было Ст. Мих. разставаться съ сестрицей» («—У насъ жизнь скучная», «ты человѣкъ еще молодой, ты богата, ты не привыкла къ такой жизни»).

«Все замѣчалъ и ничего не забывалъ: и хитрости жены и продѣлки дочерей. Онъ зналъ и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки, или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надуваютъ его», но «при первой же вспышкѣ гнѣва» высказывалъ все дочерямъ «безъ пощады, въ самыхъ непеременныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ дочерей за обманъ. Къ невѣсткѣ, которая «сама была женщина сильнаго характера, относился съ нѣжностью». Онъ, «не сочинитель и не писака», съ трудомъ писавшій по старинному», весьма оцѣнилъ первое письмо своей будущей невѣстки», противъ которой былъ раньше настроенъ враждебно.—«Ну и умница и должно быть горячая душа!» И на замѣчаніе старшей дочери (что и говорить, батюшка, книжница: мягко стелетъ, да каково-то будетъ спать), прикрикнулъ на нее зловѣщимъ голосомъ и, «вопреки всякимъ церемоніямъ, отвѣтилъ письмомъ, называя Софью Николаевну «милой, дорогой и разумной». При встрѣчѣ съ нею «поглядѣлъ ей пристально въ глаза, изъ которыхъ катились слезы, самъ заплакалъ, крѣпко обнялъ, поцѣловалъ» и сказалъ: «Славу Богу, пойдемъ же благодарить его». Но и на нее Ст. Мих. разсердился, когда она родила дочь, вмѣсто ожидаемаго внука, хотя «очень хорошо зналъ, что гнѣваться было не на кого, но въ первые дни не могъ овладѣть собою. Прогнѣвался онъ и на докторовъ, не сумѣвшихъ помочь Софьѣ Николаевнѣ.

Во время вспышекъ гнѣва, благодѣтельный и даже симпатичный, человѣкъ омрачался иногда такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческій и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ отвратительнымъ поступкамъ». Послѣ бури «валился на постель и впадалъ «въ глубокій сонъ; иногда, «послѣ сильнаго словеснаго приступа, вмѣсто «толчка калиновымъ подожкомъ», «или пинка ногой, даже стуломъ», Степанъ Михайловичъ только смѣялся; послѣ бури бывалъ «свѣтелъ и ясенъ», и во вчерашнемъ дикомъ звѣрѣ сегодня просыпался «человѣкъ».

«Признаки грозы на лицѣ Степана Михайловича», (когда по обыкновенію, у него кривилась голова въ сторону, сдвигались брови и онъ косился на всѣхъ неласково) всѣхъ домашнихъ «обдавали холодомъ» и всѣ прикусывали язычки. Тогда Степанъ Михайловичъ или молчалъ, или давалъ отвѣты далеко не учтивые».

Былъ «больно крутъ, но разуменъ». Приказанія его коротки: «сказано—сдѣлано». Запретилъ сыну жениться на Зубиной, но, когда получилъ умоляющее письмо отъ него, долго сидѣлъ, чертя калиновымъ подожкомъ какіе то узоры на полу», но «скоро смекнулъ, что дѣло плохо» и что ничто «не вылѣчитъ отъ любви сына».—Вѣдь не позволимъ, такъ намъ не видать Алексѣя, какъ ушей своихъ: или умретъ съ тоски, или на войну уйдетъ, или пойдетъ въ монахи, и родъ Багровыхъ прекратится». «Самолюбіе», «упорный духъ» и «желѣзную волю» побѣдили «отцовская любовь» и «разумность».

Самъ былъ горячъ до бѣшенства, но недобрыхъ, злыхъ и жестокихъ безъ гнѣва людей, терпѣть не могъ». Онъ бывалъ въ горячности «жестокъ», но «строгъ былъ только въ пылу гнѣва: прошелъ гнѣвъ, прошла и вина». «За толстое бѣлье» не разъ бивалъ свою жену и «изрубилъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оборочной льняной холстины», но покорился. Если, бывало «прозѣваютъ его возвращеніе съ поля» и не успѣютъ подавать обѣда во время, отъ этого происходили печальныя послѣдствія». Во время гнѣва Ст. Мих. «весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости». Домашніе убѣгали изъ дома и прятались; «двое слугъ водили его подъ руки», и «онъ бушевалъ на просторѣ». «Когда дочь солгала и заперлась въ обманѣ, и жена кинулась ему въ ноги, прося помилованія, Ст. Мих. пришелъ въ ярость. Жену онъ «таскалъ за волосы». — Подайте мнѣ ее (дочь сюда)! вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. Узнавъ, что Прасковья Ивановна повѣнчана съ Куролесовымъ, обратилъ все свое бѣшенство на Бактеева; повывѣдавъ, что его жена и дочери дѣйствовали за одно съ Бактеевой и приняли отъ Куролесова подарки, пришелъ въ такой гнѣвъ, что Бактееву назвалъ «старой мошенницей», сказалъ, что «она продала свою внучку разбойнику Мишкѣ Куролесову, который приворожилъ ее нечистою силой». Возвратясь домой, подарки «отослалъ къ старухѣ Бактеевой для возвращенія кому слѣдуетъ, и послѣ этого старшія дочери долго хворали, а у бабушки не стало косы», и «цѣлый годъ ходила она съ пластыремъ на головѣ». «Молодымъ же Куролесовымъ онъ далъ знать, чтобъ они не смѣли къ нему и глазъ показывать, а у себя дома запретилъ поминать ихъ имена». Сестру свою, вышедшую замужъ противъ его воли, онъ простилъ и даже примирился съ Куролесовымъ, узнавъ, что тотъ «ведетъ себя хорошо и занимается устройствомъ имѣнія жены своей», но мнѣнія своего о немъ не перемѣнилъ: «—Хорошъ парень, ловокъ и смышленъ, а сердце не лежитъ, отзывался Степ. Мих. о Куролесовѣ, но «вообще былъ имъ доволенъ», а его хозяйство нашелъ въ отличномъ порядкѣ»; услышавъ о «поганыхъ дѣлахъ» Куролесова, не хотѣлъ увѣдомлять ничего не знавшую о нихъ сестру, такъ какъ «если она узнаетъ истину, то врядъ ли поправитъ дѣло, а будетъ только убиваться съ горя понапрасну». О самомъ же Куролесовѣ рѣшилъ: «пусть сломитъ себѣ шею, или попадетъ въ уголовную—туда ему и дорога. Этого человѣка одинъ только Богъ можетъ поправить. Крестьянамъ жить у него можно, а дворовые всѣ негодяи, пускай терпятъ за свои грѣхи». И только, узнавъ, что Парасковья Ивановна избита мужемъ «до полусмерти» и заперта имъ въ подвалъ, «вскочилъ какъ безумный».

Критика: 1) Ст. Мих. вовсе не былъ дурнымъ исключеніемъ изъ своихъ собратій; напротивъ, если онъ и отличался отъ другихъ, подобныхъ ему помѣщиковъ, то именно отличался своими хорошими качествами. Онъ обладалъ твердой волей, неизмѣнною правдивостью, практическою сообразительностью; онъ требовалъ только должнаго (по крайней мѣрѣ, согласно его понятіямъ); онъ благодѣтельствовалъ крестьянамъ въ голодные годы, разсуждая, что благосостояніе крестьянъ есть вмѣстѣ и его собственное благосостояніе. Все это—такія качества, которыя не у всѣхъ помѣщиковъ можно было найти въ то время. Своими добродѣтелями Степанъ Михайловичъ заслужилъ общее уваженіе и даже любовь, что опять не всякому помѣщику удается. Но при всемъ этомъ, посмотрите, что сдѣлало изъ этой твердой и благородной натуры то положеніе, въ какомъ онъ находился. Его понятія о чести, добрѣ и правдѣ перепутаны, его стремленія мелки, кругъ зрѣнія узокъ, страсти никогда не сдерживаются разсудкомъ, внутренняя сила, не находя себѣ правильнаго, естественнаго исхода, разражается только домашнею грозою. Мы не говоримъ уже объ этихъ дикихъ вспышкахъ, когда Степанъ Михайловичъ стаскивалъ волосникъ съ своей старухи-жены и таскалъ ее за косы,—если только она осмѣливалась попросить за свою дочь, на которую старикъ разсердился; въ этихъ вспышкахъ ясно выражается произволъ, къ которому всегда приводило человѣка

полное, безотвѣтное обладаніе людьми, безгласными противъ его воли. Можно конечно объяснить припадки гнѣва въ старикѣ Багровѣ тѣмъ, что таковъ ужъ его характеръ былъ, что онъ не могъ сдержать себя. Но отчего же, спросимъ мы—съ распространеніемъ образованія перевелся въ дворянствѣ и обычай бить своихъ женъ? Развѣ теперь уже вспыльчивыхъ характеровъ нѣтъ? И неужели русскій человѣкъ имѣетъ болѣе пылкія страсти, нежели всѣ образованные народы?»

«Характеры, подобные старому Багрову и Куролесову, неизбѣжны при тѣхъ бытовыхъ отношеніяхъ, при той нравственной обстановкѣ, въ какой находились эти люди. По общему психологическому закону, при недостаточномъ развитіи однѣхъ способностей души, сила развитія обращается на другія, которыя встрѣчаютъ менѣе препятствій, а слѣдствіемъ неравномѣрности вліяній бываетъ всегда одностороннее развитіе. Какія же вліянія могли благопріятствовать развитію нравственныхъ началъ и здравыхъ понятій въ людяхъ, находившихся въ положеніи Багрова и Куролесова? Оба они служили въ полку. Степанъ Михайловичъ даже русскую грамоту зналъ плохо и любилъ хвалиться тѣмъ, что умѣлъ считать на счетахъ; Куролесовъ же, хотя умѣлъ писать бойко и зналъ кое-что, но никакого солиднаго образованія тоже не получилъ. Да и на что жъ имъ было образованіе, когда они съ малолѣтства чуяли возможность простымъ и даровымъ способомъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни? На что имъ были какія-то нравственныя начала, когда они видѣли впереди сферу, въ которой они будутъ полными, безсудными господами, а ихъ воля будетъ закономъ для окружающихъ? Произволъ, господствовавшій встарь, въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и особенно дворовымъ, существовалъ совершенно независимо отъ того, вспыльчивъ былъ баринъ, или нѣтъ. Произволъ этотъ былъ общимъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія землевладѣльцевъ. Еще болѣе же онъ увеличивался ихъ необразованностью, которая, опять, какъ извѣстно, обусловливалась ихъ положеніемъ. Какое сознаніе правъ человѣка могло развиться въ томъ, кого съ малыхъ лѣтъ воспитывали въ той мысли, что у него есть тысяча, или сотня, или десятки (все равно) людей, которыхъ назначеніе—служить ему, выполнять его волю, и съ которыми онъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ? Естественно, что человѣкъ, пропитанный такими внушеніями, привыкалъ ставить самого себя центромъ, къ которому все должно стремиться, и своими интересами, своими прихотями мѣрилъ пользу и законность всякаго дѣла. Еще въ недавнее время жили такія понятія, и даже нашъ знаменитый писатель[1]), отъ котораго ведетъ свое начало современное направленіе литературы, писалъ къ помѣщику совѣты о томъ, какъ ему побольше наживать отъ мужиковъ денегъ, и совѣтовалъ для этого называть мужика бабою, неумытымъ рыломъ, и т. п. Бить не совѣтовалъ только потому, что «мужика этимъ не проймешь: онъ къ этому уже привыкъ!» Но въ то время, когда мысли были высказаны, энергическое обличеніе уже встрѣтило ихъ со всѣхъ сторонъ, и весь авторитетъ писателя, какъ онъ ни былъ великъ, не спасъ его отъ сарказмовъ, крайне ядовитыхъ по своей справедливости.—Не то было въ старину. Тогда многіе помѣщики считали единственнымъ здравымъ началомъ въ управленіи крестьянами—стараніе получить отъ нихъ сколько возможно болѣе выгоды. Подъ этотъ уровень подходили всѣ помѣщичьи натуры, за весьма немногими исключеніями. Звѣрски жестокій, буйный и пьяный Михаилъ Максимычъ Куролесовъ въ два-три года поправилъ разстроенное хозяйство, оставивъ себѣ по себѣ память, что онъ крутенекъ. Главнымъ изъ употребленныхъ имъ средствъ улучшенія хозяйства было переселеніе крестьянъ на новыя мѣста. Багровъ сдѣлалъ тоже самое съ своими крестьянами, по тому же расчету собственныхъ выгодъ. Его не остановили вопль и плачъ крестьянъ, «прощавшихся навсегда со старинною, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ». Его не удержала мысль

[1]) *Гоголь.* „Переписка съ друзьями“ („Русскій помѣщикъ“). Сочин. Т. IV, изд. 10-е. *Ред.*

о трудностяхъ, которыя должны встрѣтить крестьяне, переселяясь слишкомъ за четыреста верстъ, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ. Онъ не подумалъ о томъ, что, какъ замѣчаетъ авторъ записокъ о немъ, «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселеніе тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди, и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещенными — казалось дѣломъ страшнымъ».

«Степанъ Михайловичъ не думалъ ни о чемъ этомъ, точно такъ же, какъ не думалъ о нравственномъ значеніи своихъ поступковъ, когда осматривалъ свое паровое поле, обработанное крестьянами, и употреблялъ слѣдующую хозяйственную мѣру: «онъ приказывалъ возить себя взадъ и впередъ по вспаханнымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлина, всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если онъ бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно». («Сем. хр.»). Принципъ, управляющій его дѣйствіями, очевиденъ: надо дѣйствовать строгостью, чтобы хозяйство хорошо шло. При этомъ принципѣ никакія философскія размышленія о правахъ человѣка, никакія экономическія соображенія о трудѣ, задѣльной платѣ и т. п., не могли имѣть мѣста». (*Добролюбовъ*. Сочиненія, т. I).

3) «Ужасенъ старикъ Багровъ въ своемъ некультурномъ гнѣвѣ и дикой необузданности, грозной для всѣхъ окружающихъ. Но въ описаніяхъ внука онъ вышелъ инымъ, и вы чувствуете въ немъ особую мощь и своеобразную красоту. Ибо всевластный и деспотическій, онъ въ трудныя минуты жизни не искалъ за то ничьего совѣта, онъ всѣхъ прогонялъ отъ себя калиновымъ подожкомъ и оставался одинъ. Въ своемъ тяжеломъ одиночествѣ онъ за всѣхъ думалъ, за всѣхъ и для всѣхъ устраивалъ. И вставалъ онъ въ четыре часа утра. Что-то первобытное, цѣльное и древнее есть въ этомъ старикѣ, и въ раскатахъ его безудержнаго гнѣва слышится все та же стихія, та же природа, которая потомъ изъ его внука сдѣлала охотника. И какъ трогательна его забота о томъ, чтобы не прервался древній родъ Шимона, чтобы онъ, такъ сказать, прирожденный и типичный предокъ, имѣлъ потомковъ! Когда ему сообщили, что родился у него внукъ, то первымъ его движеніемъ было перекреститься: потомъ въ родословной, отъ кружка съ именемъ «Алексѣй», онъ сдѣлалъ кружокъ на концахъ своей черты и посрединѣ его написалъ Сергѣй,—точно онъ предчувствовалъ, что этотъ Сергѣй спасетъ его для безсмертія и покажетъ русскому народу его неуклюжую, крѣпкую фигуру. И, можетъ быть, въ той нѣжной привязанности, которую онъ неожиданно испыталъ къ матери Сергѣя, своего внука и своего пѣвца, къ этой горожанкѣ, проникшей въ его деревенскую первобытность, сказалось глубоко заложенное подъ грубой оболочкой, смутное тяготѣніе къ эстетическому, къ изящному началу жизни, къ той силѣ, которая сдѣлала его дѣдомъ и прадѣдомъ писателей, натуръ одухотворенныхъ и тонкихъ: это ничего, что прежде мужская гордость старика оскорбилась влюбленностью сына». (*Ю. Айхенвальдъ*. Силуэты, т. I.).

4) «Степанъ Михайловичъ—это олицетвореніе доблести стараго поколѣнія, пропадающаго съ каждымъ днемъ, выраженіе той нравственной высоты, которая была ему доступна, а вмѣстѣ и выраженіе его недостатковъ. Степанъ Михайловичъ—патріархъ въ своемъ семействѣ и въ своемъ помѣстьѣ, передъ волей его трепещутъ всѣ, отъ мала до велика; но онъ патріархъ не по одной только власти родоначальника, главы дома, хозяина. Онъ выше всѣхъ окружающихъ его и по строгимъ понятіямъ о чести, правдѣ, прямотѣ, за которыми неусыпно слѣдитъ кругомъ себя; онъ строго наказываетъ малѣйшее отступленіе отъ той нравственной идеи, которой можетъ считаться живымъ и единственнымъ представителемъ. Всѣ окружающіе выросли подъ его мощной рукой и зоркимъ глазомъ; тѣ, которые пришли извнѣ, подчинились его вліянію до потери всякаго самостоятельнаго чувства; попу-

дительныхъ средствъ тоже не мало находилось въ его рукахъ, и не скупъ былъ онъ на нихъ, повидимому, и, со всѣмъ тѣмъ, какъ власть его, такъ и нравственное направленіе безпрестанно нарушаются, и даже, судя по нѣкоторымъ намекамъ, еще смѣлѣе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они сильнѣе требовали подчиненности и уваженія».

«Степанъ Мих. есть олицетвореніе одной власти въ семействѣ, и ею только связывается съ членами его, за исключеніемъ кровной любви, не всегда достаточной для правильнаго воспитанія людей, какъ мы знаемъ изъ обыденныхъ примѣровъ слѣпой любви отцовъ и матерей къ дѣтямъ. Нравственныхъ началъ онъ не дѣлилъ съ ними благодушно, изъ глубины сердца, а думалъ вызвать ихъ и укрѣпить одной властью. Глава дома въ этомъ духѣ уже носитъ въ самомъ себѣ свое осужденіе и начало неуспѣха въ благихъ намѣреніяхъ. Онъ также самъ собою доказываетъ невозможность продолженія системы въ будущемъ, въ наслѣдникахъ. Форма, внѣшній уставъ благонравія были для него важнѣйшимъ дѣломъ воспитанія, и, дѣйствительно, случается иногда, что форма, подчиняя молодую душу, вызываетъ подъ конецъ и самое содержаніе; но это совершается чрезвычайно медленно, и притомъ съ опасностью чего-либо не досмотрѣть въ формѣ, сдѣлать послабленіе въ требованіяхъ,—и тогда прощай вся долгая работа образованія ума и сердца! Кто же не можетъ сдѣлаться всегдашнимъ и повсемѣстнымъ сторожемъ впечатлѣній человѣка, особенно такого, который спѣшитъ набрать впечатлѣній отовсюду? Большею частію наружная форма признается тогда подвластною, какъ необходимость, соблюдается какъ уставъ, а мысль и сердце гуляютъ по проселочнымъ дорогамъ, колючимъ и бойкимъ, что именно и случилось съ женской частью семейства Багрова. Вотъ почему нравственное распаденіе въ нѣдрахъ его насъ не удивляетъ: оно совершенно естественно; вотъ почему также нисколько не огорчаетъ насъ и постепенное уничтоженіе въ жизни типовъ, подобныхъ Степану Михайловичу, несмотря на нравственное достоинство ихъ. Они отходятъ къ прошлому, къ исторіи, конечно, съ сочувствіемъ нашимъ, но безъ малѣйшаго сожалѣнія. Мѣсто ихъ должны занять другіе люди, которые отыщутъ лучшій способъ для семейнаго устройства—въ убѣжденіи, что нравственныя начала, внушенныя открытымъ сердцемъ главы дома, развиваются потомъ вообще всѣми членами его. Багровъ все таки существо эгоистическое: онъ вѣруетъ въ одно дѣйствіе своей власти, наслаждается ею и ею испорченъ». (*Анненковъ*. «Восп.»).

Сидорка («Наташа»).—Форрейторъ. «Голосъ» у него былъ пискливый и плаксивый, не умѣлъ сдержать лошадей и терпѣлъ брань и побои отъ кучера.

Солобуева, Мавра Васильевна («Наташа»).—См. *Марья Васильевна С.*

Солобуевъ, Афанасій Флегонтовичъ («Наташа»). — См. *Афанасій Флегонтовичъ С.*

Солобуевъ, Флегонтъ Афанасьевичъ («Наташа»).—См. *Флегонтъ Афанасьевичъ С.*

Спиридонъ («Семейная хроника»).—«Дюжій конюхъ», котораго до старости звали «Спирькой». Со Степаномъ Михайловичемъ ѣздилъ за кучера «въ незатѣйливомъ костюмѣ»: «въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень». Самъ «приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ лыкъ».

Степанъ («Дѣтскіе годы»).—Деревенскій поваръ стариковъ Багровыхъ.

Т.

Танайченокъ, Никонорка («Семейная хроника»). См. *Никонорка Танайченокъ.*

Татьяна Степановна Багрова («Семейная хроника», («Дѣтскіе годы» и «Воспоминанія»). См. *Угличинова.*

Татьяна-Горожана («Семейная хроника»).—Пожилая баба, птичница. «Прозванье «Горожаны» она имѣла потому, что нѣсколько времени смолоду жила въ какомъ то городѣ». За то, что смотритъ хорошо за птицей, Степ. Мих. приказалъ сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полпуду муки на пироги».

Тевкелева, Сальме («Семейная хроника»).—«Прекрасная татарка», «дочь богатаго татарскаго дворянина». Полюбивъ Тимашева, бѣжала отъ отца въ Уфу, гдѣ приняла христіанство. Вышла замужъ за Тимашева. «При помощи природныхъ ея способностей и живости ума въ непродолжительное время она сдѣлалась свѣтскою, интересною дамою, возбуждавшею невольное участіе и невольную зависть, чему конечно много содѣйствовала ея красота и необыкновенность положенія». «Черезъ три года умерла чахоткой, оставя двухъ сыновей и сокрушеннаго горестью мужа».

Тевкелевы («Семейная хроника»). Богатая татарская семья. «Это семейство, точно также какъ и семейство Алкиныхъ, уже приняло тогда нѣкоторую внѣшнюю образованность въ образѣ жизни и говорило хорошо по-русски, но строго соблюдало во всей чистотѣ мусульманскую вѣру».

Терентьевъ, Василій («Дѣтскіе годы»).—Крѣпостной Прасковьи Ивановны. Старикъ, сѣдой, хворый, дряхлый и сгорбленный». «Называли Т. «засыпкой» за то, что онъ былъ «весь бѣлый отъ «мучной пыли»; «мололъ» всякое хлѣбное ухвостье для посылки господскимъ лошадямъ. Когда Алексѣй Степанычъ приказалъ освободить Т. отъ барщины за его старческіе годы и болѣзнь, Т., «услыхавъ такія рѣчи, трясясь всѣмъ тѣломъ, кланялся безпрестанно». Вскорѣ Т. былъ отставленъ отъ всѣхъ работъ и черезъ годъ умеръ».

Терентьева-внукъ («Дѣтскіе годы»).—Ун. л. По словамъ Миропыча, «буянъ и разъ чуть его за горло не сгребъ».

Тимашевъ («Семейная хроника»).—«Одинъ изъ первыхъ и богатыхъ дворянъ Уфимскаго и Оренбургскаго края. Служилъ «капитаномъ въ полку»; влюбился въ «прекрасную татарку» и, «съ помощью солдатъ и офицеровъ, принимавшихъ горячее участіе въ дѣлѣ», увезъ Сальме изъ дома. Послѣ смерти жены Тимашевъ едва не сошелъ съ ума, бросилъ службу, посвятивъ себя дѣтямъ и навсегда остался вдовцомъ».

Тимьянскій, Василій («Собираніе бабочекъ»).—Студентъ. «Охотнѣе всѣхъ» «занимался языками не только французскимъ и нѣмецкимъ, но и латинскимъ, за что и былъ онъ всегда любимцемъ» Эриха, котораго «передразнивалъ въ совершенствѣ», «чѣмъ нерѣдко потѣшалъ студентовъ». Съ большимъ рвеніемъ и любовью собиралъ коллекцію бабочекъ и насѣкомыхъ. Не соглашается открыть секреты» препарированія бабочекъ, «говоря, что тогда откроетъ его, когда сдѣлаетъ значительное собраніе». «Искренно и добродушно вызвался самъ присмотрѣть за» «гусеницами и хризалидами» своего соперника и «заботливо» научилъ его, какъ сохранить бабочекъ отъ моли.

Трейблутъ («Семейная хроника»).—Нѣмецъ-генералъ; «безъ всякой вины жестоко отколотилъ палками» сына Багрова, «несмотря на его древнее дворянство»: хотя и былъ «лютеранинъ, но «былъ въ то же время «строгимъ соблюдателемъ церковныхъ русскихъ обрядовъ». За нѣніе пѣсенъ на улицѣ молодыми унтеръ-офицерами во время церковной службы, «приказалъ ихъ схватить и дать каждому по триста палокъ». Когда Багрова-сынъ, бывшій въ числѣ схваченныхъ, объявилъ, что онъ дворянинъ, генералъ, злобно улыбаясь, сказалъ ему: «—Дворянинъ долженъ быть съ большимъ благоговѣніемъ къ службѣ Господня»—«и въ своемъ присутствіи, въ сосѣдней комнатѣ съ церковью, при торжественномъ нѣніи божественныхъ словословій, звѣрски приказалъ отсчитать триста ударовъ невинному юношѣ, запрещая ему даже кричать, чтобъ не возмущать Господня служба».

Трофимъ («Дѣтскіе годы»).—Кучеръ Багровыхъ. Всегда «покрикиваетъ конямъ»: «—Эхъ, вы милые, пошевеливайтесь!»

Трофимъ, кучеръ («Наташа»).—«Человѣкъ не злой, но любившій припугнуть форрейтора Сидорку». «—Счастливъ ты, собачій сынъ, что воротился, говорилъ онъ хриплымъ басомъ. Я бы на первой кормежкѣ нагрѣлъ спину», говорилъ Т. Сидорка. «—Вишь какъ упарилъ подсѣдельную!»

У.

Угличининова, Татьяна Степановна («Семейная хроника», «Дѣтскіе годы», «Воспоминанія»). Меньшая дочь и любимица Степана Михайловича. Была «чтецомъ и писцомъ отца» и «хозяйкой въ домѣ». Дѣвица романическая». До глубокой старости сохранила дѣвическій, цѣломудренный видъ», «была свѣжа и моложава». «Не получила никакого воспитанія», но «имѣла въ душѣ какое то влеченіе къ образованности и любовь къ природѣ. У ней водились кое какія книжки: старинные романы и театральныя пьески», которыя она «любила читать на островѣ и удить рыбу». «На многихъ берегахъ вырѣзала свое имя и числа разныхъ годовъ и мѣсяцевъ». Послѣ смерти отца находилась въ полной зависимости отъ хозяйки, невѣстки, но Т. С. «захотѣлось хоть подъ старость зажить своимъ домкомъ, имѣть свой уголокъ и быть въ немъ полной хозяйкой; «она вышла замужъ за Угличининова», котораго «нѣжно и горячо любитъ», «живетъ и дышитъ имъ» «участливо, съ заботливымъ вниманіемъ относится къ каждому слову, и движенію его», и «совершенно счастлива». «Въ обращеніи съ мужемъ стыдлива и никогда никакой ласки при свидѣтеляхъ ему не оказываетъ», но наединѣ, по словамъ мужа, «не такъ неприступна». «При другихъ они были далеки между собой, всегда говорили другъ другу «вы» и вообще обходились очень учтиво, что съ перваго взгляда кажется холодностью».

Угличининовъ, Василій Васильевичъ («Воспоминанія»). Подполковникъ, отставной, «изъ самобѣднѣйшихъ дворянъ», «цѣлый вѣкъ» «съ четырнадцати лѣтъ» «служившій на военной службѣ»; «служилъ тихо, исправно», «былъ во многихъ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько ранъ»; «не имѣлъ никакихъ знаковъ отличія, хотя формулярный списокъ его былъ такъ длиненъ и краснорѣчивъ, что, кажется, должно бы его обвѣшать всякими орденами». «Человѣкъ очень простой, добрый, смирный и честный», «до крайности не разговорчивый», «далеко за пятьдесятъ лѣтъ». «Терпѣлъ постоянно нужду»: служба дала ему только «небольшую сумму денегъ, накопленную изъ жалованія, мундиръ безъ эполетъ», стараго коня, «ревматизмъ во всемъ тѣлѣ и катаракту на правомъ глазу», который В. В. «тщательно скрывалъ». По выходѣ въ отставку женился на Евгеніи Степановнѣ, и зажилъ счастливой спокойной жизнью въ маленькой деревушкѣ жены. «Нѣжно и глубоко любитъ» жену, «живетъ и дышетъ» ею. Вся «скромная», «безцвѣтная» жизнь ихъ, несмотря на различіе вкусовъ, имѣла «стройное теченіе», напримѣръ жена его «любила собакъ.—«В. В. совсѣмъ не любилъ ихъ», но самая безобразная хрипучая моська «Калмыкъ» была ему пріятна и дорога, потому что ее любила Евгенія Степановна и онъ кормилъ, ласкалъ отвратительнаго Калмыка». «В. В. и Е. С. вмѣстѣ смотрѣли за своимъ маленькимъ хозяйствомъ и, безъ всякаго отягощенія, все дѣлалось у нихъ вдвое болѣе, скорѣе и лучше, чѣмъ у другихъ»: «собаки и кошки жирнѣе и опрятнѣе, пѣвчія птички веселѣе и голосистѣе, растенія зеленѣе. Подарятъ, бывало, имъ горшокъ какихъ нибудь засыхающихъ цвѣтовъ, они у нихъ оживутъ, позеленѣютъ и необыкновенно разрастутся»: «домикъ ихъ блисталъ опрятностью и чистотою, привлекалъ уютностью, дышалъ спокойствіемъ».

Упадышевскій, Василій Петровичъ («Воспоминанія»). — Надзиратель «благонравной» комнаты, а затѣмъ главный надзиратель казанской гимназіи, вдовецъ, имѣлъ двухъ сыновей. Старикъ съ «привѣтливымъ, добродушнымъ лицомъ», «правая рука подвязана черной широкой лентой, потому что кисть руки была оторвана взрывомъ пушки и вмѣсто нея привязывалась къ рукѣ черная перчатка, набитая хлопчатой бумагой; впрочемъ онъ очень четко и хорошо писалъ лѣвой рукой».—«Доброта этого человѣка, его безкорыстное нѣжное участіе» доходили «до самоотверженія къ людямъ совершенно постороннимъ». Познакомившись съ матерью Багрова-внука, онъ «такъ оцѣнилъ ея горячность къ сыну», что «далъ честное слово: во-первыхъ, черезъ недѣлю перевести Багрова въ свою благонравную комнату,—ибо прямо помѣстить туда неизвѣстнаго мальчика было бы для всѣхъ явнымъ пристрастіемъ, во вторыхъ, смотрѣть за нимъ болѣе, чѣмъ за своими повѣсами т. е. родными сыновьями. Онъ свято исполнилъ и то и другое». У. «не переставалъ и днемъ и ночью наблюдать» за молодымъ Багровымъ. Давалъ совѣты какъ держать себя въ классѣ, съ главнымъ надзирателемъ, «запретилъ жаловаться на обиды товарищей, зная какъ ненавидятъ въ училищахъ ябедниковъ», водилъ его по классамъ, представлялъ учителямъ, «какъ самаго благонравнаго мальчика», просилъ ихъ особенно съ нимъ заняться»; поставилъ кровать Багрова между кроватями самыхъ степенныхъ учениковъ и «поручилъ его ихъ защитѣ» «съ заботливостью матери, всякій день осматривалъ платье и постель, чистоту рукъ, тетрадей и книгъ»: разрѣшалъ, вопреки гимназическимъ правиламъ и замѣчанію главнаго надзирателя, видѣться съ матерью, но замѣтивъ, «что частыя свиданія раздражаютъ слабые нервы мальчика, упросилъ мать Багрова-внука уѣхать домой, «утверждая, что въ такомъ положеніи» Багровъ «никогда не привыкнетъ къ новой жизни», «не сможетъ хорошо учиться и что учителя получатъ объ немъ дурное мнѣніе»; при этомъ подалъ «несчастную мысль» «уѣхать тихонько не простясь съ сыномъ». «Разумѣется», онъ хотѣлъ «пощадить обоихъ, и особенно» сына, «отъ послѣдняго прощанія, но расчетъ оказался невѣренъ»: «Эта благонамѣренная хитрость» послужила причиной нервной болѣзни Багрова. Во время этой болѣзни У. проявилъ безконечное вниманіе къ Б. и согласился даже соврать, чтобы добиться возвращенія Багрова «на попеченіе родителей въ деревню». Когда главный надзиратель Карташевъ, началъ контролировать письма Багрова, вошелъ «въ заговоръ съ мальчикомъ противъ своего начальства» и далъ возможность писать безконтрольно письма къ матери. Главному же надзирателю показывалъ другое письмо «совершенно оффиціальное», написанное Багровымъ подъ диктовку самаго У. При прощаніи съ матерью Багрова «отказался принять подарокъ на память и отвѣчалъ коротко и ясно:—не обижайте меня».

Ф.

Флегонтъ Аѳанасьевичъ Солобуевъ («Наташа»).—«Старинный дворянинъ, владѣлецъ нѣсколькихъ чугунно-плавильныхъ и желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ, и помѣщикъ многихъ деревень; «пріѣхалъ лѣчиться на сѣрныя воды отъ одышки, которой никто у него не замѣчалъ»; «уже 38 лѣтъ» «женатъ на Маврѣ Васильевнѣ, урожденной Савиновой», и «Богъ благословилъ его бракъ тремя дочерьми и однимъ сыномъ». Высокаго роста, и тучный старикъ. «Одѣтъ онъ былъ въ темный сюртукъ»; «на головѣ его была надѣта черная, пуховая шляпа съ широкими полями; длинные, сѣдые волосы лежали по плечамъ; былъ прозванъ «водянымъ старцемъ». Крупныя черты лица были выразительны; въ рукахъ держалъ камышевую трость съ золотымъ набалдашникомъ». Ѣздилъ онъ на крестьянскихъ роспускахъ, сидя «на грудѣ подушекъ, покрытыхъ богатымъ ковромъ», или же «шестерней въ каретѣ». Курить ему подавали «бо-

гатую пѣнковую трубку съ витымъ чубукомъ и огромный кисетъ табаку, который болѣе походилъ на мѣшокъ или кулекъ». «Это былъ велерѣчивый говорунъ; его рѣчь лилась, какъ плавный потокъ, имѣла въ себѣ что-то книжное и высокопарное, и въ то же время что-то добродушное и достолюбезное». «Подъ часъ» онъ бывалъ «скучноватъ, потому что сапожкомъ любилъ распространяться» о «превосходномъ состояніи своихъ заводовъ», «о достоинствахъ своей жены и сына». С. «нерѣдко обращалъ» «свою рѣчь» къ Наташѣ «съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, отчего Наташа смущалась». Онъ говорилъ ей «почтительныя похвалы и любезности, потчивалъ конфектами, мороженнымъ, фруктами, которые надо было доставать за сто верстъ». Но «во всѣхъ этихъ угощеніяхъ и ласкахъ, угожденіяхъ и угощеніяхъ слышалось что-то купеческое и тягостное». Въ концѣ концовъ старикъ С. написалъ Болдухинымъ письмо: «Мы съ Маврой Васильевной, а равно и сынъ нашъ, Аѳанасій Флегонтовичъ, по внушенію Божію, возъимѣли непреложное намѣреніе достигнуть счастья, породниться съ вами. Наидостойнѣйшая, наилюбезнѣйшая и напрекраснѣйшая дочь ваша, Наталья Васильевна, съ той самой поры, какъ я, старикъ, ее впервые увидѣлъ, показалась мнѣ Божіимъ благословеніемъ для нашего сына, о коемъ я молился и молюсь и денно и ночно Господу Богу. Старуха моя и сынъ то же ощутили, когда увидали Наталью Васильевну. Итакъ, милостивые государи, рекомендую вамъ нашего единственнаго сына и единственнаго наслѣдника всѣхъ моихъ имѣній и капиталовъ, просимъ у васъ руки достолюбезнѣйшей Натальи Васильевны для нашего сына. Всѣ дни живота моего будутъ направлены на то, чтобы каждое желаніе Натальи Васильевны угадывать и исполнять и все мое счастье будетъ состоять въ томъ, чтобы она была счаслива».

Флена Ивановна Лупеневская («Семейная хроника»). — Родная племянница Арины Васильевны. «Флена-Пушка, звалъ ее Степанъ Михайловичъ, по причинѣ толщины и малаго роста». «Пѣтая дура, вѣстовщица и пьяница». Выпивала со сна добрую чарку настойки для бодрости». Наученная Александрой Степановной, пріѣхала въ Багрово и «приберегла для «дядюшки любезнаго» «вѣсточку на закуску» о томъ, что Алексѣй Степановичъ «высохъ съ тоски; приворотила его къ себѣ нечистой силой уфимская вѣдьма, дочка набольшаго тамошняго воеводы что ли, намѣстника ли—не знаю... Говорятъ, такая красавица, всѣхъ заполонила, и старыхъ, и молодыхъ, всѣхъ корпями обвела. Всѣ за ней, какъ кобели за сукой, такъ и бѣгаютъ. А голубчикъ-то мой, братецъ Алексѣй Степановичъ такъ врюхался, что ни ѣстъ, ни пьетъ и не спитъ. Все сидитъ у ней, глазъ съ нея не сводитъ, глядитъ да вздыхаетъ, а по почамъ все мимо ея дома ходитъ съ ружьемъ да саблей, все карауллитъ ее...» При встрѣчѣ съ Софьей Ник. «съ перваго взгляда чрезвычайно полюбила» ее и «паговорила ей «такихъ любезностей, отъ которыхъ надобно было краснѣть или хохотать», хотя онѣ «выражали горячее сочувствіе и даже увлеченье».

Фуксъ («Собираніе бабочекъ») — *)

Форрейторъ («Дѣтскіе годы»). — Чувашининъ. Разъ «будучи плохо одѣтъ, онъ такъ озябъ, что упалъ безъ чувствъ съ лошади: его оттерли и довезли благополучно до ближайшей деревни».

Фуасье («Наташа»).—Старуха-гувернантка Болдухиныхъ, или «мадама», «какъ ее тогда называли»; была выписана «черезъ какого-то корреспондента, печатно увѣрявшаго въ газетахъ о своей честности». «Старая француженка», пустая, но «предобрая старуха»; «не знала никакихъ языковъ, кромѣ французскаго, умѣла только ворожить на картахъ и страстно любить свою огромную болонку «Азора». Ф. «плохо знала грамоту по французски»; по развитію она была «нисколько не выше, если не ниже, развитія Евгеши, Наташиной горничной». Наташу называла «mon enfant» и «была въ восхищеніи отъ monsieur Chatoff», «поздравляла» Наташу «съ завидной судьбой и увѣряла, что карты все давно ей сказали».

Философовъ, Никита Никитычъ («Дѣтскіе годы»).—Помѣщикъ; небольшого роста». «Очень живъ и ловокъ». «Шутилъ безпрестанно», «языкъ его называли бритвой», говорили, что Ф. «мертваго разсмѣшитъ».

Х.

Христофоровичъ («Дѣтскіе годы»).—Гость Багровыхъ; офицеръ.

Хозяинъ («Дѣтскіе годы»). — Зажиточный мужикъ; «необыкновенно умный» и «словоохотливый»; смѣшилъ разсказами о своемъ баринѣ.

Хоревъ («Дѣтскіе годы»).—Проворный писецъ Пантелея Григорьевича.

Ч.

Чепрунова, Катерина Алексѣевна («Семейная хроника»).—Уфимская мѣщанка, вдова, родственница Софьи Николаевны, съ материей стороны. «Женщина самая простая и предобрая, жила гдѣ-то въ слободѣ, въ собственномъ домишкѣ, съ небольшимъ однако плодовитымъ садомъ, съ котораго получала небольшой доходъ. Сверхъ того, она содержала себя и единственнаго, обожаемаго кривого сынка своего Андрюшу переторжкою разнымъ мелкимъ товаромъ, и даже продавала калачи на базарѣ. Главный ея доходъ состоялъ въ продажѣ бухарской выбойки, для покупки которой ежегодно ѣздила она на мѣну въ Оренбургъ». «Добрѣйшая», «простодушная» и «безкорыстная женщина» Софью Николаевну «любила безграничнo» и ея обращеніемъ (однимъ наединѣ, другимъ при свидѣтеляхъ) не только не оскорблялась, а даже требовала, чтобы съ нею такъ обходились; она безгранично любила свою непаглядную и родную ей красавицу и смотрѣла на нее какъ на высшее благодѣтельное существо; она бы себя не взлюбила, если бы какъ-нибудь помрачила блестящее положеніе Софьи Николаевны. Когда Алексѣй Степанычъ хотѣлъ поцѣловать грубую руку калачницы, она сама ни за что на это никогда не соглашалась». Съ помощью этой-то Катерины Алексѣевны, которая умѣла все найти и все купить дешевле, устроилась Софья Николавна и скоро и хорошо».

Чесновъ («Воспоминанія»).—Студентъ. «Самый добрый хохотунъ и пошлякъ»; отъ игры своего друга Дмитріева «плакалъ навзрыдъ».

Чекіевъ («Воспоминанія»).—Учитель рисованія. «Большой франтъ», «пустой человѣкъ» и «надоѣдливый пошлый шутникъ».

Чичагова, Катерина Борисовна («Семейная хроника»).—Пріятельница Софьи Николаевны.

Чичаговъ, Петръ Ивановичъ («Дѣтскіе годы»).—Живописецъ и архитекторъ; съ необыкновеннымъ умомъ и дарованіями. «Очень веселъ и словоохотливъ». «Все зналъ на свѣтѣ, читалъ, видѣлъ и самъ умѣлъ дѣлать». Въ черченіи искусенъ. Подарилъ «Тысячу и одну ночь» Шехерезады Багрову-внуку и сумѣлъ «убѣдить Софью Николаевну, что чтеніе «Тысячи и одной ночи» не будетъ ему «вредно». Видя увлеченіе Багрова-внука и безпокойство С. Н., Ч. «только смѣялся и говорилъ, что это ничего, что это такъ быть должно, что это прекрасно!» «Во время страданій, превышающихъ силы человѣческія, онъ употреблялъ опіумъ въ маленькихъ пріемахъ».

———

Ш.

Шицъ, Иванъ Карпычъ («Воспоминанія»).—«Лучшій тогда» докторъ, еврей. «Неумолимымъ голосомъ говорилъ больной Куролесовой: «—Дня четыре проживете»; хотя и «привыкъ къ такимъ эпитетамъ», какъ «жидовское отродье», «но всегда на нихъ злился».

Э.

Энгельгардтъ, Левъ Николаевичъ («Дѣтскіе годы»).—Полковникъ; «по своему росту и дородству онъ казался богатыремъ между другими и къ тому же былъ хорошъ собою. «На груди» у Э. висѣли два креста, одинъ изъ нихъ былъ «золотой съ округленными концами и съ надписью: «Очаковъ взятъ 1788 года 6 декабря». Своими «громозвучными» разсказами изъ военнаго быта Э. пугалъ Багрова-внука. По мнѣнію Э., «разъ дворянинъ, то непремѣнно долженъ служить со шпагой, а не съ перомъ».

Эрихъ («Воспоминанія»). — Адъюнктъ-профессоръ. «Въ гимназіи училъ въ высшемъ классѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, а въ университетѣ былъ сдѣланъ адъюнктомъ латинской и греческой словесности»; «большой лингвистъ, какъ въ новѣйшихъ, такъ и въ древнѣйшихъ языкахъ»; «русскій языкъ онъ такъ коверкалъ, что безъ смѣха нельзя было слушать. Впрочемъ, къ русскому языку онъ обращался только въ крайности, видя иногда, что ученикъ не понимаетъ его, хотя онъ для лучшаго уразумѣнія прибѣгалъ уже ко всѣмъ ему извѣстнымъ языкамъ». «Личность Э.» «была въ высшей степени каррикатурна и забавна».

Я.

Яковкинъ, Илья Ѳедоровичъ («Воспоминанія»). — Директоръ гимназіи и инспекторъ студентовъ. «Прямо былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи, о чемъ всѣ говорили съ негодованіемъ, считая такое быстрое возвышеніе Я. незаслуженнымъ по ограниченности его ученыхъ познаній».

Яковкинъ («Воспоминанія»).—Студентъ, сынъ профессора. Страшно толстъ и весьма ограниченныхъ способностей»; когда «хвастался, что его сдѣлаютъ студентомъ, надъ нимъ всѣ смѣялись».

Ѳедоръ («Дѣтскіе годы»).—Отецъ Параши: считался «великимъ мастеромъ бить въ дудки».

Ѳеклуша («Дѣтскіе годы»).—Горничная дѣвушка стариковъ Багровыхъ.

Ѳ.

Ѳоминъ, Михайло («Воспоминанія»).—Студентъ. «Маленькій, тщедушный», «необыкновенно умный, дѣльный, тихій преимущественно занимавшійся литературой». Когда профессоръ Городчаниновъ «изъявилъ сожалѣніе, что университетское юношество заражено» такимъ «опаснымъ писателемъ» какъ Карамзинъ, «сказалъ на ухо» своему сосѣду: — посмотри, Аксаковъ, какъ я по-

тѣшу этого господина. Въ самомъ дѣлѣ, когда дошла до него очередь, всталъ и громко сказалъ:—Я предпочитаю всѣмъ писателямъ—Сумарокова, и считаю самыми лучшими сто стихами послѣднія слова Димитрія Самозванца»:—«Стунай душа во адъ и буди вѣчно плѣнна». Осминъ сдѣлалъ движеніе рукой со свернутой тетрадью, какъ-будто закололся кинжаломъ, и произнесъ: «—Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!»

ПЕРЕЧЕНЬ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ [1]) С. Т. АКСАКОВА

И

ВХОДЯЩИХЪ ВЪ НИХЪ ТИПОВЪ,

ОБРАЗОВЪ, ЛИЦЪ И ИМЕНЪ [2]).

---

[1]) Произведенія въ „Перечнѣ“ расположены въ алфавитномъ порядкѣ и выдѣлены жирнымъ шрифтомъ.

[2]) Лица, имена и предметы, отмѣченные *, см. ниже „Списокъ“.

Аксаковъ, Сергѣй Тимофеевичъ. Біографическую канву, см. стр. 7-ю. Источники для изученія писателя даны ниже, стр. 88.

Литературное имя пришло къ Аксакову поздно. Пятидесятипяти-лѣтнимъ старцемъ онъ принимается за свое первое произведеніе, давшее ему извѣстность («Записки объ уженьѣ рыбы»). Любопытно сопоставить даты: 1832 г.—знакомство съ Гоголемъ, 1834 г.—очеркъ «Буранъ», 1837 г.—начало близкихъ отношеній къ Гоголю и рубежъ новыхъ литературныхъ взглядовъ, 1843—46 г. и работа надъ «Записками объ уженьѣ», начало «Семейной хроники».

Гоголь, вліяніе новой гоголевской реалистической школы сыграли огромную роль въ творчествѣ Аксакова.

Литературный вкусъ Аксакова образовался подъ вліяніемъ псевдо-классической литературы. Въ юности онъ зачитывался твореніями Ломоносова и Сумарокова, искренно восхищался «сильными мѣстами» трагедій Николева и «русскимъ направленіемъ» Шишкова.

Въ литературномъ спорѣ шишковистовъ и карамзинистовъ Аксаковъ былъ сторонникомъ первыхъ. «Я не любилъ Карамзина и, съ дерзостью самодѣяннаго мальчика, смѣялся надъ слогомъ и содержаніемъ его мелкихъ прозаическихъ сочиненій», характеризовалъ свое тогдашнее литературное направленіе самъ Аксаковъ.

Увлеченіе театромъ, переводы для сцены, театральныя рецензіи и писаніе стиховъ, отъ которыхъ впослѣдствіи самъ С. Т. отрекся, характеризуютъ творчество А—а съ 1812 по 1826 г. (см. ниже «Произведенія ранняго періода»). Знакомства С. Т. ограничиваются писателями старой школы и небольшимъ кружкомъ лицъ, причастныхъ къ театру (см. рубрику «Воспоминанія» и «Списокъ»). Свои литературныя симпатіи и антипатіи А. высказалъ не только какъ писатель, но и какъ цензоръ (1826—1832). О дѣятельности Аксакова и объ его отношеніи къ своимъ литературнымъ противникамъ въ роли цензора, см. въ «Спискѣ» рубрики: *Комитетъ московской цензуры*, *Полевой* и др.

За періодъ времени цензорства А. вся его литературная дѣятельность ограничилась театральными рецензіями въ журналѣ Погодина «Московскій Вѣстникъ». и «Галатеѣ» Раича.

1832—1839 гг. отданы С. Т. службѣ на административно-педагогическихъ должностяхъ, сначала въ роли инспектора, а затѣмъ и директора Межевого Института.

Знакомство съ Гоголемъ открыло Аксакову цѣлый новый міръ. «Появленіе сочиненій Гоголя, замѣчаетъ Ив. Серг. Аксаковъ, произвело такой рѣзкій переворотъ въ общественномъ и, въ частности, въ литературномъ сознаніи, что сочувствіе, или несочувствіе къ Гоголю опредѣляло степень развитія и способность къ развитію самого человѣка». Для С. Т. это «былъ рубежъ, перейдя черезъ который, онъ растерялъ всѣхъ своихъ литературныхъ друзей прежняго псевдо-классическаго нашего литературнаго періода». Со времени знакомства съ произведеніями Гоголя и съ самимъ великимъ писателемъ (1834 г.) начинается пора новой литературной дѣятельности Аксакова, усиливающейся съ каждымъ годомъ и прерванной его кончиной.

Въ первомъ періодѣ, длящемся до 1834 г., Аксаковымъ переведены или вѣрнѣе, согласно вкусу того времени, передѣланы пьесы Софокла и Мольера, написанъ рядъ статей о театрѣ, въ которыхъ Аксаковъ равно восторгался и комедіями кн. Шаховскаго и Писарева и серьезно говорилъ объ ихъ заслугахъ передъ «драматическою словесностью».

Очеркъ «Буранъ» (1834 г.) является первымъ произведеніемъ Аксакова, матеріаломъ для котораго послужило все имъ видѣнное и переиспытанное». До

[1]) Воспоминаніе объ А. С. Шишковѣ.

тѣхъ поръ Аксаковъ искренно былъ увѣренъ, что писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

Даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!»

«Но Гоголь посмотрѣлъ на меня—говоритъ Сергѣй Тимофеевичъ,—какъ-то значительно, и сказалъ, что комизмъ кроется вездѣ; что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что, если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться отъ смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его. Я былъ озадаченъ этой мыслью» [1]). А между тѣмъ въ воспоминаніяхъ, относящихся къ періоду ранней юности, С. Т. говоритъ: «я любилъ натуральную исторію съ дѣтскихъ лѣтъ; книжка на русскомъ языкѣ (которой названія не помню), съ лубочными изображеніями звѣрей, птицъ, рыбъ, попавшаяся мнѣ въ руки еще въ гимназіи, съ благоговѣньемъ, отъ доски до доски, была выучена мною наизусть. Увидѣвъ, что въ книжкѣ нѣтъ того, что при первомъ взглядѣ было замѣчено моимъ дѣтскимъ пытливымъ вниманіемъ, я самъ пробовалъ описывать звѣрьковъ, птичекъ и рыбокъ, съ которыми мнѣ привелось покороче познакомиться. Это были ребячьи попытки мальчика, которому каждое пріобрѣтенное имъ самимъ знаніе казалось новостью, никому неизвѣстною, драгоцѣннымъ и важнымъ открытіемъ, которое надобно записать и сообщить другимъ. Съ умиленіемъ смотрю я теперь на эти двѣ тетрадки въ четверку, изъ толстой синей бумаги, какой въ настоящее время и отыскать нельзя. На страничкахъ этихъ тетрадокъ дѣтскимъ почеркомъ и слогомъ написаны: зайчикъ, бѣлка, болотный куликъ; куличекъ-зуекъ, неизвѣстный куличекъ, плотичка, пискарь и ломокъ: очевидно, что мальчикъ-наблюдатель познакомился съ ними первыми. Вскорѣ я развлекся множествомъ другихъ новыхъ и еще болѣе важныхъ интересовъ, которыми такъ богата молодая жизнь; развлекся, и пересталъ описывать своихъ звѣрьковъ, птичекъ и рыбокъ. Но горячая любовь къ природѣ и живымъ твореніямъ, населяющимъ Божій міръ, не остывала въ душѣ моей, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, обогащенный опытами охотничьей жизни страстнаго стрѣлка и рыбака, я оглянулся съ любовью на свое дѣтство—и попытки мальчика осуществилъ шестидесятилѣтній старикъ: вышли въ свѣтъ «Записки объ уженьѣ рыбы» и «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи!» [2])

Въ полномъ смыслѣ кипучая литературная дѣятельность начинается для С. Т. съ 1843 г., послѣ его удаленія на покой въ Абрамцево, гдѣ идетъ работа надъ «Семейной хроникой»; больной, полуслѣпой старикъ диктуетъ свои «Записки объ уженьѣ» (1845 г.); за ними слѣдуютъ «Записки охотника», рядъ воспоминаній объ охотѣ и первые отрывки «Семейной хроники». Записки объ уженьѣ дали автору нѣкоторую извѣстность, но только появленіе «Семейной хроники» окружаетъ аксаковское имя такъ поздно пришедшей къ нему славой. «Авторитетъ С. Т. какъ художника «установился съ тѣхъ поръ незыблемо», замѣчаетъ Добролюбовъ, хотя для критика «Современника» онъ былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Но публика и критика были поражены именно художественными красотами «Хроники». Студенты Петербургскаго Университета при изданіи своего сборника (Спб. 1857 г.) обратились къ Аксакову, какъ автору произведеній «памятныхъ русской публикѣ, съ просьбой «ободрить ихъ начинаніе», журналы были полны восторженными похвалами художественному таланту» Аксакова, нѣкоторые критики въ «Р. Бес.» находили, что Аксаковъ, «первый изъ нашихъ литераторовъ, взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не отрицательной стороны». Хомяковъ вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ, другіе ставили Ак—а «главой современной литературы», хотя Конст. Аксаковъ уже тогда высказалъ, что отецъ его не только не глава литературы,

[1]) Знакомство съ Гоголемъ.
[2]) Очеркъ „Ловля бабочекъ".

но «стоитъ въ ней совершенно особнякомъ». Ко мнѣнію К. Аксакова присоединяется и новѣйшій критикъ (С. А. Венгеровъ, см. ниже «Семейная хроника»). Успѣхъ «Семейной хроники» былъ неожиданнымъ для самого автора. Вслѣдъ за нею, за короткій промежутокъ не полныхъ трехъ лѣтъ (1857—1859), выходятъ «Дѣтскіе годы» (1858 г.), многочисленныя литературныя и театральныя воспоминанія печатаются въ «Русской Бесѣдѣ» и выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ («Разныя сочиненія». М. 1858), диктуются повѣсть «Наташа», «Очеркъ зимняго дня» и т. д. И такая кипучая дѣятельность продолжается до послѣдняго дня жизни и еще наканунѣ смерти, С. Т. живетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Аленькой цвѣточекъ, сказка ключницы Пелагеи, написана одновременно съ «Дѣтскими годами». Самъ А., «чтобы не прерывать разсказа о дѣтствѣ, помѣстилъ сказку въ приложеніи къ «Д. Г.».

Буранъ, очеркъ. Написанъ въ 1834 г., напечатанъ безъ подписи въ альманахѣ Максимовича «Денница» (М. 1834 г.). Въ журналѣ Полевого «Московскій Телеграфъ», противъ котораго С. Т. былъ настроенъ враждебно и какъ писатель и цензоръ, появился лестный отзывъ о «Бурянѣ»; очеркъ, по словамъ критика «Телеграфа», является «художественнымъ произведеніемъ и въ немъ дано «мастерское изображеніе вьюги въ степяхъ Оренбургскихъ». Появленіе этого отзыва Аксаковъ приписывалъ исключительно тому, что очеркъ явился безъ подписи автора.

Воспоминанія. Появились одновременно съ «Семейной хроникой», см. ниже; объ автобіографическомъ значеніи «Воспоминаній» и о томъ различіи, которое проводилъ авторъ между этимъ произведеніемъ и «Хроникой», см. ниже рубрику: Лица. «Воспоминанія обнимаютъ періодъ времени съ 1799 г. по 1807 г. и раздѣляются на четыре главы: 1) Гимназія (періодъ первый). 2) Годъ въ деревнѣ. 3) Гимназія (періодъ второй). 4) Университетъ.

Ах—въ.—Аристова.—Ашенбреннеръ.—Бенисъ, К.- Баляскиковъ, Петръ.—Болтуненокъ.—Борисовъ, Иванъ.—Бюнеманъ.—Васильевъ, А. И.—Вильфингъ.—Городчаниновъ.—Грузиновъ.—Гуляевъ, Максимъ.—Дмитріевъ, Александръ.—Елагина.—Елагина, Катерина.—Елагина, Настасья.—Елагинъ.—Елагины.—Есиповъ, П.—Жевановъ, Н.—Зыковъ, Петръ.—Ибрагимовъ, И. М.—Камашевъ, Н. И.—Каменскій.—Калмыковъ, Михайла.—Карташевскій, Иванъ.—Квартирмистръ.—Кермикъ, М. Х.—Княжевичъ, Димитрій. — Княжевичъ, Александръ. — Кондыревъ. — Красновъ.—Ласточкинъ.—Левицкій.—Лиза.—Лихачевъ.—Манасеинъ, Эльпидифоръ. — Марковичъ.—Мейснеръ.—Мореевъ.—Надзиратель.—Панаевы.—Парасковья Ивановна Куроѣдова.—Пекенъ.—Пелагея.—Прытковъ.—Пчелякъ.—Риттеръ.—Священникъ.—Упадышевскій.—Чесновъ.—Чекіевъ.—Шицъ.—Эрихъ.—Яковкинъ.—Ѳоминъ.

Дѣтскіе годы Багрова-внука. Являются продолженіемъ «Семейной Хроники» (см. ниже). Въ ноябрѣ 1856 г. Аксаковъ извѣщалъ Тургенева, что онъ пишетъ «книгу для дѣтей, разумѣется, не маленькихъ, а такихъ, которымъ около 12-ти лѣтъ». «Я ничего не придумалъ лучшаго, какъ написать исторію ребенка, начавъ ее со времени баснословнаго до-историческаго и проведя его сквозь всѣ впечатлѣнія жизни и природы, жизни преимущественно деревенской. Какъ бы мнѣ хотѣлось сію же минуту прочесть вамъ нѣсколько тетрадей! Разумѣется, тутъ нѣтъ никакой поддѣлки подъ дѣтскій возрастъ и никакихъ нравоученій. Чувствую, что можно бы сдѣлать дѣло немаловажное, но никакъ не смѣю надѣяться на удачное исполненіе». Въ эту книгу С. Т., «положилъ всю свою душу, все свое дарованіе и все умѣніе, пріобрѣтенное долговременной опытностью», но онъ самъ чувствовалъ, что Россія переживаетъ «переломы», «великое время» (канунъ реформъ 60-хъ годовъ), что «корабль тронулся, и у насъ закружилась голова», поэтому его книга появится « не во время» и «не можетъ быть вполнѣ оцѣнена», ибо важность интереса, если онъ «и сумѣлъ представить его въ простотѣ художественной формы, неминуемо должна ускользнуть отъ развлеченнаго вниманія».

Появленіе «Дѣтскихъ годовъ» вызвало рядъ отзывовъ не только литератур-

ныхъ друзей и единомышленниковъ С. Т.: С. Шевырева (большая статья въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 г. № 10), М. Лонгинова («Моск. Вѣд.» 1858 г. № 8), А. Бекетова (Русск. Вѣстн.» 1858 г. № 6), но и въ противоположномъ лагерѣ русской журналистики. Добролюбовъ посвятилъ мемуарамъ Аксакова двѣ обширныя статьи въ «Современникѣ»—«Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы» и «Разныя сочиненія А—а» (Сочин. т. I); обширная же статья была дана въ «Атенеѣ» 1858 г. № 14. Статьи Добролюбова и неизвѣстнаго автора въ журналѣ «Атеней» явились переоцѣнкой тѣхъ взглядовъ, которые были высказаны критикой относительно художественнаго значенія произведеній Аксакова.

Добролюбовъ оттѣняетъ «фактическую правду аксаковскихъ разсказовъ, то, что жизнь у разсказчика не составлена художественнымъ образомъ изъ обломковъ и лоскутковъ, а просто изображена въ своей фактической вѣрности».

П. Н. Милюковъ проводитъ тотъ же взглядъ на Аксакова-мемуариста. «Для историка русскаго общественнаго движенія, говоритъ Милюковъ,—Аксаковъ—«не классическій беллетристъ, а мемуаристъ, драгоцѣнный и единственный въ своемъ родѣ». «Какъ художникъ, С. Т. А. вызывалъ и будетъ вызывать критику и возраженія; слава въ этомъ отношеніи сильно поблекла еще раньше окончанія его литературной дѣятельности. Какъ «человѣческій документъ» нашего прошлаго, онъ будетъ только возвышаться въ цѣнѣ по мѣрѣ удаленія отъ насъ этого прошлаго». (Изъ исторіи р. интел.).

Архиповъ. — Булгаковъ, Иванъ Николаевичъ. — Воецкая, Софья Николаевна. — Волковъ, Петръ Николаевичъ. — Григорій. — Груша. — Деобольдъ, — Зубинъ, Александръ Николаевичъ. — Жница. — Катерина. — Куроѣдовъ, Иванъ Петровичъ. — Лѣнивцевъ, М. В. — Лѣнивцева-жена. — Мавмотъ Исеичъ. — Мазанъ, Ванька. — Макей. — Матренъ. — Матѳей Васильевичъ. — Мертваго, Дмитрій Борисовичъ. — Мертваго, Иванъ Борисовичъ. — Миницкая, А. П. — Миницкій, Павелъ Ивановичъ. — Миронычъ. — Михайлушка, Михаилъ Максимовичъ. — Михей. — Мужикъ. — Мысеичъ, Екимъ. — Никитинъ. — Калмыкъ, Николай. — Няня — Пантелей Григорьевичъ. — Пекарская. — Петина. — Петинъ. — Плещеева, Варвара Сергѣевна. — Плещеева. — Рейхслейнъ. — Рожнова. — Рожновъ. — Священникъ. — Сергѣй Алексѣевичъ Багровъ-внукъ. — Софья Николаевна Багрова. — Степанъ Михайловичъ Багровъ. — Терентьевъ, Василій. — Трейблутъ. — Трофимъ. — Форрейторъ. — Философовъ. — Хоревъ. — Чичаговъ. — Энгельгардтъ. — Ѳедоровъ, Петръ. — Ѳедоръ. — Ѳеклуша.

Записки объ уженьѣ рыбы. Первое изданіе «Записокъ» (М. 1847 г.) расходилось «ужасно туго». По словамъ С. Т., книги, «расхваленной во всѣхъ журналахъ», за пять лѣтъ «продалось не болѣе 15-ти экземпляровъ». 2 изд. М. 1854 г. 3-ье М. 1856 г. «Записки» доставили Аксакову литературное имя. Въ этой книгѣ, по словамъ Хомякова, авторъ «просто захотѣлъ вспомнить старые годы, прежнія тихія радости, а вслѣдствіе общительнаго нрава пожелалъ передать ихъ другимъ—и написалась книга, о которой авторъ никогда и не мечталъ, чтобы она доставила ему литературную извѣстность».

Самъ авторъ въ предисловіи просилъ читателя помнить, что его книжка не «трактатъ объ уженьѣ, не натуральная исторія рыбъ», а «ни больше, ни меньше какъ простыя записки страстнаго охотника», которыя онъ писалъ для освѣженія «воспоминаній», «для собственнаго удовольствія». «Воспоминанія прошедшаго освѣжало и оживляло меня», говоритъ А. въ письмѣ къ Гоголю (1848 г.), посылая ему экземпляръ перваго изданія «Записокъ».

«Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи», начаты въ 1850 г.; первое изданіе появилось въ 1852 г. (Москва). Объ этой «многочитаемой и многолюбимой книгѣ» И. С. Тургеневъ писалъ въ «Современникѣ»: «всякій, кто только любитъ природу во всемъ ея разнообразіи, во всей ея красотѣ и силѣ, всякій кому дорого проявленіе жизни всеобщей, среди которой самъ человѣкъ стоитъ, какъ звено живое, высшее, но тѣсно связанное съ другими звеньями,—не оторвется отъ сочиненія г. А—ва; «оно станетъ его настольной книгой, онъ будетъ ее съ наслажденіемъ читать и перечитывать; естествоиспытатель придетъ отъ нея въ восторгъ». Немного позднѣе, въ «Письмѣ къ одному изъ редакторовъ «Современ-

ника» (Н. А. Некрасову), тотъ же Тургеневъ болѣе подробно говоритъ о «прекрасной книгѣ Аксакова». (Сочиненія Тургенева т. XII, изд. 1898 г. стр. 295—303).

«Въ нашихъ птицахъ больше жизни, чѣмъ въ моихъ людяхъ», говорилъ Гоголь. Позднѣйшій критикъ и біографъ Аксакова, говоря по поводу его «Записокъ», отмѣчаетъ ихъ «словесное богатство». «Если когда нибудь Академія Наукъ вздумаетъ издать Словарь языка Сергѣя Тимофеевича, то этотъ Словарь будетъ одинъ изъ самыхъ полныхъ, одинъ изъ самыхъ обильныхъ тонкими и разнообразными оттѣнками, и притомъ, не отвлеченными словами, а конкретными, нужными для точной обрисовки реальныхъ качествъ и свойствъ. (С. Венгеровъ. Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ т. I. (См. ниже. «Семейная Хроника»). Характерно слѣдующее замѣчаніе Тургенева: «когда я прочелъ, писалъ И. С., напримѣръ, статью о тетеревѣ, мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно». Если-бъ тетеревъ могъ разсказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ бы къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ авторъ». Первое изданіе «Записокъ» разошлось быстро и, менѣе чѣмъ черезъ годъ, пришлось приступить ко второму изданію. Но «смиренный трудъ, доставившій» автору много удовольствія въ кабинетѣ «во время самой работы», былъ встрѣченъ враждебно со стороны цензуры. Невинный эпиграфъ къ «Запискамъ», взятый изъ юношескаго посланія къ И. И. Дмитріеву [1]), былъ не пропущенъ. Цензоръ Флеровъ «исключилъ, кромѣ разныхъ выраженій, нѣсколько страницъ цѣликомъ». Исключены напр. выраженія: «отлетная строевая птица», и всѣ описанія «тетеревиныхъ токовъ». Такую же «строгость» проявила цензура и по отношенію къ рецензіи Тургенева, выбросивъ изъ нея полторы страницы [2]). Послѣ цѣлаго ряда хлопотъ Аксакову удалось, однако, «уладить дѣло» и второе изданіе было выпущено безъ цензорскихъ выкидокъ.

Литературныя и театральныя воспоминанія. Обнимаютъ періодъ 1812—1830 гг. Написаны въ 1858 г.

Арсеньевъ.—Араповъ, П. Н.—Арцыбашевъ. Н.—Бакунинъ, В. М.—Барановъ.—Батюшковъ, К. Н.—Башиловъ, А. А.—Борисова.—Брянскій, Я. Г.—Булаховъ.—Вальбергъ, М. А.—Вельяшевъ-Волынскій.—Венелинъ.—Верстовскій, А. Н.—Воеводинъ.—Воропановъ.—Высоцкій, Г. Я.—Вяземскій, П. А.—Глинка, С. Н.—Головинъ.—Голицынъ, Д. В.—Горчаковъ.—Данзасъ, Б. К.—Двигубскій—Державинъ, Г. Р.—Дмитріевъ, И. И.—Дмитріевъ, М. А.—Долгорукой, П. М. Долгорукой, Ю. В.—Ежова, Е. И.—Жуковскій, В. А.—Заборовская.—Загоскинъ, М. Н.—Иванова, Е. И.—Ивановъ, О. Ѳ.—Измайловъ, В. В. Ильинъ, Н. Н.—Кавалерова.—Кавелинъ.—Карпакова.—Каченовскій, М. Н.—Калайдовичъ, К. Ѳ.—Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ.—Кошебу.—Крюковской.—Курбатовъ, А. Д.—Лаврова.—Лобановъ.—Маркусъ.—Мартыновъ, П. П.—Матюшкинъ, М. А.—Мерзляковъ, А. С.—Мещерскій, кн.—Мочаловъ.—Мудровъ, М. Я.—Навроэовъ, М. А.—Николевъ, Н. П.—Новиковъ, Н. И.—Озеровъ, Вл. И.—Павловъ, М. Г.—Писаревъ, А. А.—Писаревъ, А. И. Погодинъ, М. П.—Полевой, Н. А. Прокоповичъ-Антонскій, А. А.—Пущинъ, А. С.—Рѣпина, Н. В.—Рязанцевъ.—Сабурова.—Сабуровъ.—Салтыковъ, гр.—Синецкая, М. Д.—Смирновъ.—Сосницкій.—Татищевъ, П. А. Третьяковскій, В. К.—Хомяковъ, А. С.—Шаликовъ, кн.—Шатровъ, Н. М.—Шаховской, А. А.—Шушеринъ, Я. Е.—Щепкинъ, М. С.—Юшневскій [3]).

---

[1]) „Есть однако утѣшитель
Вѣчно юный и живой,
Чудотворецъ и цѣлитель,—
Ухожу къ нему порой...
Ухожу я въ міръ природы,
Міръ спокойствія, свободы,
Въ царство рыбъ и куликовъ
На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ
Въ тѣнь прохладную лѣсовъ
И въ свои младые годы".
Аксаковъ. Сочиненія т. V.

[2]) „Переписка Тургенева съ семьею Аксаковыхъ" перепечатана въ книгѣ составленной *В. Зелинскимъ*: „Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній Тургенева М. 1905 г. Т. 3 ій, стр. 356—572.

[3]) Отсутствіе какого либо указателя и примѣчаній къ аксаковскимъ многочисленнымъ воспоминаніямъ вызываетъ необходимость дать алфавитный перечень лицъ, упоминаемыхъ

Дополненіемъ къ тѣмъ же воспоминаніямъ служитъ, написанный ранѣе, (1852 г.) очеркъ: 1) Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ и современныя ему театральныя знаменитости. Очеркъ, напечатанный въ «Москвитянинѣ» (1854 г. №№ 10 и 11), вызвалъ нѣкоторыя поправки со стороны С. Жихарева въ «Отеч. Зап.» (Октябрь, 1854 г.) и отвѣтъ Аксакова въ томъ же «Москвитянинѣ».

Алехинъ, П. М.—Бергъ,—В. Н. Бобровъ.—Борисова.—Борисовъ.—Вельяминовъ.—Вельяшевъ.—Волынцевъ.—Воробьева.—Воскресенскій, Г. К.—Глинка, С. Н.—Гнѣдичъ, Н. И.—Державинъ, Г. Р.—Дмитревскій, П. И.—Дубровскій.—Дюси(съ).—Есиповъ, П. П.—Жоржъ.—Зловъ.—Ивановъ.—Ильинъ, Н. И.—Калиграфъ, И. И —Калиграфъ, Н. Ѳ.—Карташевскій, Г. П.—Коцебу.—Крюковскій.—Лабзинъ, А. Ѳ.—Лагарпъ.—Лапинъ.—Мартыновъ, А. П. и П. П.—Медоксъ.—Мерзляковъ.—Мертваго. Д. Б.—Озеровъ.—Офренъ.—Плавильщиковъ.—Померанцевъ.—Романовскій.—Рыкаловъ.—Сахаровъ.—Семенова.—Садовскій, П. М.—Троепольская, Т. М.—Уваровъ, С. С.—Шишковъ, А. С.—Шумскій.—Шушеринъ.—Языковъ, Д. И.—Яковлевъ, А. С.

2) *Встрѣча съ мартинистами,* воспоминаніе изъ петербургской жизни (1808 гг.). Написано въ декабрѣ 1858 г.

Алехинъ, П. М.—Балясниковъ.—Вольфъ. Романовскій (Рубановскій).—Іоаннъ, арх.—Казначеевъ, А. И.—Карташевскій, Г. П.—Лабзинъ, А. Ѳ.—Мертваго, Д. Б.—Мартыновъ, А. П. и П. П. Новосильцевъ, Н. Н.—Розенкампфъ.—Романовская, А. И.—Романовскій (Зубановскій) В. В.—Штофрегенъ.—Скуридинъ, А. С. *).—Черевинъ, А. Г.—Юнгъ-Штиллингъ.—Эккартсгаузенъ.

3) *Воспоминаніе объ Алекс. Семен. Шишковѣ.* Написано ранѣе «Литер. и театр. воспоминаній», въ которыхъ Аксаковъ, говоря о Шишковѣ, ссылается на «одно изъ своихъ раннихъ воспоминаній».

Бакунинъ, М. Н.—Бартельсъ.—Бачмановъ.—Блудовъ, Д. Н.—Брянскій.—Венелинъ, Ю. Н.—Висковатовъ.—Гераковъ.—Городчаниновъ.—Горчаковъ, кн..—Державинъ, Г. Р.—Дмитріевъ, И. И.—Ефимьевъ.—Жуковскій.—Каблуковъ.—Казначеевъ, А П.—Карамзинъ, Н. М.—Карбонье.—Карташевскій, Г. П.—Кикинъ, П. А.—Кипренскій.—Кобле.—Кутузовъ, М. И. (князь Смоленскій).—Львовъ, П. Ю.—Мерзляковъ.—Мордвиновъ, Н. С.—Невзоровъ, М.—Оленинъ, А Н.—Писаревъ, А. А.—Розенкампфъ.—Семеновъ, П. Н.—Скуридинъ, Н. С.—Сперанскій, М. М.—Станевичъ.—Строгановъ.—Стурдза.—Турсукова, М. А.—Шаховской, А. А.—Хвостовъ, А. С.—Шихматовъ, С.—Шишковъ (2 ой) А. А.—Шишковъ, А. С.—Шушеринъ, Я. Е.

4) *Знакомство съ Державинымъ.* Первая изъ статей этого рода, написана въ 1852 г.

Бунина, А. П.—Вальбергъ, И. И.—Гнѣдичъ, Н. И.—Голицынъ.—Державина, Д. А.—Державинъ, Г. Р.—Кавелинъ.—Капнистъ.—Карамзинъ, Н. М.—Квашнинъ-Самаринъ.—Кикинъ, П. А.—Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ.—Крыловъ, И. А.—Лопухинъ.—Львова, П. Н.—Львовъ, А. Н.—Львовъ, Ѳ. П.—Мартыновъ, П. П.—Сосницкій.—Шаховской, А. А., кн.—Шишковъ, А. С.—Хвостовъ, гр. А. С.—Хвостовъ, Д. И.

5) *Воспоминаніе о Дм. Петр. Мертваго.* Написано въ видѣ письма къ В. П. Безобразову.

Елагина, А. П.—Кирѣевскіе И. В. и П. В.—Мертваго: В. М., Д. П., М. П. и С. Б.—Сенявинъ.—Чичаговы.

6) *Воспоминаніе о Мих. Ник. Загоскинѣ* представляетъ краткую замѣтку, напечатанную въ «Моск. Вѣд.» 1852 г. Дополненіемъ къ ней служитъ разборъ

---

*) въ аксаковскихъ воспоминаніяхъ, краткія біографическія справки о нихъ и указатель главнѣйшихъ источниковъ даются ниже; см. „Списокъ", стр. 96. Въ „Списокъ" не внесены тѣ лица, о которыхъ либо даны свѣдѣнія самимъ авторомъ „Воспоминавій", либо имена которыхъ не представляютъ историческаго значенія.

«Юрія Милославскаго» и написанная нѣсколько позднѣе «Біографія М. Н. Загоскина».

7) *Нѣсколько словъ о Мил. Сем. Щепкинѣ*,—статья, читанная Конст. Сергѣев. Аксаковымъ на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ М. С. Щепкина (1855 г.). Перепечатана въ видѣ введенія къ «Запискамъ актера Щепкина». М. 1864.

8) *Знакомство съ Гоголемъ*. Воспоминанья остались незаконченными и обрываются на 1841 г. Очень цѣнны «приложенія» къ воспоминаніямъ, заключающія «Замѣтки о Гоголѣ» и письма самого Гоголя къ Аксаковымъ. Въ настоящее время письма вошли въ «Сочиненія и письма Гоголя» т. V и VI изд. 1857 г. Кулиша (не всѣ) и полностью собраны въ послѣднемъ изданіи В. И. Шенрока «Письма Г.» Спб. 1901 г.

Аксаковъ, К. С. — Армфельдъ. — Бѣлинскій, В. Г.—Васьковъ.—Великопольскій П. Е.—Врасскій.—Вяземскій, П. А., кн.—Глинка, Ѳ. Н.—Гоголь, Н. В.—Гоголь, М. Ив.—Дмитріевъ, М. А.—Ефремовъ, А. П.—Жуковскій, В. А.—Загоскинъ, М. Н.—Кавелинъ, А. А.—Карташевскіе. — Кирѣевскій. И. В.—Корниліовъ-Пинскій, М. М.—Лермонтовъ, М. Ю.—Одоевскій, В. Ѳ.—Орловъ, М. Ѳ.—Павловъ, Н. Ф.—Панаевъ, Вл. И.—Панаевъ, П. П.—Пановъ, В. А.—Плетневъ, П. А.—Погодинъ, М. П.—Potot, m-elle.—Пушкинъ, А. С.—Рѣдкинъ.—Самаринъ, Н. Ф.—Смирдинъ, А. Ф.—Соллогубъ, гр. В.—Сосницкій.—Станкевичъ. Н. В.—Толстой, гр.—Тургеневъ, И. С.—Фроловъ, П. Г.—Шевыревъ, С. П.—Шумскій.—Щепкинъ, П. С.—Щепкинъ, проф. П. С.

Лица въ произведеніяхъ Аксакова. Самъ авторъ особенно настаивалъ на различіи своихъ произведеній: «Семейной Хроники» и «Дѣтскихъ годовъ» съ одной стороны, «Воспоминаній» съ другой. По его утвержденію, въ то время, какъ первыя два произведенія написаны по разсказамъ семейства Багровыхъ, близкихъ сосѣдей Аксакова, «Воспоминанія» являются частью его личной біографіи. Смѣшеніе «Семейной Хроники» и «Воспоминаній», разсматривавшихся критикой какъ одно цѣлое, вызывало неудовольствіе со стороны автора, такъ какъ только «усиливало толки и пересуды, непріятные для родственнаго чувства». «Неужели слова мои, что «Хроника» ничего не имѣетъ общаго съ Воспоминаніями», не заслуживаютъ уваженія пишущихъ о моей книгѣ», спрашиваетъ Аксаковъ Тургенева, по прочтеніи отзыва о своей книгѣ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Но еще Анненковъ въ «Современникѣ» отмѣтилъ, что «Семейная Хроника Багровыхъ» путемъ искусства миновала щекотливость семейныхъ понятій о приличіи, не подавъ повода жаловаться на пристрастное развитіе одной какой-либо стороны въ ущербъ другой, а главное—тѣмъ, что авторъ не сдѣлалъ изъ фамильныхъ преданій средства для заявленія своей собственной страсти, своихъ личныхъ наклонностей, хотя бы въ сущности и заслуживающихъ уваженія». Эта статья произвела на Аксакова «отрадное успокоительное впечатлѣніе». «Какъ ни дороги, ни лестны для меня отзывы критика о художественномъ достоинствѣ и значительности моего труда, но всего дороже для меня то, что онъ оцѣнилъ мою рѣшимость напечатать книгу; онъ утвердилъ меня въ мысли, что я долженъ былъ такъ поступить. Я зналъ, что найдутся подлецы или глупцы, которые не пощадятъ болѣзненной стороны моего сочиненія, что они обрадуются случаю уязвить меня въ больное мѣсто; я зналъ, что близкіе люди будутъ недовольны появленіемъ въ печати моей «Хроники» и «Воспоминаній»; я на все это рѣшился, и статья Анненкова наградила меня за эту рѣшимость. Если онъ въ Петербургѣ, то скажите ему отъ меня мою душевную благодарность и прибавьте отъ себя (по секрету), что онъ утвердилъ меня въ намѣреніи написать четвертый отрывокъ «Семейной Хроники», въ которой жизнь молодыхъ Багровыхъ покажетъ будущее ея развитіе, и до котораго дотронуться мнѣ уже не возможно».

[1]) Переписка Аксаковыхъ съ Тургеневымъ съ примѣчаніями акад. Л. Н. Майкова напечатана въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1897 г. №№ 4—5 Перепечатана въ вышеуказанномъ сборникѣ Зелинскаго, вмѣстѣ съ письмами А—вымъ Тургенева, появившимися ранѣе въ „Вѣстн. Евр.“ 1894 г. №№ 1—2.

Позднѣе Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ предисловіи къ неоконченной повѣсти отца находилъ, что нѣтъ уже болѣе надобности скрывать, что эта повѣсть не вымыселъ и составляетъ продолженіе «Семейной Хроники». Тотъ же И. С. раскрылъ псевдонимы дѣйствующихъ лицъ. Приводимъ для большей наглядности въ особой табличкѣ фамиліи дѣйствительныхъ лицъ и рядомъ съ ними тѣ псевдонимы, подъ которыми ихъ вывелъ С. Т. въ своихъ произведеніяхъ.

I. Въ дѣйствительности.

1) Аксаковъ, Степанъ Михайловичъ (дѣдъ С. Т.).
2) Аксакова, Ирина Васильевна (бабка С. Т.).
3) Аксаковъ, Тимофей Степанычъ (отецъ С. Т.).
4) Аксакова, Марья Николаевна (мать С. Т.).
5) Аксакова, Наташенька (сестра С. Т.).
6) Куроѣдовъ, Михайло Максимовичъ.
7) Куроѣдова (Аксакова), Надежда Ивановна (тетка С. Т.).
8) Зубова (фамилія матери С. Т. въ дѣвичествѣ).
9) Мосоловъ.
10) Титовъ.

II. „Семейная хроника", „Дѣтскіе годы".

Багровъ, Степанъ Михайловичъ (1) [1]).
Багрова, Арина Васильевна (2).
Багровъ, Алексѣй Степановичъ (3).
Багрова, Софья Николаевна (4).
Багрова, Надеженька (5).
Куролесовъ, Михайло Максимовичъ (6).
Куролесова (Багрова), Прасковья Ивановна (7).
Зубина, Софья Николаевна (8).

III. „Наташа".

Болдухинъ, Василій Петровичъ (3).
Болдухина, Софья Николаевна (4).
Болдухина, Наташа (5).
Солобуевъ (9).
Шатовъ (10).

Наташа, неоконченная повѣсть. Продиктована А. во время болѣзни; отрывокъ изъ нея въ № 2 «Русской Бесѣды» за 1860 г. Въ полномъ видѣ рукопись была напечатана только послѣ смерти автора въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г. №№4 и 5. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ своемъ примѣчаніи къ «Наташѣ» досказываетъ дальнѣйшее содержаніе повѣсти:

«Разсказъ Сергѣя Тимофеевича прерывается на томъ, какъ Шатовъ, уже получившій согласіе 16-лѣтней Наташи и ея родителей, уже объявленный женихомъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ становится все менѣе и менѣе симпатиченъ невѣстѣ и смущеніе начинаетъ овладѣвать душою молодой дѣвушки. Мы можемъ досказать эту исторію: свадьба разстроилась, и Наташа или Надежда Тимофеевна вышла замужъ за Солобуева, т. е. Мосолова. Но это замужество продолжалось не долго: года черезъ четыре онъ умеръ, а потомъ года черезъ два молодая вдова вышла 1817 г. замужъ за извѣстнаго читателямъ «Семейной Хроники» и «Воспоминаній» умнаго, образованнаго Григ. Ив. Карташевскаго. «Кажется, въ намѣреніи автора было разсказать замужество «Наташи» съ Солобуевымъ» и изобразить всю отвратительную картину семейныхъ нравовъ въ средѣ богатыхъ помѣщиковъ-за-

[1]) Цифры въ скобкахъ соотвѣтствуютъ цифрамъ первой таблицы.

водчиковъ Вятской губерніи въ началѣ нынѣшняго вѣка, матеріаломъ для чего, кромѣ личныхъ воспоминаній Сергѣя Тимофеевича, должны были служить и воспоминанія, написанныя нарочно, по его просьбѣ, самою «Наташею» или Н. Карташевской [1]), уже въ 1858 г.

Ардальонъ Семенычъ Шатовъ. — Аѳанасій Флегонтовичъ Солобуевъ. — Буфетчикъ.—Варвара Михайловна Болдухина.—Григорій Максимычъ Виноскій.—Евгеша.—Иванъ Маркычъ. — Камердинеръ.—Кучеръ.—Мавра Васильевна Солобуева.—Моринъ Ивановичъ Шевалье-де-Глейхенфельдъ. — Наташа Болдухина — Петръ Андреичъ Глазовъ. — Петрушка Болдухинъ.—Прачка.—Сидорка.—Трофимъ.—Флегонтъ Афанасьичъ Солобуевъ.—Фуасье-де.

Очеркъ Зимняго дня. Авторская дата: Москва, 1858 г. декабрь. Разсказъ ведется отъ перваго лица и относится къ воспоминаніямъ 1813 года. Послѣднее произведеніе, продиктованное уже смертельно больнымъ Аксаковымъ.

Произведенія ранняго періода.

1) *Филоктетъ*, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, сочиненная на греческомъ языкѣ Софокломъ, а съ греческаго на французскій переложенная Ла-Гарпомъ, переводъ съ франц. Аксакова. М. 1816 г. Книга была издана «въ пользу бѣдныхъ, но, увы, замѣтилъ С. Т., бѣднымъ пришлось бы не выручить своихъ денегъ, еслибъ трагедія была напечатана на ихъ счетъ: всего разошлось экземпляровъ семьдесятъ, а остальные сгнили въ кладовыхъ у Ширяева» (тогдашняго книгопродавца), «или проданы на вѣсъ для издѣлій изъ папье-маше». Переводъ посвященъ актеру Я. Е. Шушерину и предназначался для его бенефиса.

2) *Сатиры Буало.* Аксаковъ усердно переводилъ или вѣрнѣе перелагалъ на русскіе нравы сатиры Буало. Имъ переложены 10-я и отрывки изъ 8-й сатиры. Впослѣдствіи самъ С. Т. называлъ это переложеніе слѣдствіемъ «нелѣпаго направленія, которому подчинилась большая часть литераторовъ того времени». Переводъ X сатиры съ посвященіемъ «почтеннѣйшему другу» Ѳ. Ѳ. Кокошкину вышелъ отд. изд. (М. 1821 г.) и, по словамъ С. Т., «имѣлъ успѣхъ и переводчикъ былъ удостоенъ избранія въ члены Общества любителей россійской словесности».

3) *Школа мужей*, комедія Мольера, переводъ въ стихахъ С. Т. Аксакова; не была напечатана и по рукописи давалась на петербургской императорской сценѣ (первое представленіе 13 мая 1819 г.); переводъ былъ исправленъ для бенефиса Щепкина (1828 г.).

4) *Скупой*, комедія Мольера, въ прозаическомъ переводѣ Аксакова. Дозволена къ представленію въ 1828 г. Переводъ сдѣланъ для артиста Щепкина, который, по словамъ С. Т., «тосковалъ по Мольерѣ».

5) *Стихотворенія* Аксакова помѣщались въ «Трудахъ Казанскаго Общества любителей отечеств. словесности» (1815 г.) «Вѣстникѣ Европы» (1821) «Трудахъ Общества любит. Рос. словесн.» (1828 г.), «Московскомъ Вѣстникѣ» пьесы (1828—1829 г.г.). Незадолго до смерти Аксаковъ снова вернулся къ стихамъ. Извѣстны его «Посланіе къ А. Н. Майкову» (1857 г.)—отвѣтъ на посвященіе С. Т. пьесы Майкова. «Рыбная ловля» и стихотвореніе, напечатанное въ «Днѣ»: «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи» (1858 г.).

6) *Статьи и театральныя замѣтки* Аксакова съ 1825—1830 гг. появлялись въ «Вѣстникѣ Европы» (1825 и 1830 г.), «Галатеѣ» 1829 г., «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 и 1830 гг. и, главнымъ образомъ, въ выходившихъ въ 1828 г. «Драматическихъ прибавленіяхъ» къ «Моск. Вѣстн.», гдѣ печатался А. подъ псевдонимами «Л. Р. Т.» или полностью «Любитель русскаго театра», N. N, 200—1 С. А., С. А—въ.

Разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ, появились въ отдѣльномъ изданіи 1855 г. Первоначально эти разсказы предназначались для

[1]) Скончалась въ 1887 г.

задуманнаго А. въ 1853 г. «Охотничьяго Сборника».—Этотъ сборникъ, по мысли С. Т., долженъ былъ выходить ежегодно по широкой программѣ. Къ участію въ изданіи А. думалъ привлечь своихъ друзей и «обратиться съ просьбою къ охотникамъ всей Россіи о содѣйствіи». Тургеневъ поддержалъ «блистательную мысль» А. и обѣщалъ дать для перваго тома двѣ своихъ статьи. Однако, московскій цензурный комитетъ не рѣшился дозволить «Сборникъ», какъ періодическое изданіе». Главное управленіе цензуры, несмотря на хлопоты А., отклонило его просьбу, т. к. въ управленіи «возникло сомнѣніе въ томъ, обладаетъ ли С. Т. Аксаковъ достаточною благонамѣренностью для изданія какого бы то ни было сборника, хотя бы и охотничьяго». Поводомъ къ отказу было выставлено неудобство утруждать высшее начальство «такими маловажными предметами, какъ охотничьи статьи», а безъ разрѣшенія этого начальства Главное Управленіе дать позволенія на періодическое изданіе не могло. Въ 1855 г. Аксаковъ приступилъ къ печати своего сборника, давъ ему иное названіе. Къ книгѣ, заключающей статьи А., приложенъ присланный Тургеневымъ очеркъ «О соловьяхъ» (См. Сочиненія Тургенева т. XII и Сочиненія Аксакова т. V). Изданіе было снабжено слѣдующимъ предисловіемъ «къ читателямъ»: «Мои Записки объ уженьѣ рыбы» и особенно «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» были такъ благосклонно приняты читающей публикой, что я рѣшился написать и напечатать все, что знаю о другихъ охотахъ, которыми я нѣкогда съ горячностью занимался кромѣ удовлетворенія собственной потребности. — Есть что-то невыразимо утѣшительное и обольстительное въ мысли, что, передавая свои впечатлѣнія, возбуждаешь сочувствіе къ нимъ въ читателяхъ, преимущественно охотникахъ до какихъ-нибудь охотъ. Вотъ причина, заставляющая меня писать: я признаюсь въ ней откровенно, равно и въ желаніи, чтобы книжка моя имѣла такой же успѣхъ, какъ и прежнія мои охотничьи записки».

«Семейная хроника». Первые отрывки ея начаты А. въ половинѣ 40-хъ годовъ, но работа двигалась медленно. «Сем. Хр.» пишется какъ-то вяло», говоритъ С. Т. въ письмѣ къ Гоголю отъ 21 іюня 1848 г. и, дѣйствительно, А. были закончены первые три очерка только въ 1854 г.

Отъ предложенія Каткова помѣстить свое произведеніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ», Аксаковъ отказался, предпочитая издать сочиненіе цѣликомъ отдѣльной книгой. «Къ сожалѣнію, писалъ онъ Тургеневу, въ письмѣ отъ 13 ноября 1855 г., я не могъ принять его (т. е. Каткова) великолѣпно выгоднаго предложенія относительно моей книги: ибо литературная совѣсть не позволила мнѣ разорвать мое сочиненіе на восемь книжекъ журнала». «Семейная Хроника», вмѣстѣ съ «Вспоминаніями», вышла въ концѣ 1855 г. (М. 1856 г.), заключая первые три отрывка: 1) «Степанъ Михайловичъ Багровъ», 2) «Михайло Максимовичъ Куролесовъ» и 3) «Женитьба молодого Багрова».—Второе изданіе (М. 1858 г.) дополнено двумя новыми отрывками: 4) «Молодые въ Багровѣ» («Русская Бесѣда №2—1856 г.) и 5) «Жизнь въ Уфѣ» (« Русскій Вѣстникъ» 1856 г. №15). Успѣхъ «Семейной Хроники», по словамъ самого Серг. Тим., былъ огромный. «Какъ бы ни были велики мои надежды на успѣхъ моей книги, писалъ старикъ Аксаковъ своему сыну Ивану, дѣйствительность превзошла всякія самолюбивыя ожиданія». «Все крикливое, шумливое, заносчивое, всякая выходка становится неумѣстною, неприличною, жалкою передъ воздержанностью тона вашей книги, передъ зрѣлостью суда, предъ спокойствіемъ изложенія», замѣчалъ въ письмѣ къ отцу младшій Аксаковъ (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ т. II).

Н. А. Добролюбовъ позднѣе отмѣчалъ, что, по выходѣ «Семейной Хроники», «всѣ журналы полны были восторженными похвалами таланту г. Аксакова, обнаруженному имъ въ «Семейной Хроникѣ» (т. I, стр. 245). «Изданіе «Семейной Хроники», замѣчаетъ тотъ же критикъ въ другомъ мѣстѣ (по поводу аксаковскихъ «Воспоминаній») встрѣчено было такимъ восторгомъ, какого, говорятъ, не бывало со времени появленія «Мертвыхъ Душъ»... Всѣ журналы наполнились статьями о

С. Т. Аксаковѣ [1]). «Не всѣ критики выказали одинаковую проницательность въ опредѣленіи достоинствъ «Семейной Хроники», но всѣ одинаково напоминали намъ тѣ времена, въ которыя существовали у насъ россійскіе Пиндары, Мольеры и Вольтеры. Одни изъ критиковъ увѣряли, что С. Т. Аксаковъ по спокойствію и ясности своего міросозерцанія есть не что иное, какъ новый Гомеръ; другіе утверждали, что по удивительному искусству въ развитіи характеровъ онъ скорѣе всего есть русскій Шекспиръ; третьи, гораздо умѣренные, говорили, что С. Т. Аксаковъ есть не болѣе какъ нашъ Вальтеръ Скоттъ [2]). Ниже Вальтеръ Скотта, впрочемъ, ни одинъ изъ критиковъ не спускался».

Добролюбовъ заявилъ, что онъ «слишкомъ уважаетъ фактическую правду мемуаровъ Аксакова, чтобы силиться отыскивать въ нихъ еще правду художественную».

Успѣхъ «Семейной хроники» «удивилъ самого автора и это обстоятельство А. объяснялъ тѣмъ, что онъ, проживъ жизнь, «сохранилъ теплоту и живость воображенія», поэтому-то и его «обыкновенный талантъ» произвелъ «необыкновенное дѣйствіе», т. е., говоря словами критика «Русской Бесѣды», «выражаемая мысль какъ бы сама становится передъ вами, не давая чувствовать своей словесной оболочки». Взглядъ П. Н. Милюкова на историческое значеніе записокъ Аксакова примыкаетъ ко взгляду Добролюбова. «Высокую художественную цѣнность» отстаиваетъ за произведеніями А—а Венгеровъ, считая «С. Х.» ни романомъ, ни повѣстью, ни мемуарами, а произведеніемъ «въ высшей степени своеобразнымъ», «ни подъ одинъ изъ обычныхъ разрядовъ литературныхъ произведеній не подводимымъ» и «дѣйствительно, (какъ утверждалъ еще К. С. Аксаковъ) «особнякомъ» стоящимъ въ литературѣ.

«Наряду съ пейзажемъ и общимъ колоритомъ свѣжести и непосредственности,—говоритъ С. А. Венгеровъ, остается неизмѣннымъ въ «Семейной хроникѣ» и другой элементъ, сообщающій такую высокую художественную цѣнность звѣроловнымъ книжкамъ Сергѣя Тимофеевича,—его умѣнье давать яркія и выпуклыя характеристики. И какъ въ тѣхъ же звѣроловныхъ книжкахъ это умѣнье тоже имѣетъ своимъ источникомъ удивительную беллетристическую память Сергѣя Тимофеевича, пронесшую черезъ многія десятилѣтія сотни и тысячи характерныхъ подробностей. Само собою разумѣется, что человѣкъ, проявившій поразительную наблюдательность относительно правовъ птицъ, рыбъ и звѣрей, тѣмъ въ большей степени долженъ былъ проявить ее, когда дѣло коснулось близкихъ ему людей и обстановки, среди которой онъ провелъ наиболѣе впечатлительные годы жизни. И, дѣйствительно, число сохранившихся въ памяти Сергѣя Тимофеевича подробностей о помѣщичьей жизни было такъ велико, что въ «Дѣтскихъ годахъ Багровънука» оно ему даже сослужило весьма дурную службу, загромоздивъ разсказъ чрезмѣрнымъ множествомъ мелочей[3]), но въ «Семейной хроникѣ» именно это поразительное богатство деталей придало всему произведенію удивительную сочность

---

[1]) Отзывы о „Сем. Хроникѣ“ появились не только въ русскихъ журналахъ „Современникъ“ (нѣсколько замѣтокъ и статей), „Русская Бесѣда“ (большая статья Н. Г—ва. 1856 г. № 1) „Отечеств. Записки“ (ст. Дудышкина 1856 г. № 4), „Русскій Вѣстникъ“ (№ 7), но и заграничныхъ изданіяхъ: „Revue de deux Mondes“, „Jahreszeiten“ и мн. пр.

[2]) Сравненіе Аксакова съ Вальтеръ-Скоттомъ сдѣлано было въ томъ же „Современникѣ“ 1856 г. П. В. Анненковымъ (см. его „Воспоминанія и критическіе очерки“ т. III).

[3]) Наоборотъ, Добролюбовъ считаетъ такое „загроможденіе“ вполнѣ умѣстнымъ, т. к. въ истинномъ историческомъ повѣствованіи каждая подробность можетъ, при случаѣ, пригодиться если не тому, то другому.

„Тотъ кто обратитъ вниманіе, писалъ Добролюбовъ, на историческое значеніе Записокъ С. Т. А., тотъ не посѣтуетъ на автора за излишнюю растянутость его повѣствованія“.

Оба критика подходятъ съ разными критеріями къ произведеніямъ Аксакова и отсюда такая противоположность въ оцѣнкѣ. То что съ художественной точки зрѣнія является „весьма дурной службой“, то съ точки зрѣнія историко-общественной пріобрѣтаетъ иное значеніе.

и жизненность. Кто знакомъ съ «Семейной хроникой», даже только по вошедшему во всѣ хрестоматіи «Доброму дню Степана Михайловича», согласится, конечно, что едва-ли во всей русской литературѣ есть другая болѣе полная физіологическая картина помѣщичьей жизни добраго стараго времени, съ ея удивительною смѣсью симпатичнѣйшаго добродушія и дикаго, подчасъ даже звѣрскаго, самодурства. И какъ во всѣхъ истинныхъ шедеврахъ литературы яркость и полнота картинъ и характеристикъ «Семейной хроники» отнюдь не связана съ болтливостью. Много ли занимаютъ мѣста портреты добродѣтельнаго деспота Степана Михайловича, безцѣльно рвущейся куда-то Софьи Николаевны, ея кроткаго и симпатичнаго мужа, наконецъ, характерной четы Куролесовыхъ? Какихъ-нибудь 1, $^1/_2$ листа. Да и вся-то «Семейная хроника» со всей галлереей дѣйствующихъ лицъ ея, со всѣми ея разнообразными событіями, растянувшимися на пространствѣ многихъ лѣтъ, занимаетъ меньше 15 листовъ разгонистой печати. А между тѣмъ какъ все это рѣзко запечатлѣвается въ воображеніи читателя, какъ живо вырисовывается во весь свой ростъ. Такова сила истинно-художественныхъ пріемовъ».

Аксютка.—Алакаева.—Александра Петровна Зубина.—Александра Степановна Багрова.—Алексѣй Степановичъ Багровъ.—Аннушка.—Арина Васильевна Багрова.—Бактеевъ.—Болтуненокъ.—Евсеичъ.—Елизавета Степановна Багрова.—Зубины.—Иванъ Петровичъ Неклюдовъ.—Калминскіе.—Луневская, Флена Ивановна.—Мазанъ.—Ванька.—Михайла Максимовичъ Куролесовъ.—Михайлушка.—Пантелей Григорьевичъ.—Параша.—Петрушка.—Прасковья Ивановна (Багрова) Куролесова.—Курмышева.—Рузанъ, Николка.—Сергѣй Алексѣичъ Багровъ.—Софья Николаевна Багрова (Зубина).—Спиридонъ.—Староста.—Степанъ Михайловичъ Багровъ.—Танайченокъ.—Татьяна Степановна Багрова.—Татьяна-Горожана.

Собираніе бабочекъ, разсказъ изъ студентской жизни; написанъ незадолго до кончины автора (1859 г.); появился въ печати, послѣ смерти С. Т., «Братчина» учено-литературный сборникъ, изданный бывшими студентами Казанскаго университета, подъ редакціей П. И. Мельникова (А. Печерскаго) Казань. 1859 г.

Безобразовъ.—Германъ.—Евсеичъ.—Зыковъ.—Иванъ Малышъ.—Кайсаровъ.—Левицкій.—Панаевы.—Пестряковъ.—Петръ Балясниковъ.—Тимьянскій.—Филатовъ, Фуксъ.—Эрихъ.—* (См. приложеніе 2-ое. *Списокъ*).

Сочиненія С. Т. Аксакова. Отдѣльные томы сочиненій С. Т. выдержали рядъ изданій; наибольшій успѣхъ среди читателей имѣли «Семейная Хроника» и «Записки ружейнаго охотника».

Полное собраніе сочиненій А. было предпринято книгопродавцемъ Н. Г. Мартыновымъ въ 1886 г. Изданіе вышло въ шести томахъ подъ редакціей И. С. Аксакова и П. А. Ефремова. Къ первому тому были приложены очеркъ А. С. Хомякова и «Воспоминаніе объ Аксаковѣ» М. Н. Лонгинова. Половина четвертаго тома отведена произведеніямъ ранняго періода дѣятельности писателя. Въ девятидесятыхъ годахъ прошл. ст. право собственности на сочиненія Аксакова перешло къ московской фирмѣ А. Карцева, которая повторила (для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ томовъ по нѣсколько разъ) первое изданіе. «Записки ружейнаго охотника» и «Записки объ уженьѣ» прилагались къ охотничьему журналу «Природа и Охота»; дополненія и примѣчанія, сдѣланныя для этого изданія, перепечатаны и въ полномъ Карцевскомъ изданіи (т. т. V и VI).

Въ апрѣлѣ 1909 года истекъ срокъ собственности на сочиненія Аксакова, и онѣ одновременно вышли во многихъ изданіяхъ (Сытина, Поповой, «Всходовъ» и др.), но всѣ эти изданія являются только перепечаткой или «избранныхъ произведеній» Аксакова, или даваемыхъ въ извлеченіяхъ (изд. О. Н. Поповой). Тогда же вышло роскошное иллюстрированное изданіе «Записокъ охотника» съ таблицами въ краскахъ и научными примѣчаніями профес. Мензбира. М. 1909 г.

Источники для изученія С. Т. Аксакова.

Аксаковъ И. С. Очеркъ семейнаго быта Аксаковыхъ. Изъ переписки И. С. Аксакова М. 1888 г.

Анненковъ, П. В. Воспоминанія и критическія статьи. Т. 2-й. Спб.

Архангельскій, А. С. проф. «Русское Обозрѣніе» 1895 г. Іюнь—Сентябрь.

Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. 20 т. Спб. 1890—1906.

Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики, т. II, вып. I. (Семья Аксаковыхъ) Спб. 1905 г. Изд. М. Пирожкова.

Буличъ, Н. Н. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета. Казань. 1887.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. I, Спб. 1889 г.

Вѣтринскій, Ч. Біографическій очеркъ (при сочиненіяхъ А — а, изданіе О. Н. Поповой) Спб. 1909 г.

Горнфельдъ, А. «Русское Богатство». 1909 г. Апрѣль.

Добролюбовъ, Н. А. Сочиненія. Т. I, изд. 7-ое.

Лонгиновъ, М. Н. Воспоминаніе о С. Т. А—ѣ (перепечатано въ 1-мъ томѣ Полнаго Собранія Сочин. А—а 1886 г.).

Милюковъ, П. Н. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Спб. 1903 г. Изд. т-ва «Знаніе».

Острогорскій, В. П. С. Т. Аксаковъ, біографическій очеркъ. Спб. 1891 г. Изд. Н. Мартынова.

Панаевъ, И. И. Литературныя воспоминанія. (Сочин. т. 6-й).

Полевой, К. А. Записки. Спб. 1888 г. Изд. А. Суворина.

Протопоповъ, М. Литературно-критическіе очерки. Спб. 1895 г.

Смирновъ, В. Д. Аксаковы, біографическій очеркъ. «Біографическая библіотека» Ф. Павленкова. Спб. 1895 г.

Тургеневъ, И. С. Сочиненія, т. XII. Изд. Маркса, Спб.

Хомяковъ, А. С. С. Т. А—ъ (перепечатано изъ «Русск. Бесѣды» 1859 г. при 1-мъ томѣ сочиненій А—а, изд. 1886 г.

Юшковъ, Н. Первый студентъ Казанскаго университета. К. 1891.

Полный сводъ статей и замѣтокъ о С. Т. Аксаковѣ (до 1896 г.) данъ въ «Источникахъ Словаря р. писателей» С. А. Венгерова. Спб. 1900 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) СВОДЪ НАРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ И ВЫРАЖЕНІЙ.

2) ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ АКСАКОВА.

3) СПИСОКЪ ЛИЦЪ, ИМЕНЪ И НАЗВАНІЙ.

4) МѢСТО ДѢЙСТВІЯ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ АКСАКОВА.

Приложеніе 1-ое.

Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій.

Бабье царство («Дѣтскіе годы»).

Варваръ («о варваръ! какой славный и здоровенный!»—д-ръ Клоусъ о новорожденномъ. Сем. Хр.»).

Врѣзаться (влюбиться).—«Сем. Хр.

Гусь лапчатый (денщикъ о Куролесовѣ.—«Сем. хр..

Глаза разодрало («Куролесовское наслѣдство всѣмъ глаза разодрало» Сем. хр»).

Звѣрь полосатый (денщикъ о Куролесовѣ).—«Сем. хр.»).

Дворянка вчерашняя («Сем. хр.»).

«Извергъ рода человѣческаго» (о Куролесовѣ.—«Сем. хр.»).

Махинація—продѣлка («Д. Годы»).

Медвѣдь-медвѣдемъ! (Что за трава! Медвѣдь медвѣдемъ!—«Д. Годы»).

Мурья—конура, лачуга («Д. Годы»).

На сѣмены и ѣмены (на сѣмяна и ѣду) «Сем. хр.»).

Надо рубить дерево по себѣ («Сем. хр.»).

Не широки въ перьяхъ—(Вѣдь мы, братъ, «не широки въ перьяхъ» Сем. хр.»).

Натянуться (въ смыслѣ напиться виномъ.—«Д. годы»).

Нора, такъ называлъ Степ. Мих. комнаты («послѣ ужина сейчасъ разошлись по своимъ мѣстамъ, или по своимъ норамъ».—Сем. хр.»).

Отлично-хорошо («кумысъ приготовлялся отлично-хорошо—«Д. годы»).

«Отъ солнышка не защита и отъ дождя не епанча»—(выраженіе Софьи Николаевны.—«Сем. хр.»).

Первозимье (по первозимью) «Д. годы».

Поклониться—голова не отвалится,—выраженіе Ст. Мих. («Сем. хр.»).

Пора гостямъ ко дворамъ. («Въ этотъ же день вечеромъ безъ церемоній сказалъ Степ. Мих., что пора и остальнымъ гостямъ ко дворамъ).—(«Сем. хр.»).

Пустельга—вздоръ, пустяки.—(«Сем. хр»).

Обивать около себя росу. (Софья Николаевна давно привыкла «сама около себя обивать росу, или къ самобытности».—«Сем. хр.»).

«Рты на барщинѣ»—выраженіе Ст. Мих.—(«Сем. хр.»).

«Рѣка дышитъ».—«Дѣтск. Годы».

Сказано—сдѣлано—любимая поговорка Степ. Мих.—(«Сем. хр.»).

Солнышко играетъ.—(«Д. годы»).

Хвастанье (хвастовство)—выраженіе Ст. Мих.—(«Сем. Хр.»).

Хомуть. Степ. Мих. такъ называлъ галстухъ.—(«Сем. хр.»).

Особенности стиля произведеній Аксакова [1]).

Бастыльникъ—сорная крупная трава, шла какъ матеріалъ для освѣщенія избъ.

Береза—развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая, веселая. — Кривобокая береза—не боится мокрыхъ мѣстъ, равно какъ и сухихъ.

Бачка—«батюшка».

«Бить березу», т. е. «снимать съ березы кожу. Отсюда: «снятая береза».

Борть—улей самаго простого устройства.

Бѣсокъ—синица.

Веретенникъ—народное названіе болотнаго кулика.

Взимилиться—понравиться, полюбиться.

Взлобокъ—верхушка горы, крутой небольшой подъемъ.

Вода—жирная («вода была еще жирна» Д. Г.).

Ворковать—«воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей».

Вспаренный—вспаханный подъ паръ.

Вѣнуть—слегка пахнуть.

Вятель—особая плетенка изъ прутьевъ для ловли рыбы.

Горлянки, или бѣлки, бѣлки-летуньи.

Грива, или кулига—полоса земли, поросшая лѣсомъ или кустарникомъ.

Дикій барашекъ—народное названіе бекаса.

Дикушка—гречиха.

Дятелъ—«разноперый», «постукиваетъ», «долбя деревья».

Желна—(черный дятелъ). Ж. «трубятъ».

Завозня—большая плоскодонная лодка.

Закрайка—ледъ, примерзшій къ берегу.

Залежь—пахатная земля, покинутая на время (до задернѣнія), вслѣдствіи истощенія почвы.

Залогъ—земля давно не паханная или даже вовсе не паханная (коренной залогъ).

Занять заимку т. е. запрудить прудъ.

Зарость, или нарость-молодой лѣсъ.

Застрѣха—нижній край кровли, навѣсъ.

Засыпка—рабочій при мельницѣ, засыпающій зерно на жерновъ.

Затонъ—глубокій рѣчной заливъ.

Избная дворня—дворня, жившая по избамъ.

Инда—такъ что даже.

Индѣ—кое-гдѣ.

Источный (голосъ)—дикій, отчаянный, предсмертный.

Колокъ—(лѣсокъ или лѣсной островъ).

Корчажный (корчага).

Косная лодка—легкая лодка для перевозки пассажировъ.

Класы—колосы.

---

[1]) Словесное богатство аксаковскихъ произведеній велико. Многіе образы, выраженія и отдѣльныя слова, введенные С. Т. въ литературную рѣчь, стали обиходными; многія выраженья и слова звучатъ уже старомодно и нуждаются въ поясненіяхъ; сочиненія же Аксакова, предназначавшіяся даже для широкаго читателя, издавались и выходили безъ всякихъ комментаріевъ, поэтому считаемъ, не лишнимъ въ выпускѣ, посвященномъ Аксакову, дать сводъ особенностей его языка, ибо эти особенности болѣе всего характеризуютъ стиль и манеру писателя. *Ред.*

Косякъ—часть табуна: каждый жеребецъ со своими кобылами и жеребятами образуютъ косякъ.

Кречетка—народное названіе степного чибиса.

Кутема, или харіусъ.

Лагунь—бочка.

Ледянка—доска, подмороженная снизу (для катанья съ горъ).

Липа—«стройная, кудрявая, круголистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая».

Лохъ—(лосось).

Лошокъ (рыбка изъ рода плотвы).

Лутошка,—лутоха—липка, съ которой снята кора.

Лѣсъ—«зеленый» («темные лѣса») «краса земли». «Могучее лѣсное царство», «свободно растущее въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ».

Мартышки—чайки.

Материкъ рѣки—коренное русло ея; материкъ пруда—самая глубокая его часть.

Межень (рѣки)—средній уровень.

Морда—верша.

Моститься «любятъ (въ лѣсу) грибы въ мелкомъ папоротникѣ».

Мѣшаться (о хлѣбахъ)—начать желтѣть, поспѣвать.

Намнясь—намедни, на этихъ дняхъ.

Нарохтиться—собираться, намѣреваться («нарохтиться за него замужъ»).

Насидѣть (вино, пиво)—выкурить, выгнать.

Недотка—рыболовная сѣть.

Нишни, нишкни—молчи.

Ночники—ночные соловьи.

Обечайка—ободъ изъ драни или лубка.

Ольха—«чивое къ росту дерево».

Однова—однажды.

Осокорь—черный тополь «величавъ, строенъ и многолиственъ».

Остамѣть—окоченѣть.

Отсѣваться—кончать посѣвъ.

Отчинникъ—владѣющій отчиною.

Осина—«трепетнолистная».

Отпрыгнуть—«не отпрыгнетъ», т. е. не выростетъ.

Палочникъ—молодой лѣсъ.

Переломать залогъ—вспахать залогъ.

Перегнать,—въ смыслѣ утомить («лошадей перегонимъ»).

Перемоки—частые дожди.

Пеструшка—народное названіе форели.

Пищать («пищатъ рябчики»).

Плавилась—рыба всплывала наверхъ, выставляя наружу хребетъ.

Повѣть—крытое мѣсто, навѣсъ.

Погонышъ—народное названіе курочки (Ortygometra porzana).

Подволока—накатъ, или потолокъ, чердакъ.

Подзобокъ—второй подбородокъ.

Подожокъ—трость, палка для ходьбы.

Пойма—мѣсто, залитое вешней водой.

Полой—низкое мѣсто, заливаемое въ половодье водой.

Полосущатый—полосатый, въ полосахъ.

Помститься—привидѣться, помещриться, показаться.

Поставецъ—небольшой посудный шкафъ.

Прыскучій—дикій рыщущій.

Пузырчатыя оконницы—оконныя рамы задѣланныя пузыремъ.

Пустоплесье—пустырь, кругомъ открытое, голое мѣсто.

Пядь—разстояніе между растянутыми большимъ и указательнымъ пальцами, т. е. четверть аршина.

Ротитися (ротиться)—клясться, божиться.

Сгоношить—сберечь.

Середовичь—среднихъ лѣтъ.

Серпуха (Serratula tinctoria)—трава изъ семейства сложноцвѣтныхъ, дающая желтую краску.

Симпатизировать съ чѣмъ.

Скорлазубецъ—скалозубецъ—царскіе кудри (Lilium Martagon).

Сошка—подпорка.

Сладимый—сладкій.

Сорочины—поминовеніе въ сороковой день.

Старица—прежнее, покинутое русло рѣки.

Стонать—«стонутъ рябыя кукушки».

Стержень рѣки—средина и самое глубокое мѣсто рѣки, гдѣ теченіе ея наиболѣе быстро.

Строка—оводъ.

Сурчины—бугорки, насыпанные сурками.

Сухота—горе, забота.

Таловые кусты—«пронизаны, проткапы и живописно обвиты до самаго верха» побѣгами дикаго хмеля, «зелеными листьями» и «золотыми шишками».

Токовать («токуютъ тетерева»).

Татьба—кража.

Точокъ—расчищенное мѣсто, гдѣ ловятъ птицу на приманку.

Травникъ—цѣлебныя травы, настоенныя на водкѣ.

Тузлукъ—разсолъ для соленія рыбы.

Трещать—трещатъ (въ лѣсу) сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоносы».

Уносныя лошади—пристяжныя лошади.

Урема—лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ по такимъ мѣстамъ, которыя заливаются полою водою.

Ухвостье хлѣбное—мякина.

Ухичивать—защищать отъ стужи.

Хизнуть—сохнуть.

Холудина—жердь, длинная хворостина.

Хохоть ночного—крикъ филина, совы, или сыча.

Хрипѣть («хрипятъ въ тягахъ вальдшнепы»).

Цѣвка—выступы шестерни.

Цѣлизна—цѣлина, новь—земля, никогда не паханная.

Черноталь (Salax laurina), или черноталь—видъ ивы.

Чилизникъ—полевая акація.

Чивый—легкій (см. выше—ольха).

Чокать—«взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды заунывно.

Чоркать—«чоркаетъ соколъ и «какъ соколъ», копчикъ, совершенно на него похожій.

Чортовъ палецъ—раковина вымершаго моллюска.

Шадрикъ—неочищенный грязный поташъ.

Шушунъ—родъ женской блузы.

Приложеніе 3-ье.

Списокъ

лицъ, именъ и названій,

встрѣчающихся въ произведеніяхъ Аксакова.

Абрамцево—подмосковная Аксаковыхъ, пріобрѣтенная С. Т. (см. стр. 8), «послѣдняя пристань старика и «колыбель писателя Аксакова». Находится въ верстахъ пятидесяти отъ Москвы и въ десяти отъ Сергіева Посада; «прелестная деревенька», по отзыву С. Т.; по описанію г. Д. Философова («Рѣчь отъ 29/IV 1908 г.), «длинный, деревянный барскій домъ выходитъ фасадомъ на широкій, ровный дворъ. Другая, противоположная сторона дома, съ большимъ крытымъ балкономъ, обращена въ паркъ, который спускается къ рѣкѣ Ворѣ. За ней начинается лѣсъ, черезъ лѣсъ идетъ прямая аллея. Сквозь нее видны съ балкона дома, церкви Хотьковскаго женскаго монастыря, гдѣ покоится прахъ Кирилла и Маріи, родителей св. Сергія Радонежскаго».

Впослѣдствіи Абрамцево было пріобрѣтено Е. Г. Мамонтовой. Изъ литературнаго центра оно превратилось въ центръ художественный. Въ немъ подолгу живали художники Антокольскій, братья Васнецовы, Кузнецовъ, Коровинъ, Остроуховъ, Полѣновъ, Рѣпинъ, Суриковъ, Сѣровъ. Здѣсь же, подъ наблюденіемъ Виктора М. Васнецова и В. Д. Полѣнова, сооружена небольшая церковка, по образцу новогородскаго собора Спаса Нередицкаго XI в.

Акаевскій бунтъ («Семейная хроника»).—Вспыхнулъ въ Башкиріи въ 1735 г. Главная причина бунта: ограниченіе башкирскаго населенія въ правахъ собственности на землю. Акай и Кильмикъ—имена главныхъ предводителей всеобщаго возстанія Башкиріи, длившагося шесть лѣтъ.

Аксакова, Надежда Тимофеевна.—Сестра Сергѣя Тимофеевича; въ 1810 г. вышла замужъ за Мосолова, но вскорѣ овдовѣла; въ 1817 г. вышла замужъ за Карташевскаго. Умерла въ глубокой старости (1887 г.).

Аксакова, Ольга Семеновна. См. ниже Заплатина О. С.

Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ. Младшій сынъ С. Т., редакторъ его сочиненій (1823—1886). Полное Собраніе сочиненій *Ив. С. А.* М. 1886—87 г. 7 т. *И. С. А.* въ его письмахъ 2 т. М. 1888 г. О немъ см. *С. Венгеровъ.* Критико-библ. словарь русскихъ писателей и *его же* «Источники словаря». Спб. 1890 г.

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ. Старшій сынъ С. Т. (1817—1860). Сочиненія *К. С. Аксакова* изданы (изданіе не закончено) М. 1861, 1875 и 1880 г.г. три тома. Стихотворенія М. 1909 г. (не полное собраніе). О немъ см. *Венгеровъ.* Критико-біогр. словарь русскихъ писателей. Спб. т. I и *его же* «Источники Словаря».

Аксаковы (Оксаковы) ведутъ свой родъ отъ знатнаго варяга Шимона, племянника короля норвежскаго Гакона Слѣпого, прибывшаго въ Кіевъ (1027 г.) съ 3 т. дружины и построившаго въ Кіево-Печерской лаврѣ церковь Успенія (гдѣ онъ и погребенъ). Наименованіе Аксаковъ—«повелося» отъ Ивана, прозваннаго Оксакомъ, въ XIV столѣтіи.

Алехинъ, Николай Михайловичъ (1794—1819). Магистръ юридическихъ наукъ Казанскаго Университета. См. *Н. Буличъ.* «Изъ первыхъ лѣтъ К. унив.» К. 1886 г.

«Аониды»—два сборника стихотвореній русскихъ поэтовъ, изданные Карамзинымъ (М. 1796—1797 г.г.).

Араповъ, Пименъ Николаевичъ (1796—1861). — Драматургъ и историкъ русскаго театра, издалъ «Драматическій альбомъ». Спб. 1850 г. и «Лѣтопись р. театра» Спб. 1861 г.

«Аркадскіе пастушки» — названіе «письменнаго журнала» Александра Панаева, выходившаго въ 1804 г. въ Казанской гимназіи. Всѣ сочинители подписывались какими-нибудь пастушескими именами, напр.: Адонисъ, Дафнисъ, Ирисъ, Дамонъ, Палемонъ и пр.» («Воспоминанія»). Самъ Аксаковъ въ журналѣ не принималъ участія, хотя въ тайнѣ уже «началъ пописывать».

Армфельдъ, Александръ Осиповичъ (1806—1868). Профессоръ судебной медицины (1837—1863) Московскаго Университета. Умеръ въ званіи почетнаго опекуна и предсѣдателя Московск. опек. совѣта. О немъ: *С. Венгеровъ*. Критико-біогр. словарь писателей и ученыхъ, т. I.

Арсеньевъ, Флегонтъ Арсеньевичъ (1832 г.). Аксаковъ не упоминаетъ въ воспоминаніяхъ ни его имени, ни отчества, но, несомнѣнно, это тотъ Арсеньевъ, разсказъ котораго съ посвященіемъ С. Т. былъ напечатанъ въ «Отеч. Зап.» (1858 г. т. 117 «Изъ воспоминаній охотника»). Рядъ его охотничьихъ разсказовъ и статей по этнографіи помѣщался въ періодическихъ изданіяхъ. О немъ см. *Венгеровъ*. Критико-біограф. словарь. Т. I.

Арфаксадъ. Халдейская вымышленная повѣсть, содержащая въ себѣ образъ жизни и нравовъ древнихъ восточныхъ народовъ, новыя возстановленія чиноначалія, ниспроверженія вредной независимости; соединенія обществъ, царствъ, воздвиженія городовъ; первоначальныя причины военныхъ дѣйствій и проч. Сочиненіе Козловскаго Однодворца *Петра Захарьина*. 6 ч. М. 1793—1796.

Арцыбашевъ, Николай Сергѣевичъ (1773—1841).—Уроженецъ Казанской губ., членъ казанск. общ. люб. отеч. словесности, историкъ, сотрудникъ «Москов. Вѣстника». Извѣстны его «Повѣствованіе о Россіи» (Спб. 1836 г.) и статьи объ «Исторіи» Карамзина, вызвавшія въ свое время много шума изъ-за отрицательнаго взгляда А. на Карамзина, какъ историка.

Атеней, журналъ наукъ, искусствъ и изящной словесности съ присовокупленіемъ записокъ для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ. М. 1828—1830 г.

Бартельсъ, Мартинъ-Іоганнъ-Христіанъ (1769—1836). Профессоръ математики, сначала Казанскаго, а затѣмъ Дерптскаго университета. См. *Н. Буличъ*. «Изъ первыхъ лѣтъ Каз. унив.»

Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ (1787—1855 г.). Сочиненія *Б.* 3 т. Спб. 1885—1887 г. О немъ *Венгеровъ С.* Словарь русск. пис. т. II. *Майковъ Л. Н.* «Б. его жизнь и сочиненія». Спб. 1896 г.

Безобразовъ, Владиміръ Павловичъ (1828—1889). Извѣстный экономистъ. Имъ же напечатано въ «Русск. Вѣстн.» письмо къ С. Т. Аксакову по поводу крестьянскаго вопроса (1858 г.). См. письмо Аксакова къ Б. по поводу «Записокъ». (Сочин. т. 3).

Бергъ, Николай Васильевичъ (1823—1884). Поэтъ и переводчикъ, началъ работать въ «Москвитянинѣ» 1845 г. и скоро сталъ «своимъ человѣкомъ въ московскихъ литературныхъ кружкахъ». См. его «Пѣсни разныхъ народовъ». М. 1854 г. «Панъ Тадеушъ» Мицкевича. Варшава, 1875 г. См. также его «Записки» Спб. 1894 г. О немъ: *Венгеровъ*. Критико-библ. Словарь. Т. III.

«Бесѣда любителей русскаго слова», литературное общество, основанное Державинымъ и Шишковымъ. Труды общества печатались въ журналѣ «Чтенія въ Бесѣдѣ р. с.».

«Библіотека для чтенія», журналъ, издававшійся Смирдинымъ (съ 1849 г. Печаткинымъ) подъ редакціей Сенковскаго 1834—1856 г.г.

Бобровъ, Семенъ Сергѣевичъ. Стихотворецъ и мистикъ († 1810). Служилъ

подъ начальствомъ П. С. Мордвинова и одновременно въ 1806 г. «состоялъ» в коммиссіи о составленіи законовъ, гдѣ служилъ С. Т. Аксаковъ. О немъ см. с *М. Мазаева* въ «Критико-библ. Словарѣ русск. пис. и ученыхъ». Т. IV.

Брянскій (Григорьевъ), Яковъ Григорьевичъ. Извѣстный актеръ. перево чикъ «Ричарда III» Шекспира. О немъ см. *Бѣлинскій*. Сочиненія т. IV.

Буало, Николай (1636—1711). Французскій критикъ и поэтъ. Его «Art poé tique» было своего рода литературнымъ кодексомъ въ русской литературѣ XVII столѣтія.

Бунина, Анна Петровна (1774—1828)—поэтесса. Собраніе ея стихотво реній издано Академіей Наукъ.

Буханъ, Вильямъ (1729—1805), англійскій врачъ. Его книга «Домашній Лечебникъ» выдержала въ Англіи свыше двадцати изданій. Переводъ на русскій языкъ съ дополненіями д-ра Люпанеля вышелъ въ двухъ изданіяхъ М. 1792—1811.

Бюнеманъ, Генрихъ Людвиговичъ. Профессоръ естеств., политическаго и на роднаго права въ Казанскомъ университетѣ. См. *Н. Буличъ*. «Изъ первыхъ лѣт Каз. унив.».

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ (1810—1848). Знаменитый русскій критикъ. Въ 1838 г. недолгое время занималъ мѣсто преподавателя въ Межевом Институтѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ былъ инспекторомъ и директоромъ С. Т. Еш въ кружкѣ Станкевича Б. познакомился съ Константиномъ Аксаковымъ.

Вальбергъ (Валберхъ-Лысогоровъ) Иванъ Ивановичъ (1763—1819). Пер вый русскій балетмейстеръ и инспекторъ балетной труппы Импер. театровъ. (См Кр.-библ. Словарь. Т. 4.

Вальбергъ (Валберхова), Марья Ивановна (1788—1867). Дочь И. И. В Знаменитая русская артистка, ученица князя Шаховскаго.

«Векфильдскій священникъ», произведеніе Гольдсмита. Русскій перевод *Н. Страхова* 2 ч. М. 1786 г.

Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ, авторъ драмъ «Любовь и честь» «Міръ слѣпыхъ», «Сатиры на игроковъ» и проч. Къ нему относится посланіе Пуш кина «Къ сочинителю сатиры на игроковъ». О немъ монографія *Б. Л. Модзалевскаг* «И. Е. В—скій.» Спб. 1902 и въ Сборникѣ «Памяти Л. Н. Майкова». Спб. 1902 г

Венелинъ, Юрій Ивановичъ, извѣстный славистъ (1802—1842 г.). О немъ см статью *В. Перетца* въ «Крит.-біогр. Словарѣ русск. пис. т. V. Тамъ же указаны ис точники.

Верстовскій, Алексѣй Николаевичъ (1799—1862), извѣстный композиторъ издатель «Музыкальнаго Альбома» (1828) и переводчикъ. О немъ см. «Исторія русской музыки» *Перепелицына* и «Р. музыка» *В. Березовскаго*.

Воробьева, Елена Яковлевна († 1855) драматическая артистка, жена актера И. И. Сосницкаго. На первомъ представленіи «Ревизора» въ Петербург исполняла роль городничихи.

Вяземскій, Петръ Андреевичъ. Поэтъ и критикъ. Род. 1792 г. † 1878 г

«Вѣстникъ Европы», выходилъ дважды въ мѣсяцъ въ Москвѣ. Основанъ Ка рамзинымъ (1802 г.). Съ 1804—1830 г. (до прекращенія) выходилъ въ изданіи М. Т. Каченовскаго. Въ «Вѣстн. Евр.» Аксаковымъ напечатаны его первыя жур нальныя статьи: «О переводѣ Федры» Лобановымъ (1824) и «Мысли и замѣчанія о театрѣ» (1825).

Галатея, «журналъ литературы, новостей и модъ», издав. С. Е. Раичемъ— (1829—1830). Аксаковымъ въ 1829 г. напечатанъ рядъ статей-рецензій «Русскій театръ», служащихъ продолженіемъ обзоровъ въ «Моск. Вѣстн.»

«Гербертъ, или прощай богатство, нравоучительныя и забавныя Англинскія письма»; переводъ съ французскаго. 3 ч. М., 1792.

Глинка, Сергѣй Николаевичъ. («Лит. Воспоминанія»). Журналистъ, драма тургъ и поэтъ. Род. 1775 г. † 1847 г., издавалъ патріотическій «Русскій Вѣстникъ

и былъ цензоромъ московскаго комитета вмѣстѣ съ Аксаковымъ (см. ниже «Денница»). «Записки С. Н. Г. Спб. 1895. Ср. *Н. Н. Буличъ*. Очерки по исторіи о просвѣщенія и литературы т. I. Спб. 1902 г.

Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ (1787—1880) поэтъ и публицистъ.

Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ, переводчикъ Иліады (1784—1833).

Гоголь, Анна Васильевна и Елизавета Васильевна (по мужу Быкова)—сестры Ник. Вас.; въ то время (1838) окончили курсъ Спб. Патріотическаго Института. Гоголь, вмѣстѣ съ Аксаковымъ, сопровождали дѣвушекъ въ ихъ путешествіи изъ Петербурга въ Москву.

Гоголь, Марья Ивановна. Мать Николая Васильевича Гоголя, урожденная Косяровская.

Гоголь, Николай Васильевичъ (1809—1852). Знакомство Аксакова съ Гоголемъ относится къ 1832 г. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» осталась недоконченной и доведена лишь до 1852 г. Самаринъ разсказываетъ, что Гоголь по цѣлымъ часамъ вслушивался въ разсказы С. Т. о заволжской старинѣ». Гоголь «потребовалъ отъ него, чтобы онъ взялся за перо и записалъ свои воспоминанія. Сначала С. Т. объ этомъ и слышать не хотѣлъ, даже почти обижался; потомъ Гоголю удалось его раззадорить. Не говоря никому ни слова, онъ принялся за самую скромную часть своихъ воспоминаній, т. е. за уженіе и за весь подземный міръ, и такимъ образомъ онъ прошелъ всѣ царства природы, отъ рыбъ перешелъ къ птицамъ, отъ птицъ къ людямъ». Гоголь слѣдилъ за его работой съ необыкновеннымъ участіемъ. Уѣзжая за границу, онъ потребовалъ, чтобы С. Т. пересылалъ ему въ Римъ корректурные листы». Наоборотъ, по словамъ того же Самарина, «послѣ Пушкина ничьимъ мнѣніемъ Гоголь такъ не дорожилъ, какъ мнѣніемъ С. Т. Весь первый томъ «Мертвыхъ Душъ былъ прочитанъ ему авторомъ по нѣскольку разъ съ глазу на глазъ, или въ присутствіи двухъ или трехъ близкихъ къ нимъ обоимъ людей. Читая, Гоголь безпрестанно взглядывалъ на С. Т. и слѣдилъ за каждымъ выраженіемъ сочувствія или несочувствія въ его лицѣ».

Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ (1771—1844). Боевой генералъ; въ 20-хъ и 30-хъ годахъ генералъ-губернаторъ Москвы.

Городчаниновъ, Григорій Николаевичъ («Воспоминанія»).. — Род. 1771 г. † 1852 г. Учился въ Нижегородской духовной семинаріи и Моск. университетѣ. Въ 1806 г. былъ адъюнктомъ россійской словесности въ Казанскомъ университетѣ (см. стр. 22); съ 1810 г. занялъ кафедру краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго. При Магницкомъ былъ деканомъ и проректоромъ. О немъ: *Н. Буличъ*. «Изъ первыхъ лѣтъ Каз. университета». 2 т. *Лихачевъ*. Г. Н. Г. и его сочиненія. К. 1886 г.

«Графъ Вельмонтъ или заблужденія разсудка». «Письма, собранныя и обнаруженныя Г. М., поднесенныя королевѣ франц. въ 1775 г. Жирардомъ. Перев. съ франц. г-жи *Ниловой*. 7 част. Тамбовъ. 1793—96 г.г.

«Двѣнадцать будочниковъ», баллада Елистрата Фитюлькина. За пропускъ этой баллады, гдѣ изображался квартальный, цензоръ С. Т. Аксаковъ долженъ былъ оставить службу. «Какой-то пьяница написалъ глупую книжонку, Аксаковъ пропустилъ, ибо не могъ не пропустить, когда у насъ играютъ «Ябеду» и проч., а оберъ-полицмейстеръ, человѣкъ сильный, вступился, и отецъ многочисленнаго семейства лишенъ службы,» писалъ Погодинъ Шевыреву (Жизнь Погодина т. IV).

Денница, альманахъ, изданный Максимовичемъ; вышло три книжки въ 1830, 1831 и 1834 г.г. Послѣдняя книга за статью Ив. Кирѣевскаго о Новиковѣ была конфискована, а цензоръ С. Н. Глинка посаженъ на гауптвахту. Въ «Денницѣ» С. Т. былъ напечатанъ очеркъ «Буранъ».

Державинъ, Гавріилъ Романовичъ—(1743—1816). Знакомство Аксакова съ Державинымъ относится къ 1815 г. («Знакомство съ Державинымъ»).

Дмитревскій, Иванъ Афанасьевичъ—(1734—1821). Знаменитый русскій

актеръ и авторъ многихъ пьесъ. Вмѣстѣ съ Волковымъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Ярославля (1754).

Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ (1760—1837). Баснописецъ. Сочиненія Дм. 3 т. Спб. 1893, ред. А. А. Флоридова (тамъ же «Взглядъ на мою жизнь» т. 3-ій).

Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ, (1796 — 1806). Поэтъ, противникъ романтической и натуральной школы, авторъ книги «Мелочи изъ запаса моей памяти» М. 1869. Его стихотворенія изданы въ 1865 г. М. «Автобіографія». М. 1863.

Долгоруковъ, Иванъ Михайловичъ, князь (1724—1823). Поэтъ. Сочиненія Д. переизданы Смирдинымъ 2 т. Спб. 1849; тамъ же отрывки изъ воспоминаній «Капище моего сердца, или словарь всѣхъ тѣхъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни». Русскій Архивъ 1890 г. (позднѣйшая перепечатка). О немъ *М. Дмитріевъ*. М. 1863 г.

«Достопамятная жизнь дѣвицы Клариссы Гарловъ» (сочин. Ричардсона). «Истинная повѣсть», перев. съ франц. *Н. Осипова и П. Кило*. Спб. 1791 г.

Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: «Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ стихотворцевъ. Выходила ежемѣсячно 1773—75 гг. въ изданіи Н. И. Новикова.

Дѣтская Библіотека Кампе, переводъ А. Шишкова. Вышло 20 т. Спб. 1788. Выдержала рядъ изданій.

Дѣтское чтеніе для сердца и разума—первый дѣтскій журналъ въ Россіи; издавался Н. И. Новиковымъ въ 1785—89 гг., какъ приложеніе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Дюси (Ducis). Французскій поэтъ и драматургъ (1733 — 1816). Первый ввелъ на французскую сцену «передѣланнаго» имъ Шекспира. Знакомство съ Шекспиромъ въ Россіи шло по передѣлкамъ Дюси.

«Европеецъ». «Журналъ наукъ и словесности (1832 г.). Вышло два нумера; на третьемъ выпускѣ журналъ былъ запрещенъ за статью издателя И. В. Кирѣевскаго «Девятнадцатый вѣкъ». Цензоръ журнала (С. Т. Аксаковъ) былъ подвергнутъ взысканію (см. стр. 8-ую), а Кирѣевскій признанъ «неблагонадежнымъ».

«Желѣзная маска», или удивительныя приключенія отца и сына»; перев. съ франц. 3 ч. 1766 г., 2-е изд. 1800 г.

Жизнь англійскаго философа Клевеленда». (Письма англійскія, или приключенія г-жи Клевеландши, описанныя ею самою). Съ франц. *Н. Осиповъ*. 2 ч. Спб. 1788 г.

Жихаревъ, Степанъ Петровичъ (1787—1860).—Драматургъ, членъ «Бесѣды» и затѣмъ «Арзамаса» (Громобой). Извѣстность получилъ благодаря своимъ «Запискамъ современника» Спб. 1859 г., новое изданіе М. 1890 г. О немъ: «Истор. Вѣстн.» 1893, № 6. Ср. *Аксаковъ*. Соч. т. IV.

Жоржъ, знаменитая французская артистка (1786—1867). Въ Россію на гастроли пріѣзжала въ 1808, 1809, 1812 гг. и въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Жуковскій, Василій Андреевичъ (1783—1852 г.г.).

«Журналъ нашихъ занятій»,—«письменный журналъ студентовъ Аксакова и А. Панаева, выходившій въ одномъ экземплярѣ въ 1806 г. (апрѣль—декабрь).

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ (1789—1852). Извѣстный въ свое время писатель, авторъ романовъ «Юрій Милославскій», «Рославлевъ», «Аскольдова могила» и пьесъ: «Господинъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ», «Вечеринка ученыхъ». «Благородный театръ» и др. Знакомство Аксакова съ Загоскинымъ началось въ 1820 г. (см. Воспомнанія о М. Н. Загоскинѣ и его біографію, написанную С. Т.).

Заплатина, Ольга Семеновна—впослѣдствіи (1816 г.) жена Сер. Тим. Акса-

кова. Дочь Екатерининскаго генерала (род. 1792 г.). «Въ обществѣ стараго воина, разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, она почерпнула особый духъ доблести, рѣзко отличавшій ее отъ другихъ женщинъ и впослѣдствіи отъ ея мужа, Сергѣя Тимоѳеевича, столь равнодушнаго къ политическимъ интересамъ родины. Она постоянно читала отцу историческія сочиненія, напр. исторію Ролленя въ переводѣ Третьяковскаго, описанія всякихъ походовъ, сраженій и т. п. Неумолимость долга, цѣломудренность, поразительная въ женщинѣ, имѣвшей 14 человѣкъ дѣтей, отвращеніе отъ всего грязнаго, сальнаго, нечистаго, суровое пренебреженіе ко всякому комфорту, правдивость, доходившая до того, что она не могла позволить сказать, что ея нѣтъ дома, презрѣніе къ удовольствіямъ и забавамъ, чистосердечіе, строгость къ себѣ и ко всякой человѣческой слабости, негодованіе, рѣзкость суда, при этомъ пылкость и живость души, любовь къ поэзіи, стремленіе ко всему возвышенному, отсутствіе всякой пошлости, всякой претензіи—вотъ отличительныя свойства этой замѣчательной женщины». (*И. Аксаковъ*).

«Зеркало добродѣтели и благонравія для дѣтей», соч. Г. Кейля; перев. съ нѣмецк., съ 89-ю сообразными сему картинками. М. 1794.

Земскій верхній судъ, учрежденъ Екатериной II (1775 г.); къ нему поступали дѣла изъ уѣздныхъ судовъ, дворянскихъ опекъ и нижнихъ земскихъ судовъ.

Знаменское. См. Ново-Аксаково.

Измайловъ, Александръ Ефимовичъ (1779—1831).—Журналистъ, баснописецъ, издатель «Благонамѣреннаго» (1818—1826). Россійскій Теньеръ 1-й. Сочиненія Изм. 3 т. М. 1891 г. О немъ: Крит.-біогр. словарь т. VI.

Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ (1773—1830).—Сослуживецъ С. Т. по моск. цензурному комитету, цензоръ и писатель, поклонникъ Карамзина. Издавалъ рядъ журналовъ: «Патріотъ», «Вѣстникъ Европы» (1814 г.), «Россійскій музеумъ» и альманахъ «Литер. музеумъ». О немъ: *Н. Буличъ*. «Очерки», т. I.

Ильинъ, Николай Ивановичъ, р. 1773 г. Драматургъ, авторъ: «Лиза или торжество благодарности», «Великодушіе, или рекрутскій наборъ».

«Ипокрена, или «Утѣхи любословія», журналъ. выходившій еженедѣльно подъ редакціей П. А. Сохацкаго въ Москвѣ, 1799—1801 г.г. См. *А. Неустроевъ*. «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ». Спб. 1875 г.

Исторія о младшемъ Кирѣ и возвратномъ походѣ десяти тысячъ грековъ, (Ксенофонта), переводъ съ французскаго. Спб. 1762.

Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ (1778—1851). Отецъ извѣстнаго Конст. Дмитр. К.. Членъ современныхъ литературныхъ кружковъ, библейскаго общества и одной изъ массонскихъ ложъ; недолго (1818—1823) былъ ректоромъ Спб. университета. О немъ: *Д. Корсаковъ*. «Вѣстн. Евр.» Янв. 1886 г., *Сочиненія К. Д. К—ина*, т. I.

Кадмъ и Гармонія», повѣсть въ прозѣ М. Хераскова. М. 1789, двѣ части. **«Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи»,** героическая повѣсть (того же автора) въ 3-хъ частяхъ. М. 1794.

Казначеевъ, Александръ Ивановичъ. Впослѣдствіи сенаторъ († 1880 г.). Близкій другъ С. Т. Ему посвящено А. стихотворное посланіе, помѣченное 1814 г. (Сочин. т. IV.).

Карамзинъ, Николай Михайловичъ (1766—1826). Литература о немъ указана у С. Пономарева. Спб. 1883 г. изд. Академіи Наукъ (отд. оттискъ изъ «Зап. Акад».). Аксаковъ въ юности «не любилъ Карамзина». «Съ дерзостью самонадѣяннаго мальчика, разсказываетъ С. Т. въ своихъ «Воспоминаніяхъ», я смѣялся надъ слогомъ и содержаніемъ его мелкихъ прозаическихъ сочиненій. Это такъ неестественно, что и теперь осталось для меня загадкой. Я не могъ понимать сознательно недостатковъ Карамзина, но, вѣроятно, я угадывалъ ихъ по какому-то инстинкту и, разумѣется, впадалъ въ крайность. Понятія мои путались, и я, браня прозу Карамзина, былъ въ восторгѣ отъ его плохихъ стиховъ, отъ «Прощанія Гектора съ Андромахой» и «Опытной Соломоновой мудрости». (Соч. т. I.).

Казанскій Университетъ. Основанъ 5 ноября 1804 г., открытъ 14 февраля 1805 г., общій уставъ 1804 г. введенъ лишь въ 1814 г., но въ 1819 г., съ назначеніемъ попечителемъ Магницкаго, отъ самостоятельности университета не осталось и слѣда.

Карташевскій, Григорій Ивановичъ, см. стр. 30. Умеръ сенаторомъ въ 1840 г. О немъ, см. примѣчаніе къ «Наташѣ» Ив. Серг. Аксакова.

Карташевская, Надежда Тимофеевна. См. *Аксакова И. Т.*

Каратыгинъ, Василій Андреевичъ (1802—1853). Замѣчательный артистъ, соперникъ Мочалова. Ср. *Бѣлинскій.*

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ (1775—1842), профессоръ Спб. университета по кафедрѣ изящныхъ искусствъ и археологіи, русской исторіи, географіи, статистикѣ и русской словесности. Съ 1805—1830 г. редактировалъ и издавалъ «Вѣстникъ Европы». См. *Барсуковъ Н. П.* «Русская старина» 1890 г. іюнь и *В. Каченовскій* «Библіогр. записки» 1892, №№ 4 и 5.

Кикинъ, Петръ Андреевичъ (1772—1834). Генералъ, участникъ Отечественной войны, впослѣдствіи статсъ-секретарь; иниціаторъ Общества поощренія художествъ.

Княжевичъ, Александръ Акимовичъ, см. стр. 33 (1792—1870), впослѣдствіи министръ финансовъ (1858—1862) и членъ Госуд. Совѣта. О немъ: *Судейкинъ В. Т.* «Русск. Стар.» 1892 г. № 7.

Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ, см. стр. 33 (1788 — 1844) литераторъ; издатель литерат. прибавленій къ «Сыну Отеч.» и «Библ. для чтенія» (1823 г.). Членъ россійской академіи и попечитель одесскаго учебнаго округа.

Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ (1773—1838). Драматургъ. О немъ: см. сочиненія Батюшкова, ред. Л. Н. Майкова, т. I, стр. 390.

Коммиссія составленія законовъ. Была учреждена въ 1796 г. для собранія существующихъ узаконеній. Состояла изъ четырехъ членовъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора.

Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ (1806—1856). Писатель, славянофилъ, редакторъ «Европейца» (см. выше). Сочиненія К.—М. 1861 г. 2 т. О немъ: *В. Лясковскій.* Бр. Кирѣевскіе. Спб. 1899 г.

Куроѣдово («Семейная хроника»).—См. *Надеждино.*

Корсаковъ, Петръ Александровичъ (1790—1844). Авторъ многихъ пьесъ, переводчикъ голландскихъ поэтовъ, издатель журнала «Русскій пустынникъ, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ» (1817), въ 1840 г. началъ, вмѣстѣ съ Бурачкомъ, изданіе извѣстнаго своимъ обскурантизмомъ журнала «Маякъ».

Коцебу, Августъ-Фердинандъ (1761—1819). Популярный нѣмецкій драматургъ и романистъ. Его пьесы и романы пользовались большимъ успѣхомъ въ Россіи, куда онъ пріѣзжалъ въ 1781 г. и затѣмъ въ 1800 г. На границѣ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, но вскорѣ же прощенъ и осыпанъ милостями императора Павла. Убитъ Зандомъ въ Мангеймѣ.

Краевскій, Андрей Александровичъ (1810—1889). Журналистъ; издатель «Отечественныхъ записокъ» съ 1839 г., «Голоса» и арендаторъ «Спб. Вѣдомостей» 1852—1862.

Крюковъ, Дмитрій Львовичъ (1809—1845). Воспитанникъ Казанскаго университета, докторъ философіи и профессоръ римской словесности Моск. универс., авторъ многихъ статей въ «Москвитянинѣ». См. Біографическій словарь проф. Моск. университета. М. 1885 г.

Лабзинъ, Александръ Федоровичъ (1766—1825). Родился въ Москвѣ, умеръ въ ссылкѣ въ Симбирскѣ. Представитель мистическаго направленія въ александровскую эпоху, переводчикъ и издатель Эккарстаузена и Юнга-Штиллинга, издатель религіозно-нравственнаго журнала «Сіонскій Вѣстникъ», авторъ многихъ статей мистическаго направленія.

Лагарпъ, Жанъ-Франсуа (1740—1803). Французскій критикъ и академикъ. Его трагедію «Philoctète» перевелъ С. Т. Аксаковъ.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ (1814—1841). Аксаковъ упоминаетъ о присутствіи Л. въ домѣ Погодина, гдѣ 9 мая праздновались именины Гоголя: «Л. читалъ наизусть Гоголю и другимъ, кто тутъ случились, отрывокъ изъ новой своей поэмы «Мцыри» и читалъ, говорятъ, прекрасно». («Знакомство съ Гоголемъ»).

Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ (1787—1846).—Писатель, членъ Рос. Акад., ординарный академикъ Акад. Наукъ и переводчикъ. О переводѣ имъ «Федры» Расина, см. замѣтку Аксакова (Сочин. т. IV). Его рѣчь въ Академіи «О духѣ словесности» (см. Ист. Вѣст 1880, № 2) вызвала полемическую статью Пушкина. Сочин. т. 5 изд. Лит. Фонда. О немъ: *А. Круглый*. «Истор. Вѣстн.» 1880 г. № 2.

Медвѣжій Врагъ («Семейная хроника»). Село Вишенки, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ.

Львова-Синецкая, Марія Дмитріевна. Извѣстная московская артистка (1795—1875). О ней см. *Арапова*. «Драматическій альбомъ».

Львовъ, Николай Александровичъ (1751—1803). Литераторъ изъ кружка «Бесѣды». Сочиненія его и статьи о немъ *Я. Грота и А. Галахова,* см. «Русская поэзія» т. I. Исторія Рос. Академіи, т. IV.

Любовный Вертоградъ, или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены. Перев. съ португ. Өед. Эминъ. Спб. 1763 г.

Майковъ, Аполлонъ Александровичъ, дѣдъ Аполлона, Валеріана и Леонида Николаевичей М. (1761—1838). Стихотворецъ. Въ 1821—1825 г. (къ этому періоду относятся «Литер. и театр. воспомин.» Аксакова) занималъ мѣсто директора императорскихъ театровъ. Его сынъ **Николай Аполлоновичъ** (1794—1873) извѣстный историческій живописецъ.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ (1778—1855). Объ его дѣятельности ревизора Казанскаго Университета на правахъ попечителя, см. *М. Өеоктистовъ*. «М. Л. М». Спб. 1865. *И. Поповъ* въ «Русск. Вѣстн.» 1859 г. Т. 2. *М. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи, т. I.

Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ (1804—1873). — Другъ Гоголя, профессоръ ботаники Моск. Универс., профессоръ русской словесности, этнографъ, историкъ, поэтъ и ректоръ Кіевскаго Университета. Одно время завѣдывалъ редакціей «Русской бесѣды» (1859) и издалъ три сборника «Денницы». Списокъ его трудовъ и очеркъ дѣятельности: *Пономаревъ*. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1871 г., X.

Маленъ-Адель—неизданная трагедія Николева.

Мартыновъ, Александръ Евстафьевичъ (1816 — 1860). Талантливый артистъ на комическія роли (Хлестаковъ и Бобчинскій въ «Ревизорѣ», Загорѣцкій въ «Горе отъ ума», въ пьесахъ Потѣхина, Островскаго и др.). Позднѣе игралъ съ огромнымъ успѣхомъ Тихона въ «Грозѣ». Петербургскіе литераторы публично выразили уваженіе его дарованію устройствомъ торжественнаго обѣда.

Медоксъ, Михаилъ Егоровичъ (1747—1822). Англичанинъ, профессоръ математики. Одинъ изъ первыхъ театр. антрепренеровъ въ Россіи. Преподавалъ математику царевичу Павлу Петровичу; въ 1776 г. занялся антрепризой: построилъ въ Москвѣ «вокзалъ для увеселеній» и затѣмъ деревянный театръ.

Мерзляковъ, Алексѣй Федоровичъ (1778—1830). Профессоръ россійскаго краснорѣчія и поэзіи, авторъ многихъ пѣсенъ, критикъ. Сочиненія изд. об-вомъ любителей русск. словесности. М. 1867 г. 2 т. О немъ см. *Ивановъ*. Исторія русской критики ч. I. Спб. 1898 г. *Н. Мизко*. «Русская Старина» 1879 г. Январь.

Мертваго, Дмитрій Борисовичъ (1760—1824). Умеръ сенаторомъ, былъ таврическимъ губернаторомъ и генералъ-провіантмейстеромъ. «Записки М.» «Русскій Архивъ» 1867 г. № 8—9.

Мистическое и массонское движеніе въ Россіи («Встрѣча съ мартинистами») См. *Логиновъ*. М. Новиковъ и моск. мартинисты. М. 1867 г. *А. Не-*

зеленовъ. Новиковъ. Спб. 1875 г. *А. Н. Пыпинъ*. Хронологическій указатель русскихъ ложъ. Спб. 1873. *Его же* «Русское массонство до Новикова». «Вѣсти. Евр.» 1867 г. и разборъ книги Лонгинова «В. Е.» 1867 г. «Матеріалы для исторіи мас. ложи» I в. 1872. *Тихонравовъ Н. С.* Соч. т. III. М. 1898 г.

«Мои бездѣлки», названіе сборника статей Карамзина. М. 1794 г.

Мордвиновъ, графъ **Николай Семеновичъ** (1754—1845). Государственный дѣятель. О немъ см. *А. Иконниковъ*. «Гр. Н. С. М.» Спб. 1873 г. Рылѣевъ посвятилъ ему стихотв. «Гражданское мужество».

Московскій особый цензурный комитетъ. По уставу 1826 г. (Шишкова) во главѣ цензурнаго управленія стоялъ верховный цензурный комитетъ изъ трехъ министровъ: народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Главный цензурный комитетъ находился въ Петербургѣ, особые комитеты, подчиненные попечителямъ учебнаго округа, учреждались въ Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ и состояли изъ трехъ цензоровъ, одинъ изъ которыхъ являлся предсѣдателемъ. Въ члены московскаго комитета Аксаковъ вступилъ въ 1827 г. (Ср. его Литер. и театр. воспоминанія»); о цензорской дѣятельности А., главнымъ образомъ въ отношеніи къ Н. А. Полевому и журналу Моск. Телегр.», далеко не безпристрастно, разсказываетъ Кс. Полевой въ своихъ «Запискахъ». П. А. Ефремовъ въ предисловіи къ изданію «Сочиненій Полежаева» (Спб. 1888 г. изд. Суворина) говоритъ: «Изданіе 1832 г. процензуровано С. Т. А., который сдѣлалъ многочисленныя исключенія, притомъ даже въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя прежде появленія въ этомъ сборникѣ были напечатаны безъ пропусковъ. Изданіе 1833 г. цензуровано И. М. Снегиревымъ съ значительно меньшими исключеніями, чѣмъ это сдѣлалъ С. Т. А.» Тѣмъ не менѣе и такая «осторожность» впослѣдствіи не спасла А. отъ гауптвахты, исключенія со службы и подозрѣніе «въ неблагонамѣренности». О «чугунномъ уставѣ» 1826 г. (Шишкова) см. *М. И. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи, т. I; *В. Пятковскій*. Изъ исторіи нашего литер. и общ. развитія.

«Московскій Вѣстникъ», историко-философскій журналъ, издававшійся въ Москвѣ 1827—1830 г. Редакторы М. П. Погодинъ и С. П. Шевыревъ. Аксаковымъ въ 1830 г. помѣщено въ «М. В.» «Письмо къ издателю о значеніи поэзіи Пушкина». Къ журналу прилагалось особое «Драматическое прибавленіе», гдѣ С. Т. давалъ «Обзоры театра».

«Московскій сборникъ», (москов. литературный и ученый сборникъ). Всего вышло въ изданіи В. А. Панова три тома (1846 г., 1847 г. и 1852 г.). Третій томъ подвергся запрещенію за статью К. С. Аксакова «О богатыряхъ князя Владиміра», а главные вкладчики Аксаковы, Кирѣевскіе и Хомяковъ отданы подъ надзоръ полиціи.

«Московскій телеграфъ», одинъ изъ лучшихъ русскихъ журналовъ первой половины XIX вѣка, издававшійся въ Москвѣ (1825—1834) Н. А. Полевымъ. Журналъ выходилъ дважды въ мѣсяцъ и долженъ былъ служить зеркаломъ, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. За отзывъ о пьесѣ Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» закрытъ въ 1834 г. О журналѣ см. *Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи, т. 2. Спб. *Л. Весинъ*. Очерки рус. журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ. Спб. *Бѣлинскій*. Сочиненія.

Мочаловъ, Павелъ Степановичъ, знаменитый артистъ московской сцены (1800—1848 г.) О немъ см. *Бѣлинскій*. Сочин. т. II и III, ред. Венгерова.

Мочаловъ, Степанъ Федоровичъ, отецъ П. С., извѣстный актеръ-трагикъ.

Надеждино (Куроѣдово, Парашино въ «Семейной хроникѣ»). Село Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ. При семейномъ раздѣлѣ досталось Серг. Тим.

Николевъ, Николай Петровичъ (1758—1815). О немъ и его стихотворныя произведенія, см. «*Русская Поэзія*» подъ ред. Венгерова, т. I, стр. 784—814.

Ново-Аксаково, или Знаменское, село Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губ. До 1796 г. Бугурусланскій уѣздъ входилъ въ составъ Уфимскаго намѣстничества (см. ниже), въ 1796 г. отошелъ къ Оренбургской губ., а въ 1850 г. съ образова-

ніемъ новой Самарской губ. причисленъ къ послѣдней. С. Т. очень любилъ свое «милое, дорогое, богатое водами, лугами, болотами и отдѣльными рощами, Аксаково».

Общество любителей отечественной словесности въ Казани. Возникло изъ кружка молодежи—первыхъ студентовъ Казанскаго университета. Въ 1814 г. былъ утвержденъ уставъ общества и вскорѣ вышла первая и единственная книга его «Трудовъ». К. 1815—1817. Ср. *Н. Буличъ.* Очерки по исторіи р. литературы и просвѣщенія, т. II. Спб. 1905 г. *Н. Поповъ.* Русскій Вѣстн. 1858 г. т. 23».

Общество любителей россійской словесности, возникло въ 1811 г. съ цѣлью распространенія свѣдѣній о правилахъ и образцахъ здравой словесности и доставленія публикѣ обработанныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, на русскомъ языкѣ, разсмотрѣнныхъ предварительно и прочитанныхъ въ собраніяхъ. «Тогда же были изданы первые четыре тома «Трудовъ общества». Съ 1844—1858 г. дѣятельность общества прекратилась. Въ 1866 г. утвержденъ новый уставъ и общество продолжаетъ успѣшно дѣйствовать до сихъ поръ.

Озеровъ, Владиславъ Александровичъ (1770—1816). Драматургъ. Сочиненія. Спб. 1856 г. О немъ *Л. Майковъ.* «Пушкинъ». Спб. 1899 г. *А. Селинъ.* Значеніе Озерова въ исторіи р. литературы. Кіевъ. 1870.

Олениинъ, Александръ Николаевичъ (1763—1843). Членъ Россійской Академіи и Академіи Художествъ, директоръ Публичной Библіотеки и членъ шишковской «Бесѣды». См. *Сухомлиновъ.* Исторія рос. акад., т. VII

«Отечественныя Записки». Начаты Павломъ Свиньинымъ въ видѣ сборниковъ т. I—1818 г., т. II—1819 г. Съ 1820—1830 подъ тѣмъ же заглавіемъ издавался Свиньинымъ ежемѣсячный журналъ, преимущественно историческаго характера. Въ 1839 г. изданіе перешло къ А. А. Краевскому. Вскорѣ же въ «Отеч. Зап.» принялъ дѣятельное участіе Бѣлинскій и его друзья. Журналъ, до основанія «Современника» (1847 г.), былъ самымъ вліятельнымъ органомъ журналистики сороковыхъ годовъ.

Офренъ, Жанъ-Риваль (1720—1806), артистъ «Comédie Française», приглашенный въ Россію при организаціи постоянной французской труппы. Преподавалъ декламацію въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, гдѣ обучались первые русскіе актеры. Умеръ въ Россіи.

Павловъ, Николай Филипповичъ (1805—1864), беллетристъ, авторъ въ свое время нашумѣвшихъ повѣстей: «Ятаганъ», «Именины» и «плодовитый журналистъ». О немъ: *Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи. Т. II. Спб. 1889 г.

Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ (1792—1859). Младшій братъ Александра и Ивана Панаевыхъ (см. «Воспоминанія» Аксакова), воспитанникъ Казанской гимназіи и университета поэтъ-идилликъ. Объ Аксаковѣ, см. его «Воспоминанія» «Вѣстн. Европы» 1867, №№ 3 и 4.

Панаевъ, Иванъ Ивановичъ (1812—1862).—Беллетристъ и журналистъ. Вмѣстѣ съ Некрасовымъ издавалъ «Современникъ». Въ его Литер. Воспомин. 1830—1847 много цѣнныхъ данныхъ о С. Т. А—ѣ. (см. Сочин. *И. И. Панаева* т. 6-ой и отд. Литер. Восп.).

Перевощиковъ, Дмитрій Матвѣевичъ (1788—1800).—Товарищъ С. Т. по Казанскому Университету, профессоръ астрономіи, впослѣдствіи ректоръ московскаго университета.

Пановъ, Василій Алексѣевичъ, издатель «Московскаго сборника» (1846 и 1847 г.).

Парашино, село («Семейная хроника). См. *Надеждино.*

Писаревъ, Александръ Ивановичъ (1803—1828). О немъ, кромѣ воспоминанія С. Т. Аксакова, см. «Записки» *Кс. Полевого.* Спб. 1888 г.

Плавильщиковъ, Петръ Алексѣевичъ. Одинъ изъ первыхъ русскихъ артистовъ и писателей о театрѣ и для театра (1760—1812). Получилъ образованіе въ

Московскомъ университетѣ. Сочиненія Плавильщикова вышли въ 1816 г. въ четырехъ томахъ. Спб.

Плетневъ, Петръ Александровичъ (1792—1862). Критикъ, профессоръ русской литературы и ректоръ Спб. университета. Сочиненія и переписка Пл. 3 т. Спб. 1885 г. О немъ. см. «Переписку Пл. съ Я. К. Гротомъ». Спб. 1896 г. *Л. Майковъ.* Истор. литер. очерки. Спб. 1895 г. и «Русск. Старина» 1908 г.

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ (1800—1875). Историкъ и журналистъ, редакторъ «Московск. Вѣстника» и «Москвитянина». О немъ см. *П. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. П. 20 т. Спб. 1890—1905 г. и *Бестужевъ-Рюминъ.* «Біографіи и характеристики». Спб. 1878 г.

Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ (1801—1867). Писатель и журналистъ. См. его «Записки» Спб. 1888 г.

Полевой, Николай Алексѣевичъ (1796—1846). О немъ: *Бѣлинскій.* Сочин. Т. XII, изд. Солдатенкова. Записки *Кс. Полевого. Ив. Ивановъ.* Исторія русск. критики. *Чернышевскій.* (Очерки Гогол. періода). Соч. Т. 2. *Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи. Съ Полевымъ Аксаковъ велъ ожесточенную войну. Полевой не щадилъ его въ «Моск. Телегр.», Аксаковъ отвѣчалъ ему тѣмъ же въ «Галатеѣ» и «Моск. Вѣстникѣ». «Будь г. Полевой дурной писатель, никогда мои руки не подпялись бы противъ него; но лицо, представляемое имъ въ нашей литературѣ не только смѣшно, но и вредно: какъ издатель журнала, онъ разсѣеваетъ свои кривые толки, несправедливыя и пристрастныя сужденія; слѣдовательно, обличать его въ неправдѣ и невѣжествѣ, унижать его литературное лицо—есть долгъ каждаго любителя словесности». Такъ писалъ А. въ «Галатеѣ» 1829 г., т. е. въ то время, когда онъ былъ не только «любителемъ словесности», но и цензоромъ. «Вредность» Полевого въ оцѣнкѣ А.-цензора еще болѣе усугублялась, и онъ не могъ относиться безпристрастно къ журналу, «разсѣивающему кривые толки» и «пристрастныя сужденія», тѣмъ болѣе, что эти сужденія и толки близко касались того литературнаго направленія», которое считалъ своимъ Аксаковъ и литературныхъ друзей перваго періода его писательства; даже лестную оцѣнку «Бурана» Акс. приписалъ не чутью издателя-редактора «Телеграфа», а тому, что Полевой не зналъ имени автора.

Полторацкая, Варвара Марковна, жена извѣстнаго библіографа Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго.

Похожденія Аристея и Телазіи, съ франц. Спб. 1764 г.

«Приключенія по смерти», сочиненіе Юнга-Штиллинга, переводъ Лабзина. Спб. 1805. (Знакомство съ мартинистами).

Приключенія (достопамятныя) **Ильи Бенделя,** сына Стокгольмскаго рыбака, имъ самимъ сочиненныя; перев. съ нѣм. 2 ч. М. 1789.

Прокоповичъ-Антонскій, Антонъ Антоновичъ (1762—1848). Первый предсѣдатель общества любителей рос. словесности, авторъ многихъ учебныхъ книгъ, инспекторъ благороднаго пансіона, дѣятельный сотрудникъ журналовъ и издатель.

Путешествіе младого Костиса отъ Востока къ полудню («Знакомство съ мартинистами»), сочиненіе Эккарстгаузена, переводъ и изданіе Лабзина (подпись У. М.—ученикъ мудрости). Спб. 1801. Книга выдержала три изданія.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ (1799 — 1837). Аксаковымъ написана ст. «О значеніи поэзіи Пушкина (Моск. Вѣст.) сочин. т. IV. Любопытна отмѣтка Погодина въ Дневникѣ о томъ впечатлѣніи, которое произвела смерть П. въ семействѣ Аксаковыхъ: «въ этомъ семействѣ истинно горько сожалѣла о П. только одна Ольга Семеновна» (*Барсуковъ*, т. IV).

Пушкинъ, Алексѣй Михайловичъ. Стихотворецъ. Дальній родственникъ А. С. Пушкина.

Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка А. Шишкова. Спб. 1803. Аксаковъ прочиталъ «Р.» въ первый разъ въ 1806 г.

Родзянко, Аркадій Гавриловичъ († 1831 г.). Стихотворецъ. Къ нему

стихи Пушкина. Т. I. Изд. Литературнаго Фонда, стр. 347, 352 и т. VII письма стр. 72.

Русская Бесѣда», журналъ, выходившій въ Москвѣ 1856 — 1860 г.; до 1859 г. четыре раза въ годъ, съ 1859 г. по шести книгъ въ годъ. Редакція принадлежала А. И. Кошелеву, Т. И. Филиппову и съ 1859 г. И. С. Аксакову. Органъ славянофиловъ. На страницахъ «Р. Б.» появились послѣдніе два отрывка изъ «Семейной хроники» (см.) и недокончennая повѣсть С. Т. «Наташа». Въ 1857 г. Аксаковъ писалъ В. П. Безобразову, что онъ «ни въ какихъ журналахъ, кромѣ «Русской Б.» не участвуетъ. (См. «Воспоминанія о Д. П. Мертваго», сочиненія Аксакова. Т. Ш. изд. 1902 г.).

Русскій Вѣстникъ». Подъ этимъ именемъ разновременно выходили три, не имѣющія между собою общаго изданія: 1) съ 1808—1824 г. въ Москвѣ «Р. В.» издавалъ С. Н. Глинка, 2) съ 1841—1844 г. въ Петербургѣ Н. И. Гречъ и 3) съ 1856—1887 г. «Р. В.» издавался Катковымъ въ Москвѣ.

Рѣдкинъ, Петръ Георгіевичъ. Извѣстный юристъ (1808—1891). Въ сороковыхъ годахъ сотрудникъ «Москвитянина» и профессоръ энциклопедіи права въ Москов. универс. Лекціи Рѣдкина по исторіи философіи права. Спб. 1889—91, 7 выпусковъ. О немъ *Шимановскій.* Біогр. очеркъ. Одесса, 1891 г. и «Словарь профессоровъ петерб. университета. Спб. 1898 г.

Рѣпина, Надежда Васильевна, по мужу Верстовская. Извѣстная оперная артистка.

Рыкаловъ, Василій Ѳедотовичъ (1771—1813). Актеръ императ. театровъ.

Рыкаловъ, Василій Васильевичъ (1798—1826). Комическій актеръ московской сцены. О семьѣ Рыкаловыхъ см. очеркъ *А. Н. Сиротинина*: «Артистическая семья» «Русск. Арх.» 1887. кн. 7.

Рычковъ, Петръ Ивановичъ Уп. л. («Дѣтскіе годы»). Авторъ перваго описанія города Оренбурга» (1744) и «Исторія Оренбургская (1759). 2-ое изд. 1896 г. «Оренбургская топографія» (1762).

Рязанцевъ, Василій Ивановичъ (1800—1831), извѣстный комическій актеръ московской сцены.

Сабуровъ, Александръ Матвѣевичъ (1800—1831). Артистъ московскихъ театровъ, его жена Аграфена Тимофеевна—выдающаяся артистка; подвизалась сначала въ оперѣ, потомъ въ драмѣ.

Садовскій, Провъ Михайловичъ (1818—1872 г.) Другъ Островскаго, создавшій славу и себѣ, и драматургу, какъ лучшій сценическій выразитель его типовъ.

Самаринъ, Юрій Ѳедоровичъ, писатель славянофилъ (1819—1876 г.). Сочиненія С. М. 1877—1896 г.г. О немъ: сборникъ «Въ память Ю. Ѳ. Самарина», Спб. 1876 г.

Семенова, Екатерина Семеновна, знаменитая артистка (1786—1849 г.) впослѣдствіи княгиня Гагарина. Дочь крѣпостного дворового, училась въ театральной школѣ и 1805 г., дебютировала на сценѣ въ роли Антигоны («Эдипъ въ Аѳинахъ» Озерова). Сценическая дѣятельность ея продолжалась до 1827 г.

«Сіонскій Вѣстникъ», религіозно-нравственный журналъ Лабзина. Выходилъ въ 1806—7 г. (вышло 9 книжекъ); возродился снова послѣ перерыва въ 1817—1821 г. Былъ запрещенъ за свое мистическое направленіе, но съ 1817 началъ вновь издаваться по Высочайшему повелѣнію, и тотъ же самый прокуроръ Синода кн. Голицынъ, запретившій журналъ въ 1806 г., освободилъ «С. В.» отъ цензуры.

Смирдинъ, Александръ Филипповичъ (1795—1857). Извѣстный книготорговецъ, издатель собраній сочиненій р. авторовъ, Альманаха «Сто р. литераторовъ», журналовъ «Библіотека для чтенія» и «Сынъ Отечества». Въ память Смирдина русскими писателями былъ изданъ особый «Сборникъ литер. статей». Спб. 1858 г.

Соллогубъ, Владиміръ Александровичъ (1814 — 1882). На литературное поприще выступилъ въ 1837 г. Особымъ успѣхомъ пользовались его «Исторія

двухъ калошъ» (1839) «Большой свѣтъ» (1840) и «Тарантасъ» (1845 г.) Сочиненіе С. въ пяти томахъ (беллетристика) Спб. 1855—56.

Сонникъ, или истолкованіе сновъ, приключающихся спящимъ людямъ, съ нужными примѣчаніями, мнѣніемъ двухъ знаменитыхъ писателей о разныхъ видѣніяхъ и причинѣ оныхъ, о сложеніи человѣческаго тѣла и зависящей отъ онаго нравственности, съ 45 извѣстіями о снахъ, какіе кому были и что по онымъ случилось, и столѣтняго греческаго старца астрономическая таблица, показывающая знаніе сновъ». Спб. 1784 г.

Сосницкій, Иванъ Ивановичъ (1794—1877). Знаменитый артистъ. О немъ см. *Бѣлинскій.* Сочиненія.—Ежегодникъ имп. театровъ. 1892—93 г.

Станкевичъ, Николай Владиміровичъ (1813—1840). Стихотворенія и проза ст. изданы въ 1900 г. М. О немъ: *Анненковъ. П. В.* Литературныя Воспоминанія Спб. 1909 г. *М. О. Гершензонъ* «Молодая Россія» М. 1908 г. *А. Н. Веселовскій.* Кружокъ Станкевича. Вѣсти. Европы, 1882 г. май.

Старое Аксаково, или Троицкое,—село, симбирской губерніи. «Скучное, безводное, кругомъ лѣсное», по словамъ С. Т. («Собираніе бабочекъ»).

Сергіевскія минеральныя воды («Наташа») въ 86 верстахъ отъ уѣздн. города Бугуруслана и въ 10 верстахъ отъ Сергіевска, ст. Самарск. Златоуст. ж. д.

Старшина Кантонный,—должностное лицо изъ башкирцевъ, управлявшій кантономъ. Башкирское войско въ 1798 г. было раздѣлено на 12 частей, или кантоновъ.

«Сто русскихъ литераторовъ», литературный альманахъ, издававшійся А. Смирдинымъ. Вышло десять томовъ, заключающихъ произведенія ста русскихъ писателей (1839—1847 гг.).

Строгановъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ (1794—1882). Генералъ-отъ кавалеріи; въ 1835—1847 г. былъ попечителемъ моск. учебн. округа и много содѣйствовалъ университету путемъ поддержки и покровительства талантливымъ людямъ. См. «Вѣсти. Евр. ст. проф. *А. Кочубинскаго* 1896 г. № 7 и 8.

Стурдза, Александръ Михайловичъ (1791—1854 г.).—Румынъ по происхожденію, учился въ Германіи, университеты которой, по словамъ С. (1818 г.) являются «разсадниками революціоннаго духа и атеизма». Служилъ по дипломатической части, одно время увлекался религіозными вопросами. Записки С., см. «Русск. Ст.» 1873 г. т. XV.

Сумароковъ, Александръ Петровичъ (1718—1777).—Сочиненія С. въ 10 частяхъ, о которыхъ упоминаетъ въ «Дѣтскихъ годахъ» С. Т. Аксаковъ, изданы Новиковымъ. М. 1781—82 и 2-е изд. М. 1787. О немъ: *Н. Буличъ.* «С. и современная ему критика.» Спб. 1854. Литература о С. «Русская поэзія» т. I. Дополненія, стр. 362.

«Сынъ Отечества», еженедѣльный журналъ. Выходилъ съ 1812 г.—редакція Греча, съ 1825 г. редактировалъ Гречъ совмѣстно съ Булгаринымъ. Въ 1838 г. перешелъ къ Смирдину: въ 1840 г. редакторомъ «С. О.» былъ Никитенко, въ 1841 г. Сенковскій и затѣмъ К. Масальскій. Журналъ, переходя отъ издателя къ издателю, просуществовалъ до 1852 г. и закончилъ свое существованіе въ изданіи П. Фурмана.

«Сѣверный Вѣстникъ», ежемѣсячный журналъ, издававшійся И. И. Мартыновымъ въ Спб. 1804—1805 гг.

«Сѣверный Наблюдатель», еженедѣльный журналъ, выходившій въ 1817 г. подъ редакціей П. А. Корсакова.

Толстой, графъ Ѳедоръ Петровичъ (1783—1873 г.). Извѣстный художникъ, вице-президентъ академіи художествъ и энергичный дѣятель въ области русскаго искусства. Его «Записки» см. «Русск. Старина» 1871 г., т. VII.

Троепольская, Татьяна Михайловна. Знаменитая «первая» русская артистка, одна изъ первыхъ женщинъ-актрисъ на русской сценѣ. Умерла въ день

своего бенефиса предъ поднятіемъ занавѣса въ театральной уборной (1774 г.). Ей посвященъ водевиль Хмельницкаго «Первый дебютъ актрисы Троепольской».

Троицкое, см. *Старо-Аксаково.*

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ (1818 — 1883). Знакомство Тургенева съ С. Т. началось съ 1852 года, тогда же началась оживленная переписка между Тургеневымъ и семействомъ Аксаковыхъ. Напечатаны письма И. С. Тургенева въ «Вѣстн. Евр.» 1894 г. №№ 1—2; письма Аксаковыхъ (Серг. Тим. Ивана и Константина Сергѣевичей) съ примѣчаніями и введеніемъ академика Л. Н. Майкова «Русское обозрѣніе» № 8—12, 1894 г.

«Тысяча и одна ночь», сказки арабскія, перев. съ арабскаго на французскій г. *Голландомъ,* а съ сего на россійскій языкъ *Алексѣемъ Филатовымъ.* 12 ч. М. 1763—1771, четвертое изданіе 1796 г.

Уфа, съ 1782 по 1796 гг. главный городъ Уфимскаго намѣстничества, съ 1796 г. уѣздный городъ Оренб. губ.; съ 1802 г. административный центръ Оренбургской губерніи (вмѣсто Оренбурга). Съ образованіемъ въ 1865 г. Уфимской губ. губернскій городъ.

Уфимское Намѣстничество. Башкирскій край (покоренный послѣ взятія Казани) въ 1708 г. былъ причисленъ къ Казанской губ., въ 1719 г. образована особая Уфимская провинція, входившяа въ составъ Казанск. губ.; въ 1744 г. провинція отошла къ ново-образованной Оренб. губ., въ 1781 г. возникло Уф. намѣстничество изъ двухъ областей—Оренб. и Уфимской. Въ 1796 г. намѣстничество было переименованно въ Оренб. губ.

Уваровъ, графъ Сергѣй Семеновичъ (1786—1855). Министръ народнаго просвѣщенія съ 1833—49 гг. и съ 1818 г.—1855 г. президентъ Академіи Наукъ. Списокъ его литер. трудовъ въ «Русскомъ архивѣ» 1871 г.

Фуксъ, Карлъ Ѳедоровичъ («Собираніе бабочекъ»), стр. Профессоръ естественной исторіи и ботаники въ Казанскомъ университетѣ, позднѣе профессоръ патологіи, терапіи, клиническ. анатоміи, физіологіи и судебной медицины, деканъ врачебнаго отдѣленія; съ 1827 г. ректоръ. Род. въ 1776 г., учился въ Геттингенѣ на медицинскомъ факультетѣ. Въ Россіи (1800 г.) началъ службу полковымъ врачомъ; извѣстенъ какъ археологъ, историкъ и этнографъ Поволжья, ум. въ 1846 г.). О немъ см. *Н. Буличъ.* «Изъ первыхъ лѣтъ Каз. универс. 1805—1819 г.» 2 т. К. 1887 и 1891 г. «Казанскій Литерат. Сборникъ» ст. Г. Пономарева»: К. Ѳ. Фуксъ и его время. К. 1878 г.).

Хвостовъ, Дмитрій Ивановичъ (1757 — 1835). Бездарный стихотворецъ, самъ величавшій себя «пѣвцомъ Кубры» (названіе рѣки, протекавшей въ имѣніи Хвостова и воспѣтой имъ). О немъ см. *П. О. Морозовъ.* «Русская Старина» 1892 г. т. 74 и 75. *Сухомлиновъ.* Исторія Рос. Академіи т. 5-й.

Хвостовъ, Александръ Семеновичъ (1753—1820). Стихотворецъ и переводчикъ, членъ Рос. Академіи, предсѣдатель «Русской Бесѣды». О немъ см. «Русскій Біогр. Словарь». Спб. 1901 г.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ (1733—1807). Аксаковъ въ дѣтствѣ зачитывался поэмой Х. «въ двѣнадцати пѣсняхъ» («Россіада»). Отдѣльное изданіе ея вышло М. 1779 г.

Хмельницкій, Николай Павловичъ (1789—1845). Драматическій писатель, авторъ многихъ пьесъ, переводчикъ Мольера. Въ сотрудничествѣ съ Грибоѣдовымъ и Шаховскимъ написалъ водевиль «Своя семья». Сочиненія Хмельницкаго, Спб. 1849, изд. А. Смирдина. О немъ: *Н. Коробка.* Въ Ежегодникѣ Импер. Театровъ 1895—96, прил. кн. I.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ (1804—1860). Сочиненія Х. М. 1900—1906 г. 8 т. Стихотворенія М. 1900 г. О немъ: *Лясковскій.* «А. С. Х.» Спб. 1898 г. и работа проф. *В. Завитневича* «А. С. Х.» т. I. Кіевъ. 1902 г. Того же автора «Хомяковъ, какъ богословъ». 2 т. Кіевъ. 1905 г.

Черевинъ, Павелъ Дмитріевичъ (1802 — 1824). Сотрудникъ «Вѣстника Европы». См. Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона т. 76.

Шатровъ, Николай Михайловичъ (1765—1841 г.) Стихотворецъ школы Шишкова. Стихотворенія Ш. были изданы Академіей Наукъ. Спб. 1831 г. 2 т.

Шаховской, Александръ Александровичъ, кн. Драматургъ (1777 — 1846), авторъ многочисленныхъ комедій: «Липецкія воды», «Казакъ стихотворецъ», операъ-водевилей: «Любовное зелье», «Русалка». О немъ: *Ярцевъ А.* въ Ежегодникѣ Имп. театровъ въ 1894—95 г. *Гаршинъ Е.* «Одинъ изъ забытыхъ писателей» «Историч. Вѣстн. 1883 г. № 7.

Шевыревъ, Степанъ Петровичъ (1806—1864). Профессоръ русск. словесности моск. Университета, соредакторъ «Моск. Вѣстн.», критикъ, поэтъ и переводчикъ. Его статья объ Аксаковѣ («Дѣтск. годы») «Русск. Бес.» 1858 г. № 10.

Ширинскій-Шихматовъ, князь Сергѣй Александровичъ (1783—1837). Поэтъ, членъ шишковской «Бесѣды». Закончилъ жизнь въ монастырѣ іеромонахомъ. См. «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ кн. С. А. Ш-ІІ». Спб. 1852 г.

Ширинскій-Шихматовъ, Платонъ Александровичъ (1790—1853). Писатель, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія.

Шишковъ, Александръ Ардальоновичъ (1799—1832).—Поэтъ и переводчикъ, племянникъ А. С. Шишкова. Сочиненія и переводы капитана *Ш.* 4 ч. Спб. 1834—35. Изд. Академіи Наукъ. Литературу о немъ см. Энц. Слов. Брокгауза, т. 78.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1754—1841). Писатель и государственный дѣятель. Сочиненія *Ш.* 17 ч. Спб. 1819—39 г.г. Изд. Рос. Академіи. О немъ: *В. Стоюнинъ.* «А. С. Ш.» Спб. 1880 г. *Сухомлиновъ.* Исторія Россійск. Академіи, т. VII. См. также «Записки, мнѣнія и переписка *Ш.*» Берлинъ, 1870 г.

Шумскій, Сергѣй Васильевичъ (1821—1878). Артистъ московской сцены. Фамилія его Чесноковъ; артистическое имя дано директоромъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ за первое удачное исполненіе роли Шумскаго въ пьесѣ Хмельницкаго.

Шушеринъ, Яковъ Емельяновичъ (умеръ въ 1813). О немъ, кромѣ Воспом. Аксакова, см. въ книжкѣ *Ярцева* «Волковъ», біогр. библіотека Павленкова.

Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ. Знаменитый русскій артистъ (1788 — 1863). Близкій человѣкъ въ современныхъ литературныхъ кружкахъ. См. «Записки и письма М. С. Щепкина», со вступительной статьей С. Т. Аксакова. Спб. 1864 г.

Щепкинъ, Павелъ Степановичъ (1793—1836). Профессоръ математики московск. универс., дальній родственникъ артиста М. С. Щепкина, основатель перваго въ Россіи математическаго общества.

Эккартсгаузенъ, Карлъ (1752—1803). Нѣмецкій писатель. Русскіе переводы начали появляться съ 1802 г. («Страждущая невинность»). См. *П. Буличъ.* Очерки по исторіи р. литературы. Т. I.

Эрмитажный театръ построенъ итальянцемъ Дм. Кваренги въ 1785 г. на мѣстѣ бывшаго дворца Петра Великаго.

Юнгъ-Штиллингъ (1740—1817). Нѣмецкій писатель-мистикъ, имѣвшій большое вліяніе на русскихъ мистиковъ. Переводы Лубяновскаго, Лабзина и др. начали появляться съ 1799 г., но встрѣтили цензурныя гоненія. «Das Heimweh» былъ истребленъ по Высочайшему повелѣнію (1807 г.), но въ 1818 г., вмѣстѣ съ перемѣной направленія правительственныхъ взглядовъ, появился полностью. О немъ: *А. Пыпинъ.* «Общ. движеніе при Алекс. I».

Языковъ, Дмитрій Ивановичъ (1773—1845). Писатель и переводчикъ, непремѣнный секретарь Россійской Академіи и академикъ. Перевелъ Беккарія «О преступленіяхъ». Спб. 1803 г., Монтескье «О существѣ законовъ». Спб. 1800—14 г.г. Его комедія «Влюбленный Шекспиръ» упоминается въ воспоминаніяхъ Аксакова безъ имени автора. О немъ: *А. Милюковъ.* «Историч. Вѣстн.» 1884 г. № 4.

Яковлевъ, Алексѣй Семеновичъ (1773—1817). Знаменитый артистъ-самоучка. Сынъ обѣднѣвшаго петербургскаго купца. Послѣ недолгой подготовки у Дмитревскаго, дебютировалъ въ 1794 г. и былъ принятъ на сцену Императорскаго театра; трагедіи Озерова дали Яковлеву славу. Сочиненія Яковлева изданы въ 1827 г. Спб.

Приложеніе 4-ое.

Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Аксакова.

Багрово-Новое[1])—«Семейная Хроника» I, II, IV. «Дѣтскіе годы», «Воспоминанія» (Годъ въ деревнѣ).

Багрово-Старое[2])—«Семейная Хроника».

Казань—«Воспоминанія» («Гимназія I и II, «Университетъ»). «Собираніе бабочекъ».

Куроѣдово, см. Парашино.

Москва—«Литературныя и театр. воспоминанія».

Надеждино, см. Парашино.

Парашино[3])—«Семейная Хроника II, «Дѣтскіе годы».

СПБургъ— «Воспоминанія о Шишковѣ и Державинѣ». «Встрѣча съ мартистами».

Сергіевскія Минеральныя воды[4])—«Наташа».

Уфа—«Семейная Хроника» III, V. «Дѣтскіе годы».

Чурасово[5])—«Дѣтскіе годы».

---

[1]) Ново-Аксаково, или Знаменское, село Самарской губ., Бугурусланскаго уѣзда и станція ж. д. того же имени.

[2]) Старо-Аксаково, или село Троицкое, Симбирской губ.

[3]) Вотчина С Тим, село въ семи верстахъ отъ г. Белебея, Уфимской губ., находится въ ста верстахъ отъ Ново-Аксакова. Въ Надеждинѣ (Парашинѣ) умеръ насильственной смертью Куроѣдовъ (Куролесовъ).

[4]) Близъ заштатнаго города Сергіевска, Уфимск. губ.

[5]) Чуфарово, с. Уфимск. губ.

Литературные типы С. Т. АКСАКОВА.

(Выпускъ 5-й).

Редакція Н. Д. Носкова,

при сотрудничествѣ:

Лебедева, Н. Н., Майера, Н. В., Мартиросова, С. Е., Носковой, Е. К. и Поварнина, С. И.

Стр.

1. **Предисловіе** 5
2. **С. Т. Аксаковъ** (біографическая канва) 7
3. **Характеристики всѣхъ типовъ и образовъ** 11
4. **Перечень произведеній** (историко-литературныя строки) 75
5. **Источники для изученія Аксакова** 88
6. **Приложенія:**
   - а) Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій 89
   - б) Особенности аксаковскаго стиля 90
   - в) Списокъ лицъ, именъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ произведеніяхъ Аксакова 95
   - г) Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Аксакова 111

„МІРЪ“

иллюстрированный литературный, научный общественно-политическій журналъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ **5** р.

Для выписывающихъ за границу къ означенной цѣнѣ прибавляется стоимость доставки.

Цѣна отдѣльнаго № **40** коп.

ПРИ СОТРУДНИЧЕСТВѢ СЛѢДУЮЩИХЪ ЛИЦЪ:

Агафоновъ В. К., Андрусонъ Л., Арабажинъ К. И., Арцыбашевъ М. П., Ашенбреннеръ Мих., проф. Батюшковъ Ф. Д., Баранцевичъ К. С., Беренштамъ В. В., Бернштейнъ Н. Д., Богушевскій Л. Л., Борисякъ А. А., Брусянинъ В., Будищевъ А. Н., Бухъ Л. К., Василевскій Л. М., Велиховъ А., Венгерова З., Вересаевъ В. В., Гриневская И. А., Годинъ Я., Гласко В. И., Градовскій Г. К., Дымовъ О. И., проф. Ермаковъ В. П., Зайцевъ Д., проф. Зографъ Н. Ю., Измайловъ А. А., проф. Иванюковъ И. И., Клейнбортъ Л. Н., Корсаковъ Н. Д., проф. Красновъ А. Н., Кремлевъ А. Н., Кубе О. В., Купринъ А. И., Лейтесъ К. С., Лаврентьевъ Д. К., Левъ Мовичъ, Леонтьевъ П. П., Ленскій В., проф. Лесгафтъ П. Ф., Лукашевичъ І., Марковичъ Р., Минцловъ С. Р., Мищенко Л. Л., Морозовъ В. А., Новиковъ А. И., Новорусскій М. В., Носковъ Н. Д., проф. Перетцъ В. Н., Петлюра С., пр.-д. Поварнинъ С. И., Потапенко И. Н., Потѣхинъ Ѳ. Ѳ., Протопоповъ Д. Д., Пружанскій Н. О., Рукавишниковъ Ив., Рюминъ В. В., Селивановъ А. Ф., Семеновъ Е. П., Соломинъ С., Танъ (Богоразъ) Б. К., Тенеромо И. Б., Тихоновъ В. А., Тотоміанцъ В. Ѳ., проф. Туганъ-Барановскій М. И., Федоровъ М. П., Филатовъ В. В. Цензоръ Д., Чириковъ Е. Н., Чюмина О., Чуковскій К. И., Щегловъ (Леонтьевъ) И. Л. Яновскій А. Е., д-ръ Яцута К. З., и др.

Адресъ редакціи:

С.-Петербургъ, Лиговская, 47.

Телефонъ № 288-70.

Редакторъ: **Л. Л. Богушевскій.** Издатель: **В Л. Богушевскій.**

„ВСХОДЫ“

иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы.

(Основанъ въ 1895 году).

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянные отдѣлы: **Изъ науки и жизни.—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.**

12 №№ **„Библіотеки Всходовъ“**—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Въ журналѣ помѣщались стихотворенія, разсказы, повѣсти, путевые очерки и научно-популярныя статьи слѣдующихъ авторовъ: **И. Абрамова, А. Алтаева, К. Баранцевича, А. Басовой, А. Боане, В. Брусянина, И. Бѣлоусова, М. Ватсонъ. А. Вережникова, П. Вольногорскаго, В. Вѣрина, А. Галагай, Г. Галиной, А. Доброхотова, С. Дрожжина, Ѳ. Зарина, Е. Игнатьева, И. Игнатьева, В. Измайлова, Л. Кормчаго, А. Купріяновой, П. Левицкаго, В. Ленскаго, А. Мирской, В. Немировича-Данченко, И. Новича, К. Носилова, Н. Носкова, А. Осипова, Д. Пахомова, М. Пожаровой, Н. Пружанскаго, А. Рославлева, А. Свирскаго, Г. Сѣверцева, Е. Шведера и др.**

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ въ Россіи 5 р.; на 1/2 года 2 р. 50 к.; на 1/4 года 1, р. 25 к.; на 1 мѣс. 42 к.; за границу 8 р.

Плата за объявл. 1 стр.—40 р., 1/2 стр.,—20 р., 1/4 стр.—10 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: **С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8,** въ конт. Печковской: **Москва, Петровскія линіи,**—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. **Э. Монвижъ-Монтвидъ.**

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Tipy Aksakova.
891.73 A315ZN
D90366716